

СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

№ 1(6)2025

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:

Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:

1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:

А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (917) 510-23-12

E-mail: ca-journal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://ca-journal.ru/>

**Современная Азия:
политика, экономика, общество**

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-85221 от 27.04.2023

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-3366

DOI: 10.48647/ICCA.2025.62.99.001

Подписано в печать 10.04.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

<i>Бредихин А.В., Сердюк А.А.</i> Перспективы участия ОАЭ в формате БРИКС+	5
<i>Харченко М.П.</i> Исторический аспект и перспективы развития сотрудничества в треугольнике Китай—Таджикистан—Россия	10
<i>Дун Чжэнья, Ковалева А.А.</i> Текущее состояние развития китайских предприятий в Казахстане	20

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Попов А.А.</i> Оценка влияния инвестиций в инфраструктурные проекты на социально-экономическое развитие Китая	35
<i>Караулова О.А.</i> Особенности российско-китайского сотрудничества в бизнес-среде как фактор культурного диалога	50
<i>Фу Яньцзе (КНР).</i> Роль народной дипломатии в торгово-экономическом российско-китайском сотрудничестве (на примере зарубежных китайских деловых ассоциаций)	61

ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО

<i>Сейткеміл Ж.Н., А. Ысқақнаби.</i> Понимание китайских идиом: ключ к изучению языка	74
<i>Бредихин А.В., Юсупова Х.М.Ш.</i> Успешные женщины в исламских странах и их вклад в развитие общества на примере Катара и Объединенных Арабских Эмиратов	80

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

<i>Милованова А.А.</i> Айнский вопрос в отношениях России и Японии на современном этапе	89
---	----

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности»	100
---	-----

TABLE OF CONTENTS

WORLD ECONOMY AND POLITICS

<i>Bredikhin A.V., Serdiuk A.A.</i> The Prospects of UAE Participation in the BRICS+ Format	5
<i>Kharchenko M.P.</i> Historical aspect and prospects for development of cooperation in the triangle China—Tajikistan—Russia	10
<i>Dong Zhenya, Kovaleva A.A.</i> Current State of Development of Chinese Enterprises in Kazakhstan	20

RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION

<i>Popov A.A.</i> Assessment of the impact of investments in infrastructure projects on China's socio-economic development	35
<i>Karaulova O.A.</i> Features of Russian-Chinese cooperation in the business environment as a factor of cultural dialogue	50
<i>Fu Yanjie (PRC).</i> The role of public diplomacy in trade and economic cooperation between Russia and China	61

ORIENTAL SOCIETY

<i>Seitkemil Z.N., Ysqaqnabi A.</i> Understanding Chinese idioms: the key to language learning	74
<i>Bredikhin A.V., Yusupova H.M.Sh.</i> Successful women in Islamic countries and their contribution to the development of society (on the example of Qatar and the United Arab Emirates)	80

HISTORY. ETHNOGRAPHY

<i>Milovanova A.A.</i> The Ainu issue in the context of current relations between Russia and Japan	89
--	----

ROUND TABLE

«China and the world on the threshold of 2025: challenges and opportunities»	100
--	-----

А.В. Бредихин, А.А. Сердюк

Перспективы участия ОАЭ в формате БРИКС+

Аннотация. В данной статье анализируются экономические перспективы присоединения Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) к расширенному формату БРИКС+. Рассматриваются потенциальные выгоды, такие как доступ к новым рынкам, привлечение инвестиций и развитие технологического сотрудничества, а также вызовы, связанные с конкуренцией и экономической асимметрией между членами БРИКС+. Особое внимание уделяется потенциалу развития исторического туризма в ОАЭ как дополнению к существующим туристическим направлениям. В заключение делается вывод о значительном потенциале сотрудничества для экономического роста и укрепления международных позиций ОАЭ.

Ключевые слова: ОАЭ, БРИКС+, экономический рост, инвестиции, технологическое сотрудничество, туризм, историческое наследие, международное сотрудничество.

Авторы: *Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник* Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Сердюк Анастасия Алексеевна, студент социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0009-0001-8793-0651. E-mail: s.nastya22@icloud.com

Для цитирования: Бредихин А.В., Сердюк А.А. Перспективы участия ОАЭ в формате БРИКС+ // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 5—9. DOI: 10.48647/ICCA.2025.23.99.002.

A.V. Bredikhin, A.A. Serdiuk

The Prospects of UAE Participation in the BRICS+ Format

Abstract. This article analyzes the economic prospects of the United Arab Emirates (UAE) joining the expanded BRICS+ format. It examines potential benefits such as access to new markets, attracting investment, and developing technological cooperation, as well as challenges related to competition and economic asymmetry among BRICS+ members. Particular attention is paid to the potential for developing histori-

cal tourism in the UAE as a complement to existing tourism sectors. The conclusion highlights the significant potential for cooperation to drive economic growth and strengthen the UAE's international standing.

Keywords: UAE, BRICS+, economic growth, investment, technological cooperation, tourism, historical heritage, international cooperation.

Authors: *Bredikhin Anton V., PhD (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.*

ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Serdiuk Anastasiia A., student of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0009-0001-8793-0651. E-mail: s.nastya22@icloud.com

For citation: Bredikhin A.V., Serdiuk A.A. The Prospects of UAE Participation in the BRICS+ Format. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 5–9. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.23.99.002.

Объединенные Арабские Эмираты с 1 января 2024 г. официально стали полноправным членом БРИКС. На сегодняшний день ОАЭ, являясь ключевым игроком на Ближнем Востоке и глобальной арене, проявляют все больший интерес к участию в расширяющемся формате БРИКС+. Этот формат, включающий в себя Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, а также ряд приглашенных стран, представляет собой динамичную и многообещающую платформу для экономического сотрудничества и геополитического влияния. Данная статья рассматривает перспективы участия ОАЭ в БРИКС+, потенциальные выгоды и вызовы, связанные с таким шагом, и анализ того, как это решение может повлиять на региональную и глобальную политику.

ОАЭ, будучи динамично развивающейся экономикой с амбициозными планами диверсификации, могут извлечь значительную выгоду из сотрудничества с быстрорастущими рынками стран БРИКС+. Только в 2018 г. валовой внутренний продукт ОАЭ составил 414 млрд долл. (1,52 трлн дирхамов), что сделало страну второй по величине экономикой на Ближнем Востоке после Саудовской Аравии [4].

Однако участие в этой многосторонней структуре также сопряжено с определенными вызовами, связанными с конкурентной средой, экономической асимметрией между участниками и необходимостью адаптации к меняющемуся глобальному экономическому ландшафту.

Развитие технологического сотрудничества как одна из экономических перспектив участия ОАЭ

БРИКС+ фокусируется на технологическом развитии. Для ОАЭ, стремящихся к технологическому лидерству, это создает возможности для обмена технологиями, совместных исследований и инноваций в таких областях, как искусственный интеллект, возобновляемые источники энергии и других передовых отраслях.

Так, например, в Дубае существует Музей будущего. Он представляет собой целый инновационный центр, посвященный технологиям и идеям, которые могут изменить мир [Museum...].

Учитывая быстрое развитие искусственного интеллекта, особенно важно поддерживать масштабные инвестиции и совместные усилия. ОАЭ смогут сосредоточиться на определенных нишах ИИ, используя сильные стороны партнеров по БРИКС+ в других областях.

В связи с этим важно учитывать и развитие передовых технологий. Сотрудничество в рамках БРИКС+ может способствовать развитию передовых технологий в ОАЭ, включая блокчейн, большие данные. Это позволит ОАЭ укрепить свои позиции в глобальной технологической гонке и создать новые высокотехнологичные отрасли.

Касаясь темы финансов, следует отметить, что Дубай является глобальным финансовым центром, а участие в Новом банке развития БРИКС даст доступ к альтернативным источникам финансирования инфраструктурных и технологических проектов.

Важно сказать и о привлекательности ОАЭ для туристов. Участие страны в БРИКС+ открывает обширные перспективы для развития туристической отрасли, учитывая ее стратегическое географическое положение, развитую инфраструктуру и статус одного из самых привлекательных туристических направлений мира. За 2024 г. только Дубай принял на 9 % больше иностранных туристов, чем годом ранее, — 18,7 млн человек. Это значительный рост по сравнению с 17,15 млн посетителей в 2023 г. Наследный принц Дубая, шейх Хамдан бин Мухаммед Аль Мактум подчеркнул, что эти результаты подтверждают лидирующие позиции Дубая как глобального центра туризма и бизнеса, привлекательного для жизни и работы [1].

Что касается путешественников из России, то в 2024 г. ОАЭ приняли около 2 млн российских туристов. Взаимный туристический поток составил более 67 тыс. эмиратских туристов, посетивших РФ [2].

Более того, Дубай и Абу-Даби являются одними из крупнейших авиахабов мира. Ежедневно из российской столицы вылетает по 3 рейса авиакомпании «Аэрофлот», 3 рейса авиакомпании Emirates и 2 рейса авиакомпании Etihad. После введения санкций в отношении России значительно возросло количество туристов, использующих авиакомпании Объединенных Арабских Эмиратов для транзита через ключевые авиационные узлы Дубая и Абу-Даби с целью дальнейших поездок в страны Юго-Восточной Азии.

Основываясь на личном опыте, хочется отметить, что на всех рейсах самолеты абсолютно полные, в какое бы время ни осуществлялись полеты. И это несмотря на то, что перечисленные выше авиакомпании предлагают удобное время для пересадки и гибкую ценовую политику.

ОАЭ активно продвигают себя как центр мировых событий — от выставок до музыкальных фестивалей. В рамках БРИКС+ эта стратегия может стать еще более масштабной. Например, речь идет об организации крупных мероприятий. Эмираты могут стать площадкой для саммитов, форумов, кинофестивалей и спортивных соревнований стран БРИКС, что привлечет международных гостей

и укрепит культурные связи. В связи с этим появляется возможность культурного обмена. Сотрудничество с государствами БРИКС позволит проводить выставки, гастроли театров, музыкальные концерты, знакомя туристов с богатством арабской культуры и традициями других стран-участниц.

Развитие исторического туризма в ОАЭ, в дополнение к уже популярному знакомству туристов с современной арабской культурой, открывает значительные перспективы, особенно с учетом растущего интереса туристов из стран БРИКС. Продвигая объекты всемирного наследия ЮНЕСКО, такие как оазис Аль-Айн [UNESCO UAE], можно представить ОАЭ в новом свете — не только как современную страну с роскошью и инновациями, но и как регион с богатой историей и аутентичной культурой, уходящей корнями в глубь веков. Это позволит, прежде всего, привлечь туристов из БРИКС. Страны, входящие в объединение, демонстрируют растущий интерес к культурному обмену и путешествиям. Продвижение исторического наследия ОАЭ может привлечь значительное число гостей из этих стран, в том числе тех, кто ранее не рассматривал ОАЭ как туристическое направление. И, конечно, продвижение исторического наследия поможет укрепить культурную идентичность ОАЭ и сохранить уникальное культурное богатство государства для будущих поколений. Также это позволит повысить международный статус — успешное развитие исторического туризма усилит международный престиж ОАЭ как страны, ценящей свое историческое и культурное наследие.

В целом, развитие исторического туризма в ОАЭ в контексте сотрудничества с БРИКС — это перспективное направление, способное не только привлечь новых туристов, но и укрепить имидж страны, способствовать ее экономическому развитию и сохранить культурное наследие.

Включение ОАЭ в формат БРИКС+ открывает широкие перспективы для развития экономики эмирата, предлагая доступ к огромным рынкам, привлечение инвестиций и стимулирование технологического прогресса. Хотя существуют определенные вызовы, связанные с конкуренцией и экономической асимметрией между участниками, потенциальные выгоды, включая диверсификацию экономики, укрепление торговых связей и развитие исторического туризма, значительно перевешивают риски. Успешное участие ОАЭ в БРИКС+ будет зависеть от стратегического планирования, активного участия в совместных проектах и умелого управления потенциальными вызовами. Интеграция в БРИКС+ может стать важным этапом в дальнейшем развитии ОАЭ как глобального экономического и культурного центра.

Библиографический список

Дубай зафиксировал «исключительный» приток туристов. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/dubay-zafiksiroval-isklyuchitel-nyu-pritok-turistov/?ysclid=m7ulheuadh673543398> (дата обращения: 04.03.2025).

Около двух миллионов россиян посетили ОАЭ в 2024 году. URL: <https://ria.ru/20250216/oaе1999692473.html?ysclid=m7ulngx050148807672> (дата обращения: 04.03.2025).

Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития: коллективная монография / отв. ред. В.М. Мазырин. М.: ИККА РАН, 2024. 308 с.

Хома В.С. Основные направления цифровизации экономики в ОАЭ // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 7. С. 115—126.

Museum of future. URL: <https://museumofthefuture.ae/en> (дата обращения: 04.03.2025).

UNESCO UAE. URL: <https://www.unesco.org/en/countries/ae> (дата обращения: 04.03.2025).

References

Dubai zafiksiroval “isklyuchitelnyy” pritek turistov [Dubai recorded an “exceptional” influx of tourists]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/dubay-zafiksiroval-isklyuchitel-nyy-pritek-turistov/?ysclid=m7ulheuadh673543398> (accessed: 04.03.2025). (In Russ.).

Okolo dvuh millionov rossiyan posetili OAE v 2024 godu [Approximately two million Russians visited the UAE in 2024]. URL: <https://ria.ru/20250216/oe1999692473.html?ysclid=m7ulngx050148807672> (accessed: 04.03.2025). (In Russ.).

Strani Indokitaya v ASEAN: klyuchevie aspekti razvitiya [Indochina Countries in ASEAN: Key Aspects of Development]. Collective monograph, ed. V.M. Mazyrin. Moscow: ICCA RAS, 2004. 308 p. (In Russ.).

Khoma V.S. Osnovnie napravleniya cifrovizatsii ekonomiki v OAE [Main Directions of Digitalization of the Economy in the UAE], Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin], 2023, no. 7, pp. 115—126. (In Russ.).

Museum of the Future. URL: <https://museumofthefuture.ae/en> (accessed: 04.03.2025).

UNESCO UAE. URL: <https://www.unesco.org/en/countries/ae> (accessed: 04.03.2025).

Поступила в редакцию: 05.03.2025

Принята к публикации: 25.03.2025

Received: Mar 05, 2025

Accepted: Mar 25, 2025

М.П. Харченко

Исторический аспект и перспективы развития сотрудничества в треугольнике Китай—Таджикистан—Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу и перспективам развития отношений в треугольнике Россия—Таджикистан—Китай. Особое внимание уделяется тому, как Российская Федерация и КНР осуществляют политику «разделения сфер влияния» и ненарушения границ в интересах друг друга. В статье приведен исторический аспект сотрудничества в период СССР, в годы после развала СССР и в настоящее время. В статье дается анализ наиболее перспективных направлений сотрудничества, а также краткая характеристика уже реализуемых проектов в таких областях, как гуманитарная сфера, транспортные и логистические коридоры, сельское хозяйство, политика безопасности и т. д.

Ключевые слова: КНР, Таджикистан, Российская Федерация, российско-китайские отношения, Центральная Азия, стратегическое сотрудничество.

Автор: Харченко Максим Петрович, кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой, доцент кафедры «Международные отношения и геополитика транспорта», Институт международных транспортных коммуникаций, Российский Университет Транспорта (МИИТ). ORCID: 0009-0003-5878-4485. E-mail: hmp07@mail.ru

Для цитирования: Харченко М.П. Исторический аспект и перспективы развития сотрудничества в треугольнике Китай—Таджикистан—Россия // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 10—19. DOI: 10.48647/ICCA.2025.29.89.003.

М.Р. Kharchenko

Historical aspect and prospects for development of cooperation in the triangle China—Tajikistan—Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis and prospects for the development of relations in the triangle Russia — Tajikistan — China. Particular attention is paid to how the Russian Federation and the PRC implement the policy of “dividing spheres of influence” and not violating borders in the interests of each other. The article provides a historical aspect of cooperation during the USSR, in the years after the collapse of the USSR and at the present time. The article provides an analysis of the most promising areas of cooperation, as well as a brief description of already implemented projects in such areas as: humanitarian sphere, transport and logistics corridors, agriculture, security policy, etc.

Keywords: PRC, Tajikistan, Russian Federation, Russian-Chinese relations, Central Asia, strategic cooperation.

Author: Kharchenko Maksim P., PhD (History), Associate Professor, acting as a Head of the Department of “International Relations and Geopolitics of Transport”, Institute of International Transport Communications, Russian University of Transport (MIIT). ORCID: 0009-0003-5878-4485. E-mail: hmp07@mail.ru

For citation: Kharchenko M.P. Historical aspect and prospects for development of cooperation in the triangle China—Tajikistan—Russia. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 10—19. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.29.89.003.

После распада СССР и появления у границ КНР вместо одного большого государства с коммунистической идеологией сразу нескольких новых государственных образований, провозгласивших путь на построение демократии, властям Китая пришлось обратить более пристальное внимание на структуру и специфику народов, населявших эти новые государства. Среди появившихся в результате «парада суверенитетов» 15 новых стран постсоветского пространства 4 из них граничат с КНР — Российская Федерация, Киргизская Республика, Республика Казахстан и Республика Таджикистан.

В результате обретения независимости после развала СССР Республика Таджикистан, как и многие другие республики Центральной Азии, столкнулась с целым рядом внутренних проблем и противоречий, которые привели к кровопролитной гражданской войне 1992—1993 гг.

В Таджикистане долгие годы после завершения самой «острой» стадии войны продолжались локальные стычки, террористические атаки и взаимные кровопролитные расправы между представителями власти и оппозиции. Подобная ситуация в Таджикистане была связана со сломом установленной еще в годы СССР политики сдержек и противовесов внутри раздробленной на клановой основе страны.

Однако следует отметить, что именно после прохождения этого трудного пути становления государства и преодоления внутреннего раскола между жителями Таджикистана сегодня мы видим страну такой, какая она есть — с развивающейся экономикой, желанием налаживать тесные двусторонние контакты, активной внешней торговлей и сохранением традиционных культурных ценностей.

По большому счету, именно затяжная гражданская война и ее отголоски вплоть до 1997 г. способствовали выдвижению на передний план политической карьеры нынешнего главы Таджикистана Эмомали Рахмона. Будучи выдвиженцем из южного кулябского клана, он сумел объединить вокруг себя выходцев из партийно-номенклатурной элиты бывшего СССР, а также договориться с умеренной демократической оппозицией и памирцами, которые были главным оплотом вооруженной оппозиции. Поэтому можно смело говорить, что мирный Таджикистан, каким мы его знаем сегодня, — это заслуга Эмомали Рахмона и его соратников [Мирзошо, Ханиф: 7].

На сегодняшний день в Таджикистане установлен политический режим, который многими учеными классифицируется как авторитарный. Вертикаль власти в Республике выстроена вокруг лидера нации Эмомали Рахмона, а также его ближайших родственников и сподвижников по кулябскому клану. Этот вариант управления, классифицируемый многими как авторитарный или даже «с элемен-

тами диктатуры», предопределил векторы внешней политики Таджикистана и выявил его естественных союзников.

Конечно, Республика Таджикистан была лишена гуманитарной помощи, финансовых траншей и иных мер поддержки со стороны стран Запада, которые активно поступали в такие бывшие республики СССР, как Украина, Молдавия, Грузия, Армения и т. д. Однако при помощи своих стратегических партнеров в регионе — Узбекистана и Казахстана, а также крупных мировых игроков — РФ, КНР и Ирана, страна преодолела гражданский раскол, который был вызван войной. При этом с сожалением приходится констатировать тот факт, что до сих пор Таджикистан не смог преодолеть сложное «упадническое» состояние своей экономики, связанное с развалом СССР и гражданской войной.

То, что западными исследователями трактуется как «авторитарный стиль управления» Эмомали Рахмона и узурпация власти выходцами из Куляба и Худжанда, другими воспринимается как гарантия стабильности политической обстановки внутри Таджикистана и непоколебимости его внешних векторов развития. Руководство Республики Таджикистан делает очень грамотную ставку, демонстрируя монолитность политической системы страны, ведь это гарантия надежности иностранных инвестиций и вливаний в экономику, промышленность и сельское хозяйство страны. Так или иначе, сегодня Республика Таджикистан является достаточно стабильным государством, установившим весьма тесные и даже дружеские отношения со своими соседями.

Говоря об истории взаимоотношений КНР и Республики Таджикистан, практически невозможно не упомянуть, что их реальные исторические контакты уходят корнями в глубину веков. Проходивший по территории сегодняшнего Таджикистана Великий шелковый путь заложил в свое время не только основу экономического взаимодействия двух регионов, но и дал толчок всеобъемлющему культурному, духовному, религиозному, творческому и ремесленному обмену между двумя народами.

Не удивительно, что спустя века КНР и Республика Таджикистан поддерживают тесные контакты в гуманитарных вопросах, сферах образования, науки, культуры и искусства. Безусловно, увеличивающийся год от года интерес школьников и студентов Таджикистана к изучению китайского языка и китайской культуры — это не только пример реализации Китаем его мягкой силы, но и доказательство растущей экономической мощи Поднебесной. В вопросе популяризации и развития языка, культуры, традиций и истории Китай активно использует наработанный опыт своего проекта «Институт Конфуция». Благодаря предлагаемым курсам китайского языка и возможности сдать экзамен на его знание, по данным Министерства образования Таджикистана, уже более 5000 таджикских студентов отправились на обучение в Поднебесную [Китай выступил с инициативой...].

Отдельно следует отметить, что ассоциация таджикских студентов, обучающихся или обучавшихся ранее в КНР, еще в 2009 г. заложила основы для ежегодного проведения интересного и символического традиционного мероприятия «Абрикосовые чтения». На площадке Пекинского аграрного университета, а точнее в его саду, который высаживали сами студенты, проводятся слеты студен-

тов-таджиков, обучающихся в разных университетах КНР. Эти ребята — по сути, будущие послы «доброй воли», т. е. те, кто уже сейчас знакомит граждан Китая с культурой, историей и традициями своей страны. Окончив обучение, они вернутся в Таджикистан и, впитав за годы учебы китайскую культуру и язык, будут знакомить с ними своих соотечественников [В Пекине прошел...].

Молодежь всегда стремится выбирать наиболее перспективные направления обучения, будущего трудоустройства и проживания и совершенно не удивительно, что развитые экономические мегаполисы — Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Чунцин и многие другие, привлекают молодых и талантливых ребят не только из Таджикистана, но и со всего мира.

Находит свое логическое продолжение история развития Великого шелкового пути в новой вариации. Предложенная Китаем инициатива «Один пояс, один путь», призванная усилить интеграцию региона Центральной Азии, Закавказья, Ближнего Востока, Восточной Европы и Китая, отводит Таджикистану вполне конкретную и особую роль. Республика должна стать надежным «щитом», прикрывающим с юга все транспортные потоки и логистические коридоры, которые в будущем будет выстраивать Китай, от атак и терактов со стороны религиозных фанатиков и представителей радикального ислама.

Сегодня, когда власть в Афганистане снова перешла к представителям исламского движения «Талибан», а также учитывая вполне доброжелательную политику Китая в отношении данного движения, скорее всего, нет причин для беспокойства о южных границах транспортных коридоров и китайских проектов. Однако учитывая ту скорость, с которой в Афганистане изменился правящий режим, Китай просто обязан просчитывать все возможные варианты развития событий, в связи с чем он будет и дальше развивать тесное сотрудничество в сфере безопасности с Республикой Таджикистан.

Необходимо отметить, что военная сфера, как и безопасность и противодействие терроризму, является достаточно новым направлением для сотрудничества Пекина и Душанбе. Примерно до 2015—2017 гг. в этой области соблюдался негласный статус-кво, а именно: Российская Федерация обеспечивает безопасность, снабжает оружием и «защищает» Таджикистан, а Китай вкладывает средства в развитие экономики и финансов. Судя по всему, сегодня этот статус-кво уже не так соблюдается Россией и Китаем, как это было раньше. И хотя сегодня Китай не претендует на роль главного поставщика вооружений для таджикской армии, а ограничивается вливанием финансов в строительство различных зданий для нужд Министерства обороны, в том числе и пограничных с Афганистаном укрепленных районов и командно-оборонительных пунктов, никто не может дать гарантии, что уже завтра официальный Душанбе не захочет расширить или модернизировать свое военное сотрудничество с Китаем.

Сегодня достаточно большое количество исследователей, специализирующихся на регионе Центральной Азии, говорят о том, что изменение статус-кво в российско-китайских отношениях по вопросу разграничения сфер влияния в Республике Таджикистан и в особенности по вопросу военного сотрудничества наглядно свидетельствует о том, что Российская Федерация утрачивает свое бывшее влияние на Таджикистан. Однако весьма сомнительно, что можно делать по-

добные суждения, опираясь исключительно на появляющиеся слухи об изменении статус-кво. Безусловно, сегодня КНР нарастила темпы взаимодействия с Таджикистаном, в особенности в сфере экономического взаимодействия, однако и Российская Федерация продолжает проводить политику дружеского взаимодействия с Республикой. Тут следует сказать и о традиционных исторических и культурных связях России и Таджикистана, и об устоявшемся и налаженном еще со времен СССР экономическом и транспортном взаимодействии, когда Советский Союз снабжал Таджикистан машинами и оборудованием, а Республика давала СССР продовольствие и сырье. Отдельно следует упомянуть, что Таджикистан является участником таких блоков, как СНГ и ОДКБ, где роль лидера, безусловно, принадлежит именно Российской Федерации.

Кроме того, не следует забывать и о двух «самых больших козырях», которые имеет РФ в отношениях с Республикой Таджикистан. Во-первых, на территории России проживает и работает самая большая зарубежная община таджиков или «таджикская диаспора» [Танчук: 495]. Заработанные на территории России деньги они направляют в Таджикистан для обеспечения жизни своих семей и родственников. Любопытно отметить, что процент, взимаемый властями Таджикистана с этих переводов, не просто значительный, а выделен в отдельную строку наполнения республиканского бюджета. Во-вторых, на территории Таджикистана по-прежнему располагается вооруженная база российских войск, которая не просто взаимодействует с таджикской армией, но и выполняет реальные задачи по поддержанию порядка на государственной границе Республики.

Следует отметить, что первым шагом на пути к добрососедству между Таджикистаном и Китаем стала дальновидная политика партнерства и уступок, заложенная еще в 1993 г. после визита Эмомали Рахмона в Китай. Именно тогда был дан старт первому межгосударственному проекту о разграничении и демаркации новой границы с решением всех существовавших территориальных споров. Справедливости ради следует сказать, что Таджикистан никогда не был единственным игроком в регионе, у которого появились споры относительно границы с КНР. Ведь именно для решения пограничных вопросов на начальном этапе, по большому счету и была создана Шанхайская организация сотрудничества. Благодаря тесной работе в рамках этой международной структуры Китай и Таджикистан в период с 1999 по 2013 г. смогли урегулировать большую часть спорных территориальных вопросов. Именно эта нормализация отношений, когда Таджикистан уступал Китаю свои, в основном высокогорные территории, позволила вместе с тем дать старт первым экономическим вливаниям Китая в Таджикистан.

На сегодняшний день трудно найти сферу в экономике, производстве, строительстве, сельском хозяйстве, образовании Таджикистана, где не были бы представлены интересы китайских компаний. Уже совершенно открыто можно говорить о том, что Китай в полной мере реализует в отношении Таджикистана свою политику мягкой силы, которая проникает во все аспекты жизни Республики.

Китай сегодня стремится всячески продемонстрировать своим соседям в Центральной Азии, что он готов не просто к добрососедским отношениям, но и

открывает перед регионом широкие возможности для сотрудничества. В частности, состоявшийся в 2023 г. в Сиане саммит придал новый импульс отношениям китайских компаний с партнерами в Центральной Азии. Привлекая инвесторов заманчивыми условиями сотрудничества со странами региона, китайское правительство решает сразу несколько задач:

1) прекращает политику оттока трудоспособного населения из глубинных районов КНР к традиционно более развитому побережью;

2) стимулирует развитие альтернативных сухопутных путей поставок своей продукции и ввоза необходимых материалов на случай обострения обстановки в Тайваньском проливе или Южно-Китайском море;

3) способствует росту уровня жизни в приграничных странах Центральной Азии — это своеобразная гарантия для Китая от непроникновения на его территорию ваххабитского или иного радикального ислама террористического толка;

4) чем теснее связи со странами Центральной Азии, тем меньше их поддержка в адрес сепаратистского движения уйгуров с Сяньцзянь-Уйгурском автономном районе и т. д.

Конечно же, геостратегическое положение Республики Таджикистан не играет для КНР такой большой роли, как положение Киргизии или Казахстана, через территории которых будут пролетать основные транспортные коридоры, призванные вывести производимые Китаем товары к берегам Каспийского моря, а оттуда в Закавказье и Иран. Однако несмотря на транспортную «изолированность» и «труднопроходимость» Таджикистана, Китай уже сегодня наращивает свои вливания в транспортно-логистическую отрасль страны. В частности, Пекин выделил значительные средства и предоставил генерального подрядчика для строительства автомобильной дороги «Кульма—Душанбе» [Китай оплатит...]. Она призвана не просто соединить приграничные районы Китая и Таджикистана, но и превратить Душанбе в часть международного транспортного коридора, связывающего КНР с ближневосточными рынками.

Следует отметить, что привлечение Таджикистана в качестве участника международного транспортного коридора и строительство международной автомагистрали — это далеко не единственные проекты в транспортной отрасли. Официальный Душанбе уже не раз проявлял интерес к программе альтернативных источников энергии, в частности на транспорте, которые активно используют в КНР. В связи с этим очень многообещающим выглядит проект создания совместного таджикско-китайского предприятия по производству электромобилей.

По данным некоторых источников, в 2023 г. заинтересованные китайские инвесторы уже вложили в создание совместного предприятия более 25 млн долл. Со своим солнечным климатом Таджикистан вполне способен вырабатывать значительные мощности электроэнергии для каждого жителя и обеспечения его электромобилем. Принимая во внимание проект «Рогунская ГЭС», которая является не только мощнейшей гидроэлектростанцией в Центральной Азии, но еще и самой высокой платиной в мире, можно быть уверенными в перспективности вложений китайских инвесторов в этот сегмент транспортного и энергетического сотрудничества с Таджикистаном, т. к. страна уже практически обеспечила себе весьма стабильные источники поступления электроэнергии.

Безусловно, такая экономическая «забота» со стороны Китая несет в себе определенные риски. Предоставляя кредиты и используя мягкую силу, Китай постепенно превращает отдельные республики, в том числе Таджикистан, в своих должников, заставляя при этом расплачиваться их своими полезными ископаемыми. Официально уже более трети от суммы всего внешнего долга Таджикистана приходится на КНР. Именно в счет его уплаты официальный Душанбе дал возможность китайской компании ТВЕА получить лицензию на добычу золота сразу на нескольких месторождениях. При этом результат взаиморасчетов между странами достаточно прост — Китай вложил свои 330 млн долл. в строительство требуемых для Таджикистана объектов, например ТЭЦ «Душанбе — 2», и получил свободный доступ к добыче золота в размере около 65 тонн [Додихудо].

В последние годы, начиная примерно с 2012—2013 гг. Китай стабильно наращивает свое присутствие в сегменте добычи полезных ископаемых. Горнорудная промышленность всегда была одним из наиболее важных элементов экономики Таджикистана. Страна, значительная территория которой — это горные массивы, уделяет особое внимание добыче железа, серебра, свинца, цинка и многих других полезных ископаемых. Сегодня Китай успешно создает и развивает совместные китайско-таджикские фабрики, горнообогатительные комбинаты, которые обеспечивают большую часть экспорта природных ископаемых Таджикистана, причем далеко не только в Китай.

Большое внимание руководство Таджикистана уделяет развитию проектов в области своего сельскохозяйственного сектора и области мелиорации. Территории Республики, где уже удалось начать внедрение передовых технологий мелиорации, капельного орошения, использования качественных удобрений, смогли уже сейчас показать высокий урожай. Будучи со времен СССР большей частью именно сельскохозяйственной республикой, Таджикистан продолжает активно развивать доставшиеся в наследие практики выращивания овощей и фруктов, бахчевых культур, пшеницы, ячменя, риса и, конечно же, хлопка.

Невзирая на то, что структура товарооборота, имеющаяся сегодня между Китаем и Таджикистаном, является не просто несбалансированной, а еще и чрезвычайно разнородной, можно быть уверенными, что уже через несколько лет именно это «разнородное изобилие» станет преимуществом и поможет расширению торговых практик двух стран.

Безусловно, Китай как мощная передовая держава, в том числе в сфере электроники, машиностроения, станкостроения и новых технологий, доминирует на рынке Таджикистана в вопросах поставки и продажи электронных устройств, машинно-технической продукции, сельскохозяйственных и горнодобывающих машин и оборудования и т. д. Кроме того, именно на долю китайских компаний-производителей приходится наибольший процент поставки на рынки Таджикистана товаров широкого потребления: текстильно-трикотажных изделий, одежды и обуви.

В свою очередь, Таджикистан в торгово-экономических вопросах с Китаем занял традиционную для бедных развивающихся стран нишу. В частности, основными статьями экспорта из Таджикистана в Китай являются сырьевые: хлопок, производимое из него волокно низкого качества (или необработанное во-

локно), добытые и непереработанные руды, концентраты редкоземельных металлов и т. д.

Учитывая все вышесказанное, мы можем вполне обоснованно сделать вывод о том, что Таджикистан и Китай находятся только в начальной стадии своих двусторонних экономических, политических и торговых отношений. Чем больше Поднебесная будет проявлять интереса к Таджикистану, снабжать его инвестициями и технологиями, тем больше эта Центрально-Азиатская страна будет втягиваться в орбиту влияния Китая и отдаляться от своего «исторического стратегического» партнера — РФ.

Наиболее перспективными сферами экономики Таджикистана, куда Китай, скорее всего, направит свои инвестиции, станут горнодобывающая и горноперерабатывающая промышленность. Учитывая уже реализующиеся планы Китая по модернизации транспортных потоков и автомобильных коридоров, совсем скоро себестоимость добычи золота, серебра, никеля и прочих редкоземельных металлов в Таджикистане, а также их транспортировка в Китай станут еще более прибыльными и требующими наименьших финансовых затрат. Поэтому можно совершенно не сомневаться — все, что добудут в горах Таджикистана, немедленно отправится на перерабатывающие заводы и фабрики Китая.

Можно быть уверенным, что КНР и в дальнейшем будет вкладывать инвестиции в транспортные потоки — автомобильные и железные дороги. Улучшая транспортную сеть в Республике Таджикистан, Китай, по сути, превращает эту Центрально-Азиатскую республику в свои «западные ворота», ведущие в Афганистан, Узбекистан и Иран. Принимая во внимание изменение правящего режима в Афганистане и бегство оттуда американских войск, на наш взгляд, это только вопрос времени, когда Китай начнет полноценно заполнять «вакуум» политического и экономического присутствия «великих держав» в Афганистане. Именно когда афганский и персидский рынки полноценно откроются для качественных, дешевых и легко транспортируемых китайских товаров, КНР по достоинству сможет оценить транзитный потенциал Республики Таджикистан.

Безусловно, Пекину следует более активно проявлять свою политику инвестирования и в менее прибыльные, но традиционные для Таджикистана сферы — сельское хозяйство, скотоводство и гидромелиорацию. В противном случае в Таджикистане могут повториться имевшие место в Киргизии и Казахстане «выступления против засилья китайцев». Тогда в Центрально-Азиатских республиках обратили внимание, что китайские бизнесмены и инвесторы очень выборочно вкладываются в их экономики — в основном в добычу полезных ископаемых, и их, по сути, обвинили в разворовывании национального достояния.

Таким образом, Китаю следует быть более прагматичным и осторожным и диверсифицировать свои инвестиции. Поскольку сфера сельского хозяйства для Таджикистана крайне важна, то наращивание поставок новейшей сельскохозяйственной техники, удобрений мирового уровня, а в дальнейшем и постройка фабрик и заводов по переработке выращенной продукции на месте не только помогут развитию экономики страны, но и значительно поднимут авторитет китайских фирм, которые проявят заботу и внимание к жизни простых таджиков.

Следует отметить, что несмотря на все усилия Китая, сегодня двусторонние таджикско-китайские связи в области науки, образования и культуры значительно отстают от тех результатов, которые достигнуты в сфере экономики, политики и культуры. Следует полагать, что увеличение финансирования международной академической мобильности студентов и преподавателей таджикских университетов уже в скором времени даст свои плоды. Проведение международных научных конференций, круглых столов, семинаров, а также зимних и летних школ, безусловно, способно внести большой вклад во взаимопроникновение культур. Установление прямых контактов между ведущими профессорами университетов, деятелями науки и культуры принесет значительный результат для повышения имиджа китайских компаний среди простых граждан Таджикистана.

Особенную осторожность и дипломатичность, на наш взгляд, китайской стороне следует проявить при инвестировании в сферу военного сотрудничества и безопасности. Учитывая, что это направление традиционно «курировалось» Российской Федерацией, возможно, не стоит проявлять особой активности в данном вопросе, заставляя официальные таджикские власти выбирать между сотрудничеством в сфере обороны с Москвой или с Пекином. Скорее всего, принимая во внимание всеобъемлющее и стратегическое партнерство между Китаем и Россией, эти страны не станут портить свои двусторонние отношения из-за «конфликта интересов» в Таджикистане, однако, было бы полезнее продолжать сохранять установившийся статус-кво.

Возможно предположить, что золотой серединой в данном вопросе, могло бы послужить разделение сфер влияния: Россия продолжает оставаться главным стратегическим партнером Таджикистана в вопросах поставки вооружения, боеприпасов и техники, а также сохраняет свое военное присутствие в регионе, а Китай становится главным партнером в сфере обеспечения антитеррористической безопасности, проводя регулярные учения с полицией и специальными подразделениями по обезвреживанию исламских террористов, ваххабитов и радикалов из различных мусульманских течений.

Для оперативного разрешения всех возникающих споров и противоречий между Москвой и Пекином по вопросам сотрудничества с Таджикистаном целесообразнее всего использовать площадку многостороннего диалога, которую предоставляют регулярные встречи в рамках ШОС. Эта международная структура уже не раз доказывала свою эффективность в урегулировании межгосударственных споров и именно на ее основе можно выстроить четкий механизм недопущения спорных ситуаций между Россией и Китаем не только в Таджикистане, но и во всей Центральной Азии.

Библиографический список

В Пекине прошел фестиваль «Абрикосовые чтения». URL: <https://russian.dbw.cn/system/2011/04/11/000344391.shtml> (дата обращения: 09.09.2024).

Додиخудо А. Свято место пусто не бывает, или как Пекин становится ближе для Таджикистана. Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and>

-comments/columns/sandbox/svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-ili-kak-pek-in-stanovitsya-blizhe-dlya-tadzhikistana/ (дата обращения: 10.09.2024).

Китай выступил с инициативой создания платформы для упрощения процесса выдачи виз гражданам Таджикистана. URL: <https://khabarikhush.tj/2024/05/19/kitaj-vystupil-s-inicziativoj-sozdaniya-platformy-dlya-uproshheniya-procnessa-vydachi-viz-grazhdanam-tadzhikistana/> (дата обращения: 07.09.2024).

Китай оплатит строительство автодороги на востоке Таджикистана. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211019/china-oplatit-stroitelstvo-avtodorogi-tajikistan-1042956624.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Мирзошо С., Ханиф Ш. Миротворец. Душанбе: Адиб, 2004. 192 с

Танчук И.А. Таджикская диаспора в Москве // Постсоветские исследования. 2022. № 5. Т. 5. С. 494—501.

References

V Pekine proshel festival' "Abrikosovye chtenija" [Apricot Readings Festival Held in Beijing]. URL: <https://russian.dbw.cn/system/2011/04/11/000344391.shtml> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.).

Dodihudo A. Svjato mesto pusto ne byvaet, ili kak Pekin stanovitsja blizhe dlja Tadzhi-kistana [A Holy place is never empty, or how Beijing is becoming closer to Tajikistan]. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. URL: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-ili-kak-pek-in-stanovitsya-blizhe-dlya-tadzhikistana/> (accessed: 10.09.2024). (In Russ.).

Kitaj vystupil s iniciativoj sozdaniya platformy dlja uproshhenija processa vydachi viz grazhdanam Tadzhi-kistan [China has come forward with an initiative to create a platform to simplify the process of issuing visas to citizens of Tajikistan]. URL: <https://khabarikhush.tj/2024/05/19/kitaj-vystupil-s-inicziativoj-sozdaniya-platformy-dlya-uproshheniya-procnessa-vydachi-viz-grazhdanam-tadzhikistana/> (accessed: 07.09.2024). (In Russ.).

Kitaj oplatit stroitel'stvo avtodorogi na vostoке Tadzhi-kistana [China will pay for road construction in eastern Tajikistan]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211019/china-oplatit-stroitelstvo-avtodorogi-tajikistan-1042956624.html> (accessed: 10.09.2024). (In Russ.).

Mirzoshoh S., Hanif Sh. Mirotvorec [Peacemaker]. Dushanbe: Adib, 2004. 192 p. (In Russ.).

Tanchuk I.A. Tadzhi-kiskaja diaspora v Moskve [Tajik Diaspora in Moscow]. Postsovetskije issledovanija [Post-Soviet research], 2022, no 5, vol. 5, pp. 494—501. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 23.02.2025

Принята к публикации: 26.03.2025

Received: Feb 23, 2025

Accepted: Mar 26, 2025

Дун Чжэнья, А.А. Ковалева

Текущее состояние развития китайских предприятий в Казахстане

Аннотация. По состоянию на июль 2024 г. в Казахстане зарегистрировано около 5000 китайских предприятий с общим объемом инвестиций в размере 38 млрд ю., охватывающих 92 % ключевых отраслей экономики страны, формирующих многоаспектную структуру в таких отраслях, как энергетика, производство, логистика и др. Китайские предприятия углубляют сотрудничество с Казахстаном через инновационные модели (трансграничные промышленные парки, передачу технологий, финансовое сотрудничество) и продвигают инновации в трех основных областях: технологическое обеспечение, инновации моделей и создание экосистемы (技术赋能, 模式革新, 生态共建). 60 % китайских предприятий закрепились на рынке Казахстана на протяжении последних 5—20 лет. В 2023 г. доходы китайских предприятий превысили 100 млрд долл., при этом значительно увеличилась прибыль, особенно в энергетике и новых отраслях. В то же время китайские предприятия уделяют пристальное внимание социальной ответственности, содействуя занятости, используя экологически чистые технологии, предлагая образовательное сотрудничество и помощь при стихийных бедствиях, способствуя устойчивому развитию Казахстана, укрепляя экономические и гуманитарные связи между Китаем и Казахстаном.

Оба автора принимали непосредственное участие в создании статьи, начиная от социальной практики — поездки в Алма-Ату — до сбора интервью, анализа и структурирования материалов на русском и китайском языках, перевода иностранных источников. Совместная работа над статьей осуществлялась как в Казахстане в 2024 г., так и позднее в Шэньчжэне и затем в Москве в 2024—2025 гг.

Ключевые слова: китайские предприятия, Казахстан, Китай, индустриальные инновации, социальная ответственность, проект «Один пояс, один путь».

Авторы: Дун Чжэнья, аспирант, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. Ломоносова и Университет МГУ — ППИ в Шэньчжэне. ORCID: 0009000087586646. E-mail: 18063283690@163.com

Ковалева Анна Анатольевна, аспирант, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. Ломоносова и Университет МГУ — ППИ в Шэньчжэне. ORCID: 0009000788982617.

E-mail: kovalevaaa@my.msu.ru

Для цитирования: Дун Чжэнья, Ковалева А.А. Текущее состояние развития китайских предприятий в Казахстане // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 20—34. DOI: 10.48647/ICCA.2025.84.93.004.

Финансирование. Результаты настоящего исследования были получены при финансовой поддержке Университета МГУ — ППИ в Шэньчжэне.

Dong Zhenya, A.A. Kovaleva

Current State of Development of Chinese Enterprises in Kazakhstan

Abstract. As of July 2024, about 5,000 Chinese enterprises have been registered in Kazakhstan with a total investment of 38 billion yuan, covering 92 % of the country's key economic sectors, forming a multidimensional structure in such industries as energy, manufacturing, logistics, etc. Chinese enterprises are deepening cooperation with Kazakhstan through innovative models (such as cross-border industrial parks, technology transfer, and financial cooperation) and promoting innovation in three main areas: technology provision, model innovation, and ecosystem creation. 60 % of Chinese enterprises have gained a foothold in the Kazakh market over the past 5—20 years. In 2023, revenues of Chinese enterprises exceeded \$100 billion, while profits increased significantly, especially in the energy sector and new industries. At the same time, Chinese enterprises are being socially responsible, promoting employment, using environmentally friendly technologies, offering educational cooperation and disaster relief, contributing to the sustainable development of Kazakhstan, strengthening economic and humanitarian ties between China and Kazakhstan.

The authors worked on the article together, both participated in the social practice: a trip to Almaty. Both were participating in the interviews, analyzing, translating and structuring the interview results in Russian and Chinese; joint work on the article was carried out both in Kazakhstan and later in Shenzhen and in Moscow in 2024—2025.

Keywords: Chinese enterprises, Kazakhstan, China, industrial innovations, social responsibility, “One Belt, One Road” project.

Authors: *Dong Zhenya, PhD Student*, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University and Shenzhen MSU-BIT University.

ORCID: 0009000087586646. E-mail: 18063283690@163.com

Kovaleva Anna, PhD student, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University and Shenzhen MSU-BIT University. ORCID: 0009000788982617.

E-mail: kovalevaa@my.msu.ru

For citation: *Dong Zhenya, Kovaleva A.A.* Current State of Development of Chinese Enterprises in Kazakhsta. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 20—34. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.84.93.004.

Funding. The reported study was funded by Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

С 20 по 28 июля 2024 г. авторы статьи в составе группы по социальной практике Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне посетили город Алма-Ата, бывшую столицу и крупнейший город Республики Казахстан. Изучая специальную литературу и используя методы глубинного интервью и непосредственного наблюдения, авторы провели полевые исследования в области образования и науки, обмена культурным наследием, экономического сотрудничества, а также в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, авторам удалось посетить Генеральное консульство Китая в Алма-Ате и задать вопросы китайскому консулу

в Казахстане. Были также посещены китайские предприятия в Казахстанской республике: CNPC, Sinopec, PowerChina, Sinotrans, Bank of China и Kelun Pharmaceutical; проведены дружеские встречи с местными языковыми школами, старшей школой № 125 и Казахским национальным педагогическим университетом имени Абая. В ходе исследований было собрано более 10 интервью, которые стали основой для данной статьи.

I. Обзор китайских предприятий

Число предприятий

В декабре 2024 г. Народный банк Казахстана опубликовал «Отчет о текущем состоянии и прогнозе развития китайских предприятий в Казахстане», согласно которому по состоянию на июль 2024 г. в стране было зарегистрировано около 5000 китайских предприятий. Китай занимает второе место среди иностранных инвесторов Казахстана, имея 30 проектов, общий инвестиционный объем которых составляет 2,5 трлн тенге (около 38 млрд ю.). Большой объем имеет только Россия, которая, по данным отчета, располагает 32 проектами [境外中资企业商(协会)联席会议].

Географическое и отраслевое распределение

С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. инвестиционная деятельность китайских предприятий в Казахстане постоянно расширяется. Капитал Китая инвестируется в семь особых экономических зон государства, а также во все основные промышленные агломерации Казахстана, формируя систему инвестиционной сети по принципу «влияние центра + взаимодействие с регионами» (中心辐射+区域联动). Таким образом, наиболее крупные города, такие как Алма-Ата и Астана, стали инвестиционными центрами для китайских предприятий, стимулируя развитие промышленности в прилегающих районах.

Что касается отраслевого распределения, в первую очередь инвестиции поступали в традиционные отрасли, такие как энергетика и минеральные ресурсы (1992—2000 гг.), торговля и логистика (2001—2010 гг.), и постепенно расширились до высокотехнологичного производства (2011—2015 гг.) и цифровой инфраструктуры (с 2016 г.), что соответствует 92 % из 54 зарегистрированных отраслей экономики Казахстана, которые таким образом охвачены практически целиком [伊万·沙拉法诺夫, 任群罗].

Инвестиционный объем и инновационные модели

По данным казахстанских источников, в отношении объема инвестиций Китай является одним из пяти крупнейших инвесторов в Казахстане с общим объемом инвестированных средств более 25 млрд долл. Согласно данным Министерства коммерции Китая, его прямые инвестиции (ПИИ) в Казахстанскую республику в 2023 г. составили 1,62 млрд долл. США. Таким образом, по состоянию на конец 2023 г. ПИИ КНР в Казахстане составили 7,91 млрд долл. Основной объем инвестиций сосредоточен в производственной (2,7 млрд долл.) и транспортно-логистической (2,6 млрд долл.) отраслях [中国商务部].

Таблица 1. ПИИ КНР в Казахстан в 2019—2023 гг. (в 10 тыс. долл.)

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Годовой поток	78,649	11,529	82,224	35,598	161,670
Накопленный объем	725,413	586,937	748,743	697,869	790,974*

Источник: Министерство коммерции КНР, Государственное статистическое управление КНР и Государственное управление валютного контроля КНР, «Статистический бюллетень о прямых иностранных инвестициях Китая за 2023 год».

* Означает, что данные по запасам на конец 2023 г. включают корректировку данных за предыдущие периоды.

В области производственного сотрудничества наблюдается два основных направления: зеленые инвестиции [绿地投资] (нефтеперерабатывающий завод Чимкент) и ЕРС [Engineering 设计, Procurement 采购, Construction 施工的组合] — генеральное подрядное строительство (проект легкого метро для города Астана) с целью передачи технологий. В области трансграничного сотрудничества на данный момент совместно создано 7 промышленных парков, в том числе китайско-казахстанский таможенный кооператив Хоргос. В области финансов осуществляется сотрудничество между электронной системой Казахстана Каспи (Kaspi.kz) и китайской компанией Ant Group [中国蚂蚁集团], а также создан механизм соединения системы китайских переводов CIPS (Cross-border Interbank Payment System) с Международным финансовым центром Астаны (AIFC). Эта трехмерная инвестиционная модель дополняет промышленную структуру двух стран, что демонстрирует синергетический эффект преимуществ сочетания оборудования китайского производства и природных ресурсов Казахстана.

Представительства китайских предприятий

Число китайских предприятий, инвестирующих в Казахстан, постоянно растет, вместе с чем увеличивается число их представительств. Большую часть из них составляют предприятия энергетики, в том числе традиционные энергетические предприятия, такие как CNPC, Sinopec, Huaneng [中国华能集团有限公司 (CHINA HUANENG)] и т. д., предприятия новых источников энергии — State Power Investment Corporation, China Energy Engineering Corporation, China Power Construction Corporation, Sunshine Energy, Universal Energy [寰泰能源] и другие частные предприятия; в области строительства представлены China National Chemical Engineering Corporation, China Railway Construction Corporation, China Xinxing Construction Corporation, China State Construction Engineering Corporation, China Building Materials Engineering Corporation, SINOMACH International Engineering Corporation CAMCE [中工国际工程] (биржевой код 002051, принадлежит SINOMACH, важному государственному системообразующему предприятию, непосредственно управляемому центральным правительством КНР) и некоторые локальные организации; область финансов включает China Development Bank, Industrial and Commercial Bank of China, China Construction Bank, Bank of China и People's Insurance Company of China; предприятия связи и технологий представлены NUCTECH, Huawei Technologies Co., Ltd., China Telecom, China Unicom, Nytera Communications и др.; предприятия по добыче полезных

ископаемых — China Nonferrous Metals, Jiang Copper и другие центральные и государственные, а также частные организации наподобие JXC; предприятия фармацевтики включают China National Pharmaceutical Group, Sinopharm Group, Kelun Pharmaceuticals и т. п.; в список предприятий по производству промышленных товаров входят FAW Group, XCMG, Jiangxi Liugong, Olada Glass Factory и др.; предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции включают Xi'an Aiju Grain & Oil Group Special Love Co., Ltd., China Grain Group и др.; торговые предприятия включают Xinjiang Sanbao, Silk Road City Co., Ltd. и др. [境外中资企业商（协）会联席会议].

Таблица 2. Представительство китайских компаний в Казахстане

Таблица классификации китайских компаний (по отраслям)			
Название компании	Категория	Подкатегория	Тип компании
Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC)	Энергетика	Традиционная энергетика	ЦГП (Центральное государственное предприятие)
Китайская нефтехимическая корпорация (Sinopec)		Традиционная энергетика	ЦГП
Хуанэн Групп (Huaneng Group)		Традиционная энергетика	ЦГП
Государственная энергетическая инвестиционная корпорация (SPIC)		Новая энергетика	ЦГП
China Energy Engineering Corporation (CEEC)		Новая энергетика	ЦГП
Power Construction Corporation of China (PowerChina)		Новая энергетика	ЦГП
Солнечная энергия (Sungen Solar)		Новая энергетика	ЧП (Частное предприятие)
Universal Energy		Новая энергетика	ЧП
China Chemical Engineering Group	Строительство	Комплексное строительство	ЦГП
China Railway Construction Corporation (CRCC)		Комплексное строительство	ЦГП
China Xinxing Construction Group		Комплексное строительство	ЦГП
China State Construction Engineering Corporation (CSCEC)		Комплексное строительство	ЦГП
China National Building Materials Engineering Group		Комплексное строительство	ЦГП
CAMC Engineering		Комплексное строительство	ЦГП
Местные дорожно-мостовые компании		Местные предприятия	Местные государственные предприятия

Таблица классификации китайских компаний (по отраслям)			
Название компании	Категория	Подкатегория	Тип компании
Банк развития Китая (CDB)	Финансы	Политический банк	ЦГП
Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)		Коммерческий банк	ЦГП
China Construction Bank (CCB)		Коммерческий банк	ЦГП
Bank of China (BOC)		Коммерческий банк	ЦГП
PICC Property and Casualty		Страховая организация	ЦГП
Nuctech (Tongfang Weishi)	Связь и технологии	Оборудование и технологии	ЦГП
Huawei Technologies		Оборудование и технологии	ЧП
China Telecom		Телекоммуникационные услуги	ЦГП
China Unicom		Телекоммуникационные услуги	ЦГП
Hytera Communications		Оборудование и технологии	ЧП
China Nonferrous Metal Mining Group	Горнодобывающая	Металлы	ЦГП
Jiangxi Copper Corporation (JCC)		Металлы	Государственное предприятие
JCHX Mining Management		Горные услуги	ЧП
China National Pharmaceutical Group	Фармацевтика	Производство лекарств	ЦГП
Sinopharm Group		Производство лекарств	ЦГП
Kelun Pharmaceutical		Производство лекарств	ЧП
FAW Group	Промышленность	Автомобили и техника	ЦГП
XCMG Group		Строительная техника	Государственное предприятие
Liugong Machinery (Jiangxi)		Строительная техника	Государственное предприятие
Aorda Glass Factory		Обработка материалов	ЧП
Xi'an Aiju Grain and Oil Group	Сельское хозяйство	Переработка зерна и масла	ЧП
COFCO Group		Переработка зерна и масла	ЦГП
Xinjiang Sanbao	Торговля	Международная торговля	ЧП
Silk Road City Co., Ltd.		Международная торговля	ЧП

Источник: Китайская генеральная торговая палата Казахстана [境外中资企业商（协）会联席会议].

Представительства предприятий обладают тремя особенностями: 1) доминирование центральных предприятий в таких стратегических областях, как энергетика, строительство, финансы. Центральные предприятия играют ключевую роль, отражая национальную стратегию инициативы «Один пояс, один путь»; 2) частные предприятия представлены в таких областях, как новые источники энергии, добыча полезных ископаемых, фармацевтика и другие, что способствует формированию дифференцированной конкуренции; 3) синергетика промышленной цепочки: энергетика + строительство + финансы формируют так называемый железный треугольник [铁三角], поддерживающий крупные зарубежные проекты.

Из речи заместителя торгового советника Генерального консульства КНР в Алма-Ате Ян Жуй (杨瑞) [Дун Чжэнья, Ковалева]: «Китай и Казахстан установили дипломатические отношения в 1992 г. За более чем 30 лет отношения между двумя странами достигли скачкообразного развития, а объем торговли увеличивался год от года. В начале установления дипломатических отношений объем торговли между двумя странами составлял всего 360 млн долл. США. После выдвижения инициативы “Один пояс, один путь” в 2013 г. он достиг 20 млрд долл. США, а в 2023 г. превысил 41 млрд долл. США, что позволило досрочно достичь цели, установленной лидерами двух стран, то есть преодолеть порог в 35 млрд долл. США к 2030 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Казахстана и пятым по величине инвестором.

На ранних этапах сотрудничество между КНР и Казахстаном в основном было сосредоточено на традиционных энергетических ресурсах, таких как нефть и газ. Началом сотрудничества между Китаем и Центральной Азией в области нефти и газа стала успешная покупка CNPC проекта “Актюбе” в 90-х гг. прошлого века. В последние годы новые формы сотрудничества между Китаем и Казахстаном активно развиваются, охватывая такие области, как автомобилестроение, электронная коммерция, логистика и работа с данными. Например, на улицах Казахстана представлены автомобили китайских брендов, таких как Chery, Great Wall Motor и Haval. Автомобили китайских брендов занимают 1/4 рынка Казахстана.

Ведется сотрудничество в области новых энергетических технологий. Здесь часто происходят перебои с электричеством, как мы только что наблюдали [в помещении погас свет]. Для решения проблемы нехватки электроэнергии в 2021 г. КНР и Казахстан создали совместное предприятие, и китайская компания построила ветровой энергетический проект Жанатас мощностью 100 МВт, который в то время стал крупнейшим ветровым проектом в Центральной Азии. Кроме того, примерно в 150 км от Алма-Аты есть еще один ветровой проект, который также был разработан китайской компанией совместно с казахстанской стороной и был официально подключен к сети в 2022 г. Проектирование и строительство этого проекта осуществлялись по китайским стандартам. Эти два проекта являются знаковыми проектами сотрудничества между Китаем и Казахстаном в рамках инициативы “Один пояс, один путь” и включены в список проектов сотрудничества в области производственных мощностей между КНР и Казахстаном.

Кроме того, в области аэрокосмической промышленности Китай недавно объявил о предоставлении Казахстану безвозмездной помощи в размере 100 млн ю. для

поддержки развития их аэрокосмических и механических технологий. В целом, сотрудничество между Китаем и Казахстаном становится все более разнообразным, технологичным и плодотворным».

II. Управление китайскими предприятиями

Казахстан как важный узел, соединяющий Европу и Азию, продолжает привлекать китайские предприятия в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Сроки управления

В 1997 г. CNPC [中石油] приобрела акции Актюбинской нефтяной компании, официально войдя на рынок нефтяной промышленности Казахстана, что положило начало сотрудничеству между китайскими и казахстанскими предприятиями. Согласно данным Государственного статистического управления Казахстана за декабрь 2023 г., в стране закрепились более 2000 китайских предприятий. В настоящее время около 20 % китайских предприятий в Казахстане работают менее 5 лет, что говорит о постоянном увеличении их числа на рынке республики; около 60 % предприятий работают в Казахстане от 5 до 20 лет; 20 % предприятий работают более 20 лет. Такое распределение показывает, с одной стороны, долгосрочность инвестиций китайских предприятий на рынке Казахстана, а с другой, их глубокое проникновение во все сектора экономики и устойчивое развитие на местном рынке [境外中资企业商(协)会联席会议].

Финансовое состояние

Финансовые возможности китайских предприятий на рынке Казахстана значительно возросли, показывая мощную тенденцию к дальнейшему росту. Согласно статистике Министерства коммерции Китая, в 2023 г. доходы китайских предприятий в Казахстане достигли отметки в 100 млрд долл. США, что оказалось на 20 % больше, чем в 2022 г. Общая прибыль китайских предприятий увеличилась на 15 %, достигнув 10 млрд долл. США [境外中资企业商(协)会联席会议].

Структура китайских предприятий различна и во многом зависит от отрасли экономики, в которой они развиваются. Предприятия энергетики и добычи природных ресурсов опираются на богатые запасы нефти, газа и минеральных ресурсов страны, а также на мировой энергетический спрос, что привело к значительному росту прибыли в 2023 г. В то же время по мере модернизации Казахстаном промышленной структуры китайские инвестиции в производственную отрасль, цифровую инфраструктуру и строительство «умных городов» показывают потенциал роста. Путем сочетания стратегий технологического внедрения, расширения каналов и локализации операций (通过技术引进, 渠道拓展和本土化运营相结合的发展策略) эти предприятия не только эффективно расширяют свои бизнес-сферы и увеличивают долю рынка, но и постоянно поддерживают стабильный рост уровня прибыльности за счет инноваций в бизнес-моделях, где высокотехнологичные предприятия уже обладают очевидными конкурентными преимуществами в местной цифровой экономике [Министерство национальной экономики Казахстана].

Промышленные инновации

На экономической карте Казахстана китайские предприятия используют «двойной двигатель» (双轮驱动) для перестройки промышленной структуры — как ключевую экономическую силу, глубоко участвующую в рыночной операции, так и инновационный двигатель, ведущий промышленные изменения. Этот инновационный лидерский эффект формируется в трех основных аспектах.

1. В области технологического обеспечения китайские предприятия создают трехмерную инновационную матрицу (三维创新矩阵), охватывающую цифровую инфраструктуру, чистую энергетику и передовое производство. Как пример, система управления «умной фермой», разработанная исследовательским центром Huawei в Астане, успешно перешла в коммерческое использование: система использует Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI), блокчейн, большие данные для анализа в качестве ключевых технологий, охватывая управление полным жизненным циклом производства. Этот замкнутый цикл «инновации в области технологий — адаптация к сценарию — коммерческое применение» (这种“技术研发-场景适配-商业转化”的创新闭环) позволяет решениям Китая в области информационных и коммуникационных технологий (ICT, Information and Communications Technology) глубоко интегрироваться в процесс цифровой трансформации Казахстана.

2. В области инновационных моделей китайские предприятия переосмысливают промышленные операционные парадигмы. Китайско-казахстанский логистический кооператив Ляньюньган (中哈连云港物流合作基地) является первым проектом, реализованным «на земле» в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Эта база полностью использует портовые преимущества Люхэгу, предоставляя удобный и эффективный выход в море для Центральной Азии. Благодаря интеграции железных и автомобильных дорог, морских перевозок и других видов транспорта реализуется быстрая сборка и транспортировка грузов. Грузы из Казахстана могут быть отправлены по железной дороге в Люхэгу, откуда они будут отправляться морем по всему миру, что значительно сократит время транспортировки и снизит логистические затраты. В плане операционной модели китайская и казахстанская стороны совместно создали цифровую логистическую платформу, реализующую реальное время отслеживания и интеллектуальное планирование грузов. В то же время база предоставляет ряд дополнительных услуг, таких как хранение, переработка, распределение и другие, тем самым давая комплексное логистическое решение для предприятий.

3. В области создания экосистемы китайские предприятия глубоко интегрируются в инновационную экосистему Казахстана. В энергетических проектах Казахстана Sinopec уделяет внимание зеленым инновациям и созданию экосистемы. Так, в проекте нефтеперерабатывающего завода Чимкент Sinopec внедрил передовые технологии чистого производства и экологические решения, стремясь снизить выбросы загрязняющих веществ и повысить эффективность использования энергии. В то же время Sinopec сотрудничает с местными предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями в области исследований и инноваций касательно возобновляемых источников энергии, рассматривая совместное

использование солнечной и ветровой энергии вместе с традиционными источниками, решая проблему трансформации энергетики и устойчивого развития Казахстана [Ван Цзин].

Обучение сотрудников и повышение навыков

На рынке Казахстана китайские предприятия повышают стратегическое значение развития человеческих ресурсов, создавая локализованную цепочку добавленной стоимости талантов. Эта система уже сформировала схему действий, включающую три основных модуля, обеспечивающих полное покрытие: от обучения основным навыкам до развития лидерских качеств.

1. Инновационные платформы для интеграции образования и производства.

Северо-Западный политехнический университет (NPU) и Казахский национальный университет (KazNU) сотрудничают в создании филиала, предлагая популярные специальности, такие как «Электроника и телекоммуникации» и «Материаловедение и инжиниринг». Программа магистратуры использует модель 1+1 (первый год обучения в Казахстане, второй год в Китае), выпускники которой могут получить двойную дипломацию от KazNU и Северо-Западного политехнического университета, что предоставляет им преимущества для работы в китайских предприятиях, таких как Huawei и ZTE в Казахстане.

2. Стандартизация навыков и система обучения на протяжении всей жизни.

China State Construction Engineering Corporation (Китайская государственная инженерно-строительная корпорация) сотрудничает с высшими образовательными учреждениями Казахстана, предоставляя систематическое обучение рабочим, которое включает стандарты технологий, касающихся строительной безопасности, бетонных растворов и т. п., выдачу внутренних сертификатов. Кроме того, компания учредила внутренний институт обучения, предлагая высококачественные курсы — управление проектами, архитектурное проектирование — и сотрудничает с местными высшими учебными заведениями в рамках проектов повышения квалификации, поддерживая участие сотрудников в международных академических обменах.

3. Проект формирования кросс-культурного лидерства.

В практике кросс-культурного лидерства в китайском нефтяном проекте «М» (中国官方新闻对M项目进行了加密处理) в Казахстане используется равноправная модель управления и механизм принятия решений 50:50 для китайской и казахстанской сторон, важные решения требуют совместной подписи документов (принцип «двойной подписи»), чтобы обеспечить культурный обмен и равноправное сотрудничество. Проект дает рабочие места почти 6000 сотрудников, из которых всего 40 — граждане КНР, что обеспечивает локализацию проекта (преимущественный найм местного населения) более чем на 99 %. Проводятся регулярные культурные обмены и тренинги, языковой обмен (китайский, казахский, английский) и командообразующие мероприятия, что также способствует культурному обмену между китайскими и казахстанскими сотрудниками. Гибкий рабочий график и социальная ответственность обеспечиваются за счет использования модели полного и неполного рабочего дня, удаленного формата

работы, а также участия в местных образовательных и медицинских благотворительных проектах.

Из речи консула по образованию Генерального консульства КНР в Алматы Хуан Сяоминь (黄晓敏) [Дун Чжэнья, Ковалева]: «Сотрудничество между Китаем и Казахстаном в области образования активно развивается под стратегическим руководством лидеров двух стран. Первым аспектом нашего сотрудничества является открытие филиалов китайских университетов за рубежом. В Казахстане это проект Северо-Западного политехнического университета и Казахского национального университета им. аль-Фараби. Северо-Западный политехнический университет официально открылся в мае 2023 г., в 2024 г. планировалось набрать 60 студентов. На саммите ШОС, который проходил в Астане, лидеры двух стран подписали соглашение о создании филиала Пекинского университета языка и культуры в Алма-Аты, что стало первым подобным проектом в Центральной Азии и первым филиалом китайского университета за рубежом.

Вторым направлением является создание проекта по распространению технического знания — “Мастерская Лу Баня” (鲁班工坊), что является частью стратегии Китая по продвижению профессионального образования за рубежом. На данный момент в мире уже открыто 33 такие мастерские. Наша стратегия и политика предполагают создание “одной мастерской в одной стране”, но в Казахстане в прошлом году мы открыли первую мастерскую Лу Баня в Восточно-Казахстанской области, что стало для нас большой честью. Через образование мы продвигаем китайские стандарты и технологии. В этой мастерской созданы четыре учебные базы, включая ремонт автомобилей, теорию и технологии новых энергетических автомобилей и другие направления. Президент Касым-Жомарт Токаев, посещая мастерскую, отметил, что они очень важны и их нужно создавать, цитирую его слова, “чем больше, тем лучше”, что было сказано на китайском языке. Однако наша политика предполагает создание одной мастерской в одной стране. Тем не менее, на саммите ШОС мы начали подготовку к открытию второй мастерской в Астане совместно с Евразийским университетом. Таким образом, мы стали первыми, кто открыл две мастерские в одной стране, что демонстрирует важность, которую КНР придает сотрудничеству с Казахстаном.

Кроме того, существует множество межвузовских проектов (校际合作项目). Некоторые университеты сотрудничают напрямую, без участия нашего консульства. Например, недавно Алма-Атинский университет менеджмента и Шанхайский университет финансов и экономики совместно создали “Шелковый путь мастерской”. На его основе они проводят совместное обучение. Завтра мы также примем участие в мероприятии, где Чунцинский университет электронных технологий и местный университет создадут “Китайскую мастерскую”. Подобных проектов очень много. Например, Казахский национальный педагогический университет им. Абая проявляет большую активность в сотрудничестве. Мы связали их с Тяньцзиньским педагогическим университетом, и теперь они могут совместно подавать заявки на стипендиальные программы при поддержке правительства Тяньцзиня. Для Китая это возможность привлечь иностранных студентов, а для студентов университета Абая — получить стипендии для обучения в Тяньцзиньском педагогическом университете. Ожидается, что к проекту присоединится Восточно-Китайский

педагогический университет. В общем, у нас очень много китайских университетов-партнеров, которые хотят сотрудничать с Казахстаном».

III. Социальная ответственность китайских предприятий

Китайские предприятия в Казахстане, стремясь к достижению коммерческих целей, всегда уделяют внимание социальной ответственности, продвигая идею устойчивого развития совместно с местным сообществом. Для этого реализуется целый ряд инициатив, которые оживляют социальную и экономическую сферы Казахстана, конкретные практики которых включают: 1) содействие занятости; 2) охрану окружающей среды; 3) образование и культурную поддержку; 4) помощь при стихийных бедствиях [Байдаров; Ли Хунвэй].

Содействие занятости

Китайские предприятия через профессиональное обучение и программы развития талантов снижают безработицу и повышают качество рабочей силы. Например, налоги компании CNPC в Казахстане составили около 50 млрд долл., а общее количество сотрудников компании достигло 20 тыс. человек, из которых 98 % являются гражданами Казахстана, что значительно способствует занятости местного населения и экономическому развитию.

Из речи генерального директора филиала CNPC в Алма-Ате Сюй Юэ (徐跃) [Дун Чжэнья, Ковалева]: «В нашей компании работает более 2700 сотрудников, и только 20 из них — китайцы. Таким образом, уровень занятости местного населения в нашей компании превышает 99 %. В нашем филиале работает более 460 человек, и я единственный китаец. Это связано с тем, что наша региональная компания охватывает не только Казахстан, но и Узбекистан, Туркменистан, и мы стремимся максимально задействовать местный персонал».

Охрана окружающей среды

Предприятия активно используют зеленые производственные технологии, например, CNPC в проектах нефтяных месторождений внедряет системы очистки сточных вод и восстановления отходов, снижая уровень выбросов углекислого газа, а также участвует в проектах по озеленению, защите водных ресурсов и других экологических проектах, способствуя зеленой трансформации Казахстана.

Образование и культурная поддержка

Китайские предприятия через образовательное сотрудничество углубляют гуманитарные контакты КНР и Казахстана. Например, Huawei совместно с высшими образовательными учреждениями Казахстана создает институты информационных и коммуникационных технологий (ICT), обучив более 7000 студентов, и через программу «Будущие семена» (未来种子) предоставляет международные обменные возможности для студентов Казахстана, укрепляя местные резервы ICT-талантов.

Помощь при стихийных бедствиях

Во время наводнения 2024 г. китайские предприятия отреагировали молниеносно, совокупно пожертвовав материально-технические и финансовые средства

на сумму около 4,92 млн ю. (300 млн тенге), включая техническое оборудование, бытовые товары и поддержку на месте проведения спасательных работ, демонстрируя высокую социальную ответственность.

Перспективы развития китайских предприятий в Казахстане обширны и охватывают множество областей, включая энергетику, инфраструктуру, производство, сельское хозяйство, технологии и образование. При поддержке инициативы «Один пояс, один путь» и стратегического сотрудничества двух стран китайские предприятия продолжают использовать свои технологические, финансовые и управленческие преимущества, способствуя экономическому развитию Казахстана. Одновременно с этим они будут реализовывать свои международные стратегии, способствуя взаимовыгодному сотрудничеству [Национальный статистический...; Чжан Нин].

Библиографический список

Байдоров Е. Судьба сообщества в контексте китайско-казахстанских отношений. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=HO5TZ1L%2BC9NjyTciiRkxhH%2F5x1%2FdSvPe9UaypGkEyVBiGHbvglj7hUB7NQsZlmuWt4vredd1%2FJTia9Bim8yPb4zy8Z1Ub5ziPb7MM1L5jzbA0DU3bouqVyjzCuq1gi%2Bpz5CP0m65i5KNeCImOkqf4VdcU3EzU3mOPoKOW7D%2Fct4%3D&platform=NZKPT&product=CJFQ&filename=OYRW202501008&tablename=cjfdautoday&type=JOURNAL&scope=trial&dflag=pdf&pages=&language=CHS&trial=&nonce=2E4EB467FB4A46968D4102A761ACC7D0&cflag=pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

Дун Чжэнья, Ковалева А.А. Интервью в рамках социальной практики в июле 2024 года. Алма-Ата, 2024. (неопубл.).

Министерство национальной экономики Казахстана. Национальный план развития Казахстана до 2025 года. URL: <https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/Strategic%20Development%20Plan%20until%202025%20%28RU%29.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

Национальный статистический комитет Казахстана. Ежегодный статистический бюллетень экономики Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/statisticheskij-byulleten/rubric/1987> (дата обращения: 21.02.2025).

Исследование Ассоциации китайских предприятий за рубежом. «Отчет о развитии китайских предприятий в Казахстане (2023—2024)». URL: <https://www.doc88.com/p-78043833728520.html> (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

中国商务部.《对外投资合作国别(地区)指南:哈萨克斯坦》[Министерство коммерции КНР. «Руководство по сотрудничеству с зарубежными странами: Казахстан». 北京: 商务部国际贸易经济合作研究院, 2024 [Пекин: Научно-исследовательский институт международной торговли и экономического сотрудничества Министерства торговли]. URL: <https://com.gd.gov.cn/zouchuqu/files/Kazakhstan.pdf> (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

伊万·沙拉法诺夫, 任群罗 [Иван Шарафанов, Жэнь Цюньло]. 中国企业在哈萨克斯坦投资环境评价及风险研究 — 基于69家中资企业调查研究 [Оценка инвестиционной среды и рисков для китайских предприятий в Казахстане]. 2016. № 04. С. 169—202. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=d8MdWP1wuDhnNuLWhyGHMoo0B%2BjHHtFAQklsZ8WGWBo8xkwwSv%2B75chBrRvAAUACDcFCuz16ZIKEF9p%2B946wgkJcwQzbLoVGGoqmq8SHQIMnfApzFx9JOQN5xSIY0gOgj6jP2FJXUF23dQ%2FgEsbqSsB2jznQd8FrYjKasWUwoM%3D&platform=NZKPT&product=CJFQ&filename=ELSY201604008&tablename=cjfdlast2016&type=JOURNAL&scope=trial&dflag=pdf&pages=&language=CHS&trial=&nonce=DE1B49C5B05E4F4AB22EAE180CB1A269&cflag=pdf> (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

王晶 [Ван Цзин]. 中国与哈萨克斯坦可再生能源合作: 机遇与挑战 [Сотрудничество Китая и Казахстана в области возобновляемой энергетики: возможности и вызовы]. 2024. № 4. С. 36—53+129. URL: https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/nzkhtml/xmlRead/trialRead.html?dbCode=CJFD&tableName=CJFDTOTAL&fileName=DOZY202404003&fileSourceType=1&invoice=Q207Q5wMTB8G1j5c2lMq1GADrNkVNFZKuCaGU5naY%2fDKTEyBgiZqZWtYrNbhAbGveRgtF3u9Whw1GvU07mrb8SA3fLl4tSavbWowtRdSaHyOLueFaIwWFsqLTwe%2bSyEG3ZtE%2bFzpgbv2cjZYmp6aP%2fLtO9bCVnwlfFqp0wEy9c%3d&appId=KNS_BASIC_PSMC (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

张宁 [Чжан Нин]. 中哈合作三十年: 历程与经验 [Тридцать лет сотрудничества между Китаем и Казахстаном: история и опыт]. 2021. № 4. С. 40—44+85—86+90. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=rHoPirQRdmMrRoem4%2FE9l8R%2Byh3GUi4UfLZC0cYyOhc6XgZvt2d9g514IfIh> (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

李宏伟 [Ли Хунвэй]. 浅谈涉外中资企业社会责任管理 [Управление социальной ответственностью китайских предприятий за рубежом]. 2018. № S1. С. 282—284. URL: https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/nzkhtml/xmlRead/trialRead.html?dbCode=CJFD&tableName=CJFDTOTAL&fileName=YSGY2018S1061&fileSourceType=1&invoice=SR5Rl7sbK%2fMmukj2efjxo5S4Sjft%2fj0FhauIkoPN4itTFwcNQFe%2b0ti47QivJhG4NzbPfb32EgycaoYHEfwGquod9dTKfNKXlIGH1pq5JABJcS2cB6%2fZZRd%2bU2lLys%2fXuyWnJk%2fTMQwnNugz4NMkLtsnA4RHxUES94rGIUYGF A%3d&appId=KNS_BASIC_PSMC (дата обращения: 21.02.2025). (На Кит.).

References

Baidarov E. Sudba soobshchestva v kontekste kitaisko-kazakhstanskikh otnoshenii. [The Fate of The Community in The Context of Chinese-Kazakh Relations]. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=HO5TZlL%2BC9NjyTciiRkxhX%2F5xI%2FdSvPe9UaypGkEyVBIGHbvglj7hUB7NQsZlmuWt4vreddl%2FJTia9Bim8yPb4zy8Z1Ub5ziPb7MM1L5jzbA0DU3bouqVyzCuq1gi%2Bpz5CP0m65i5KNeClmOkqf4VdcU3EzU3mOPoKOW7D%2Fct4%3D&platform=NZKPT&product=CJFQ&filename=OYRW202501008&tablename=cjfdautoday&type=JOURNAl&scope=trial&dflag=pdf&pages=&language=&nonce=2E4EB467FB4A46968D4102A761ACC7D0&cflag=pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).

Dong Zhenya, Kovaleva A.A. Interviu v ramkakh sotsialnoi praktiki v iuile 2024 goda. [Interview as part of social practice in July 2024] (unpublished). (In Russ.).

Ministerstvo natsionalnoi ekonomiki Kazakhstana. Natsionalnyi plan razvitia Kazakhstana do 2025 goda [National Development Plan of Kazakhstan until 2025]. URL: <https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/Strategic%20Development%20Plan%20until%202025%20%28RU%29.pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).

Natsionalnyi statisticheskii komitet Kazakhstana: Ezhegodnyi statisticheskii biulleten ekonomiki Kazakhstana [Annual Statistical Bulletin of The Economy of Kazakhstan]. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/statisticheskii-byulleten/rubrics/1987> (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).

境外中资企业商 (协) 会联席会议, 哈萨克斯坦中国总商会. 中资企业在哈萨克斯坦发展报告 (2023—2024) [Association of Chinese Enterprises Abroad. Report on the Development of Chinese Enterprises in Kazakhstan (2023—2024)]. URL: <https://www.doc88.com/p-78043833728520.html> (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

中国商务部. 《对外投资合作国别 (地区) 指南: 哈萨克斯坦》 [Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Guide to Cooperation with Foreign Countries: Kazakhstan]. 北京: 商务部国际贸易经济合作研究院, 2024 [Beijing: Research Institute of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce]. URL: <https://com.gd.gov.cn/zouchuqu/files/Kazakhstan.pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

伊万·沙拉法诺夫, 任群罗 [Sharafanov I., Ren Qunluo]. 中国企业在哈萨克斯坦投资环境评价及风险研究 — 基于69家中资企业调查研究 [Assessment of the Investment Environment and Risks for Chinese Enterprises in

Kazakhstan], 2016, no. 4, pp. 169—202. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=d8MdWP1wuDhnNuLWhyGHMoo0B%2BjHHtFAQklsZ8WGWbdo8xkwwSv%2B75chBrRvAAUACDFCuz16ZIKEF9p%2B946wgkJcwQzbLoVGGoqmq8SHQIMnfApzFх9JOQN5xSIY0gOgi6jP2FJXUF23dQ%2FgEsbqSsB2jznQd8FrYjKasWUwoM%3D&platform=NZKPT&product=CJFQ&filename=ELSY201604008&tablename=cjfdlast2016&type=JOURNAL&scope=trial&dflag=pdf&pages=&language=CHS&trial=&nonce=DE1B49C5B05E4F4AB22EAE180CB1A269&cflag=pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

王晶 [Wang Jing]. 中国与哈萨克斯坦可再生能源合作：机遇与挑战 [China-Kazakhstan Cooperation in Renewable Energy: Opportunities and Challenges], 2024, no. 4, pp. 36—53+129. URL: https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/nzkhtml/xmlRead/trialRead.html?dbCode=CJFD&tableName=CJFDTOTAL&fileName=DOZY202404003&fileSourceType=1&invoice=Q207Q5wMTB8G1j5c2IMq1GADrNkVNFZKuCaGU5naY%2fdKTEyBgiZqZWTyRNbhoAbGveRgtF3u9Whw1GvU07mrb8SA3fLi4tSavbWowntRdSaHyOLueFaIwWFsqLTwe%2bSyEG3ZtE%2bFzpgbv2cjZYmp6aP%2fLtO9bCVnwlfFqp0wEy9c%3d&appId=KNS_BASIC_PSMC (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

张宁 [Zhang Ning]. 中哈合作三十年：历程与经验 [Thirty Years of Cooperation Between China and Kazakhstan: History and Experience], 2021, no. 4, pp. 40—44+85—86+90. URL: <https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/reader/flowpdf?invoice=rHoPirQRdmMrRoem4%2FE9l8R%2Byh3GUi4UfIZC0cYyOhc6XgZvt2d9g5I4IfIh> (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

李宏伟 [Li Hongwei]. 浅谈涉外中资企业社会责任管理 [Social Responsibility Management of Chinese Enterprises Abroad], 2018, no. S1, pp. 282—284. URL: https://kns-cnki-net-s.webvpn.smbu.edu.cn:8118/nzkhtml/xmlRead/trialRead.html?dbCode=CJFD&tableName=CJFDTOTAL&fileName=YSGY2018S1061&fileSourceType=1&invoice=SR5R17sbK%2fMmukj2efjxo5S4SJft%2fj0FhauIkoPN4itTFwcNQFe%2b0ti47QIvJhG4NzbPfb32EgycaoYHEfwGquod9dTKfNKX11GH1pq5JABJcS2cB6%2fZZRd%2bU21Lys%2fXuyWnJk%2fTMQwnNUgz4NMkLtLsnA4RHxuES94rGIUYGFA%3d&appId=KNS_BASIC_PSMC (accessed: 21.02.2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.03.2025
Принята к публикации: 28.03.2025

Received: Mar 02, 2025
Accepted: Mar 28, 2025

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.48647/ICCA.2025.64.83.005

А.А. Попов

Оценка влияния инвестиций в инфраструктурные проекты на социально-экономическое развитие Китая

Аннотация. В данной статье анализируется взаимосвязь между увеличением инвестиций в инфраструктурные проекты и ростом социально-экономического развития Китая. Строительство инфраструктурных проектов оказывает мультипликативный эффект на большинство отраслей экономики, непосредственно влияющих на уровень социального развития государства. Примером тому является опыт Китая, использовавшего увеличение инвестиций в собственные инфраструктурные проекты как инструмент преодоления вызовов, возникающих в периоды глобальных экономических кризисов.

Ключевые слова: инфраструктурное инвестирование, мультипликативный эффект, КНР, социально-экономическое развитие.

Автор: Попов Алексей Анатольевич, аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: aapopov850@yandex.ru

Для цитирования: Попов А.А. Оценка влияния инвестиций в инфраструктурные проекты на социально-экономическое развитие Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 35—49.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.64.83.005.

А.А. Попов

Assessment of the impact of investments in infrastructure projects on China's socio-economic development

Abstract. This article analyzes the relationship between increased investment in infrastructure projects and the growth of China's socio-economic development. The construction of infrastructure projects has a multiplier effect on most sectors of the economy that directly affect the level of social development of the state. An example of this is the experience of China, which has used increased investment in its own infrastructure projects as a tool to overcome the challenges that arise during global economic crises.

Keywords: infrastructure investment, multiplicative effect, China, socio-economic development.

Author: *Popov Alexey A.*, postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: aapopov850@yandex.ru

For citation: *Popov A.A.* Assessment of the impact of investments in infrastructure projects on China's socio-economic development. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 35—49. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.64.83.005.

Китай, являясь одной из ведущих мировых экономик, демонстрирует устойчивый рост на протяжении последних десятилетий. Анализ, изучение и выявление закономерностей, влияющих на положительные результаты принятой Китаем экономической политики, являются важным аспектом для планирования и составления экономических стратегий государства в целом.

КНР за последние десятилетия инвестировала колоссальные суммы в развитие своей инфраструктуры, эти средства сыграли важную роль в превращении страны в мирового экономического гиганта. Можно наблюдать, что при увеличении объемов инвестиций в инфраструктуру наблюдается также рост ВВП. Более того, развитие инфраструктуры способствует улучшению бизнес-климата, что также стимулирует приток иностранных и отечественных финансовых вливаний [However, the degree...].

Инвестиции в инфраструктуру непосредственно влияют на социально-экономическое развитие страны. Улучшение транспортной инфраструктуры, такой как автомобильные дороги, мосты, железные дороги, морские порты и аэропорты, способствует увеличению мобильности рабочей силы и товаров, что в свою очередь способствует экономическому росту. Каждый новый проект инфраструктуры создает рабочие места, как во время строительства, так и в процессе эксплуатации. Это ведет к увеличению уровня занятости и доходов населения, что положительно сказывается на общем уровне жизни.

Развитие региональной транспортной инфраструктуры в Китае ускоряет сближение уровня социально-экономического развития между провинциями (компенсационный эффект), создает значительные агломерационные выгоды (сосредоточение бизнеса и производства), стимулируя вертикальную и горизонтальную кооперацию в промышленности, расширение рынка занятости и распространение инноваций. Приведение инфраструктуры отстающих западных регионов Китая к уровню развитых прибрежных восточных областей обеспечивает первоначальный рост их доходов в среднем на 40—50 %, а в качестве значительных внешних результатов появляются стимулы для повышения мобильности рабочей силы, освоения новых месторождений, увеличения производственной и коммерческой деятельности, развития сферы услуг и туризма.

Транспортная инфраструктура как ключевой фактор инвестиционной привлекательности и мощный катализатор прямо и косвенно повышает уровень развития региональной экономики, расширяет производственные масштабы, стимулирует освоение новых земель, вовлекает в экономический оборот новые ре-

сурсы, позволяет соединять производственные комплексы и потребительские рынки и, как результат, улучшает качество жизни населения отстающих провинций благодаря повышению транспортной доступности. Строительство высокоскоростных железных дорог (ВСЖД) стимулирует активное развитие экономики районов, прилегающих к магистралям, а также связанных с ними отраслей. Расчеты роста мультипликативных эффектов от реализации проектов развития инфраструктуры ВСЖД ярко демонстрируются на примере расширения сети основных ВСЖД в Китае.

За одиннадцать лет, последовавших за вводом в эксплуатацию в 2006 г. ВСЖД Цинхай—Тибет, простирающейся на 1956 км, ВВП Тибетского автономного района (ТАР) демонстрировал ежегодный прирост на уровне 10 %, увеличившись с исходного значения в 34,2 млрд ю. в 2006 г. до впечатляющей отметки в 114,8 млрд ю., что эквивалентно примерно 16 млрд долл., к 2016 г. Доходы провинции Цинхай также продемонстрировали значительный рост, увеличившись с 64 млрд ю. в 2005 г. до 248 млрд ю. к 2016 г., что свидетельствует о существенном экономическом подъеме в регионе [Tibet's capital market...]. За одиннадцать лет функционирования высокоскоростная железнодорожная магистраль Цинхай—Тибет осуществила транспортировку более 100 млн пассажиров, обеспечив комфортное и быстрое перемещение для граждан и гостей региона, а также перевезла свыше 500 млн единиц разнообразных товаров, способствуя развитию торговли и логистики. В течение этого периода доходы, получаемые от туристической отрасли, ежегодно увеличивались в среднем на 25 %, что подчеркивало растущую популярность региона в качестве туристического направления, а количество туристов, посетивших Тибетский автономный район [Экономика Тибета...], ежегодно увеличивалось в среднем на 30 % с 1,8 млн человек в 2005 г. до 12,9 млн человек в 2013 г., свидетельствуя о растущем интересе к уникальной культуре и природным красотам региона.

Общее число путешественников и экскурсантов, посетивших ТАР за одиннадцать лет, демонстрирует впечатляющую динамику роста, увеличившись с 1,8 млн человек до 23,15 млн человек, что является ярким свидетельством успешного развития туристической индустрии.

В 2016 г. более 350 тыс. человек, что составляет примерно 10 % от общей численности населения Тибета, были заняты в сфере туристической индустрии, обеспечивая себе достойный уровень жизни и внося вклад в экономическое процветание региона, а доходы, полученные от туристической отрасли Тибетского автономного района, по сравнению с показателями 2006 г., выросли более чем в 15 раз и превысили 28 млрд ю., что подчеркивает ее значимость для экономики региона. Благодаря впечатляющему развитию региональной экономики в 2016 г. общий объем внешнеторговых операций, осуществляемых автономным районом, превысил отметку в 3,5 млрд долл. США, демонстрируя растущую интеграцию региона в мировую экономическую систему. В 2016 г. доходы, получаемые городским и сельским населением Тибетского автономного района, выросли на 10 % и 13 % соответственно, демонстрируя улучшение уровня жизни населения региона. Численность трудоустроенных граждан в городах и поселках увеличилась, что свидетельствует о создании новых рабочих мест, а количество

граждан, нуждающихся в помощи и поддержке, сократилось, что говорит об успешной реализации социальных программ.

Развивая инфраструктурные проекты, Китай попутно решал задачи роста смежных сфер экономики страны. Развитие железнодорожной сети дало дополнительное развитие не только связанным напрямую с объемом грузопассажирского потока отраслям экономики. Дополнительно создавалось значительное количество рабочих мест, занятых в проектировании, строительстве и эксплуатации железнодорожной сети и подвижного состава. Сектора производства необходимых строительных материалов и механизмов были обеспечены гарантированным объемом работ.

Высокоскоростные магистрали открыли новую индустрию стратегического значения с огромным социально-экономическим потенциалом. По результатам их создания сформировалась целостная производственная цепь, специализирующаяся на инновационных технологиях [Our findings reveal...] в области металлургии, машинного оборудования и измерительных приборов повышенной точности.

Ярким примером формирования лидерства в сфере тяжелого машиностроения является развитие производства подвижного состава в Китае.

Увеличение протяженности скоростных железных дорог оказало огромное воздействие на перемещение и использование экономических ресурсов на непосредственно прилегающих к ним территориях. За счет экономического коридора, возникающего вдоль высокоскоростных дорог, оптимизируется структура местной экономики, ускоряется постепенный переход конкурентноспособных предприятий из развитых регионов в развивающиеся. Другим примером того, как увеличение инвестиций влияет на инфраструктурные проекты, служит дорожно-строительная отрасль Китая. Начало масштабных инвестиций в нее в 80-х гг. прошлого века привело к тому, что менее чем за два десятилетия достижения Китая в дорожном строительстве достигли таких результатов, на которые у Европы и США ушло более 50 лет. Такое активное развитие привело не только к запланированному росту дорожной сети Китая, но и к подъему технологичности всей дорожно-строительной отрасли в целом. От основных средств строительства дорог в виде лопаты, тачки, ручного катка и миллионов низкооплачиваемых рабочих рук всего за несколько десятилетий данная сфера осуществила фантастический рост с переходом к самым современным методам строительства [Contractors in China...].

Следствием такого развития дорожной отрасли стал необходимый для этого рост производства новейшей строительной техники, которая в настоящее время выступает сильным конкурентом на мировом рынке.

Взаимосвязь между развитием транспортного комплекса Китая и прогрессом других секторов национальной экономики является глубокой и многогранной, представляя собой сложную систему взаимозависимостей. Характерные особенности мобильности населения, уровень развития промышленного производства и масштабы торговли, наблюдаемые в Китае, оказывают непосредственное влияние на формирование спроса на разнообразные транспортные услуги, определяя потребности в грузовых и пассажирских перевозках. В то же время транспортный

сектор выступает в качестве ключевого системообразующего фактора, оказывающего определяющее влияние на повышение уровня жизни населения страны, расширение доступа к различным благам и услугам, а также на существенное повышение уровня развития производительных сил, определяющих экономический потенциал государства. Современное руководство КНР рассматривает транспортный комплекс страны в качестве системообразующего элемента национальной экономики, обеспечивающего ее эффективное функционирование и устойчивое развитие, а также признает его в качестве важнейшего фактора, способствующего достижению целей экономического и социального прогресса Китая в целом.

Следует отметить, что динамичный экономический рост, который демонстрировал Китай в начале XXI в., был в значительной степени обеспечен благодаря реализации масштабных программ по инвестированию существенных финансовых ресурсов в ускоренное развитие современной транспортной инфраструктуры, создающей прочную основу для дальнейшего экономического развития. Стремительное усиление транспортной отрасли во многом предопределило особенности экономического и пространственного развития Китая в целом, способствовало укреплению территориальной целостности государства, расширению его международного влияния, а также повышению конкурентоспособности национальной экономики. Ввод в эксплуатацию новых современных скоростных железнодорожных и автомобильных магистралей способствует существенному «сжатию» огромного пространства Китая, сокращая время и расстояние, необходимые для перемещения, и тем самым способствуя превращению его территориальной структуры в более интегрированную, надежную и доступную для граждан и предприятий. Трансформировавшись в новую стратегически важную отрасль промышленности Китая, современный транспортный комплекс стимулирует внутренний спрос на товары и услуги, способствует активному развитию смежных высокотехнологичных отраслей, создавая благоприятные условия для инновационного развития и повышения конкурентоспособности китайской продукции. Китайские скоростные железные дороги, представляющие собой передовые технологические решения, превратились в яркое и убедительное свидетельство инновационной зрелости китайской науки и промышленности, демонстрируя способность страны разрабатывать и внедрять передовые технологии. В настоящее время транспортный комплекс представляют собой инновационную отрасль китайской экономики, создающую востребованную и конкурентоспособную продукцию, обладающую высокой добавленной стоимостью, а также формирующую значительную доходную часть государственного бюджета КНР.

Из логичного предположения, связанного с тем, что увеличение инфраструктурных объектов, повышающих мобильность экономических ресурсов, создающих в свою очередь дополнительные сферы занятости и отрасли производства, приводит к повышению показателей социально-экономического развития государства (ВВП, средний уровень заработной платы, уровень занятости, уровень урбанизации и пр.), следует, что они должны находиться в постоянной взаимосвязи. Исследование взаимосвязей между данными процессами позволяет

понять сложный механизм их причинно-следственных отношений при решении задач планирования и анализа.

Одним из инструментов такого исследования является корреляционный анализ, который на основании статистических данных позволяет проследить зависимости между заданными явлениями [Вильчинская, Тарханова].

Для примера воспользуемся данными, опубликованными Национальным бюро статистики Китая за период с 1998 по 2013 г. Используем показатели по сумме инвестиций в инфраструктурные проекты, такие как строительство, развитие энергетической системы, транспортную сферу, а также данные о социально-экономическом развитии, такие как ВВП, среднедушевой доход (табл. 1).

Таблица 1. Инвестиции, произведенные в инфраструктурные объекты, а также ВВП и среднедушевой располагаемый доход за период 1998—2013 гг. с учетом инфляции

Год	Инвестиции в строительство (100 млн ю.)	Инвестиции в энергетическую и коммунальную инфраструктуру (электроэнергетика, теплоэнергетика, газо-, водоснабжение) (100 млн ю.)	Инвестиции в транспортную инфраструктуру (100 млн ю.)	Валовый внутренний продукт (100 млн ю.)	Среднедушевой располагаемый доход (ю.)
1998	158,28	2144,55	3252,19	85 195,6	5425
1999	225,45	2210,87	3456,94	91 294,8	5901,2
2000	201,89	2535,29	3723,44	102 524,1	6420,3
2001	192,7	2236,5	4191,78	112 892,4	6985,1
2002	271,99	2486,21	4443,31	123 083,8	7789,3
2003	537,69	3873,72	5773,08	139 944,3	8708,5
2004	530,17	5565,32	7143,1	163 017,5	9490,2
2005	644,67	7070,88	8598,11	181 774,1	10 182,4
2006	758,49	7874,4	10 699,64	209 177,7	11 209,6
2007	931,17	8527,48	12 194,22	253 408,5	12 934,3
2008	1070,53	9390,43	14 055,96	285 805,9	14 127,8
2009	1326,51	11 451,04	19 673,1	294 629,7	14 519,1
2010	1908,47	12 422,15	23 737,94	350 853,2	16 268,6
2011	2672,7	12 092,99	22 905,22	402 521,8	17 991,8
2012	2881,7	13 036,35	24 147,22	421 134,2	19 208,0
2013	2692,07	14 959,59	27 687,3	451 908,7	20 171,0

Источник: National Bureau of Statistics of China URL: <https://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 10.03.2025).

Поскольку данные, приведенные в табл. 1, показывают линейную зависимость между количественными переменными, лучше всего для анализа использовать коэффициент корреляции Пирсона [Полякова, Шаброва]. Рассчитаем его для определения взаимосвязи между суммарными инвестициями в инфраструктуру и показателями ВВП Китая согласно табл. 1.

Коэффициент корреляции Пирсона рассчитывается по формуле

$$r = \frac{\sum (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X_i - \bar{X})^2} \sqrt{\sum (Y_i - \bar{Y})^2}},$$

где

X_i и Y_i — значения переменных (инвестиции в инфраструктуру и ВВП);
 \bar{X} и \bar{Y} — средние значения этих переменных.

Вычисляем среднее значение показателей инвестиций в инфраструктуру:

$$(5555,02 + 5893,26 + \dots + 45\,338,96) / 16 = 20\,660,3.$$

Вычисляем среднее значение показателей ВВП:

$$(85\,195,6 + 91\,294,8 + \dots + 451\,908,7) / 16 = 229\,322,9.$$

Для каждой пары значений (инвестиции, ВВП) вычисляем отклонения от средних значений:

$$\sum (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y}) = 26\,030\,939\,637,71;$$

$$\sum (X_i - \bar{X})^2 = 2\,944\,456\,891,59;$$

$$\sum (Y_i - \bar{Y})^2 = 234\,935\,771\,481,97.$$

Подставляя значения в формулу для расчета коэффициента Пирсона, получим:

$$r = 26\,030\,939\,637,71 / \sqrt{2\,944\,456\,891,59} \times \sqrt{234\,935\,771\,481,97} = 0,989.$$

Это означает, что между инвестициями и ВВП существует сильная положительная линейная корреляция. То есть при увеличении одной величины другая тоже увеличивается.

Аналогичным способом при расчете коэффициента Пирсона для определения взаимосвязи между суммарными инвестициями в инфраструктуру согласно табл. 1 и показателями среднедушевого располагаемого дохода получим его значение, равное 0,9547, что также показывает сильную положительную корреляцию этих процессов.

Также и графическое представление взаимосвязи между этими процессами показывает положительную линейную корреляцию (рис. 1, 2).

Таким образом, на основании проведенных корреляционных анализов можно сделать вывод о значительной взаимосвязи между показателями инвестиций в инфраструктурные объекты и такими показателями социально-экономического развития Китая, как ВВП и среднедушевой располагаемый доход. Это дает представление о факторах, влияющих на ключевые экономические процессы и показатели при построении экономических моделей и прогнозов.

Данный метод позволяет оценить эффективность мер, принятых Китаем для увеличения роста социально-экономического развития, и выбрать приоритеты, на которые следует воздействовать для достижения желаемых результатов.

Экономическая статистика, отражающая развитие КНР в период с 2016 г. и до начала 2017 г., убедительно демонстрировала обоснованность и дальновидность выбранного высшим руководством страны стратегического курса на зна-

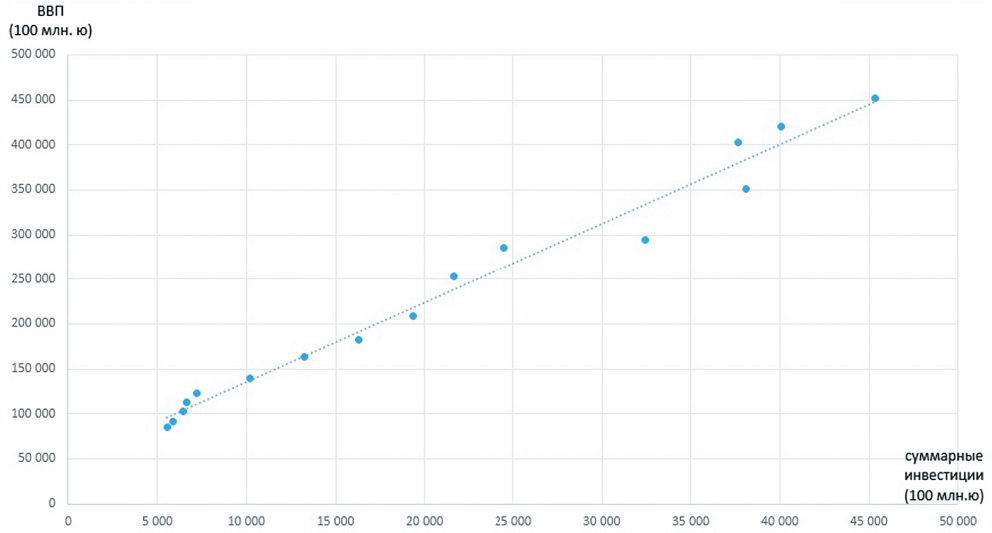

Рис. 1. Взаимосвязь суммарных инвестиций в инфраструктуру и ВВП

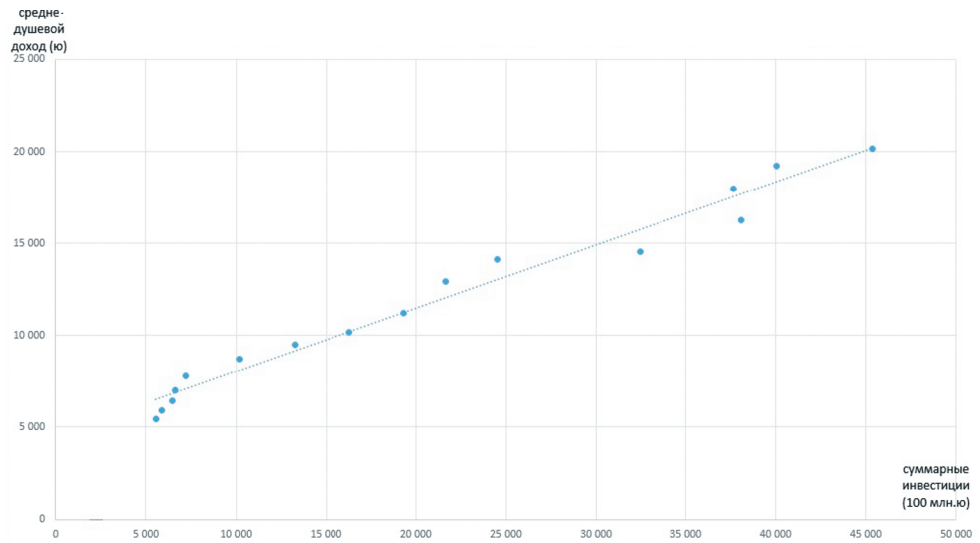

Рис. 2. Взаимосвязь суммарных инвестиций в инфраструктуру и среднедушевого располагаемого дохода

чительное увеличение объемов инвестиций, направляемых в развитие инфраструктурных проектов страны. Данная политика, по замыслу китайских стратегов, должна была создать ярко выраженный мультипликативный эффект в китайской промышленности, стимулируя рост во многих смежных отраслях, а также служить надежным средством для поддержания устойчивого роста эконо-

мики государства в целом. Примечательным фактом стало то, что в период 2016 г. индекс деловой активности производителей (PPI)¹ в Китайской Народной Республике уверенно сигнализировал о заметном подъеме производственной активности во всей национальной экономике и в особенности на протяжении последних пяти месяцев подряд, что подтверждало эффективность принимаемых мер по стимулированию промышленного производства и развитию инфраструктуры (рис. 3). Эти данные свидетельствовали о том, что инвестиции в транспортную инфраструктуру приносят ощутимые результаты, способствуя укреплению производственного сектора и общему экономическому росту страны.

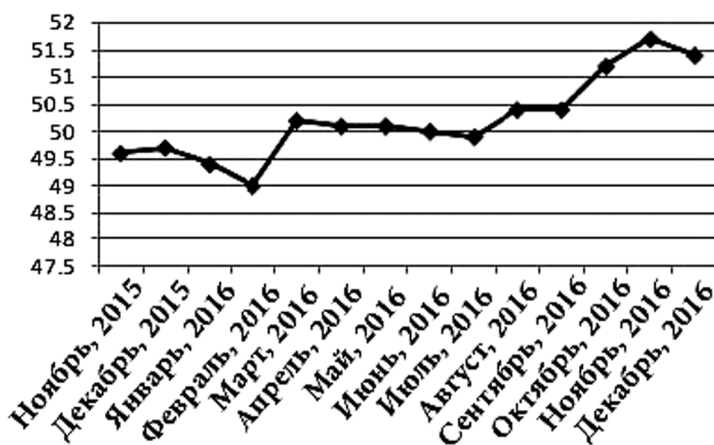

Рис. 3. Индекс деловой активности в КНР.

Источник: China's expanding manufacturing activity points to stabilizing economy. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/02/content_27839433.htm (дата обращения: 10.03.2025); Numbers of the Week January 5—12, 2017. URL: http://www.bjreview.com/Business/201701/t20170109_800084959.html (дата обращения: 10.03.2025); Growth strong, to support reforms this year. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-01/09/content_40065436.htm (дата обращения: 10.03.2025).

Данный индекс, рассчитываемый на основе обширного исследования, проводимого Государственным статистическим управлением (ГСУ) КНР и Китайской федерацией логистики и закупок, охватывающего 1200 компаний, представляющих 27 ключевых отраслей китайской экономики, заслуженно считается одним из наиболее значимых и достоверных экономических показателей, а его значение, превышающее отметку в 50 пунктов, однозначно указывает на начало фазы активного экономического роста и подъема деловой активности. В ноябре 2016 г. индекс деловой активности достиг уровня в 51,7 пункта, что явилось са-

¹ Индекс деловой активности является специальным числовым показателем, рассчитываемым по определенной формуле, и применяемым при анализе экономических процессов. Он служит для выявления развития определенных отраслей, состояния экономики страны в целом, оценки рыночной конъюнктуры. В экономической теории понятие индекса деловой активности непосредственно связано с концепцией экономических циклов.

мым высоким значением, зафиксированным [The return...] с середины 2014 г., подтверждая положительную динамику в развитии экономики. В течение всего 2016 г. среднее значение индекса деловой активности [China's national...] составляло 50,4 пункта, что существенно превысило средний показатель за 2015 г. — 49,9 пункта. В первом квартале 2017 г. значения данного индекса стабильно и уверенно превышали уровень в 51 пункт, демонстрируя дальнейшее укрепление позитивных тенденций в экономике [Chinese economy expected...].

Особого успеха в 2016 г. достиг индекс деловой активности в высокотехнологичных отраслях промышленности, где он продемонстрировал рекордный рост, увеличившись до уровня в 53,8 пункта [PMI...], что свидетельствует о динамичном развитии инновационного сектора экономики. В 2016 г. индекс менеджеров по закупкам (PMI), еще один важный макроэкономический индикатор, отражающий состояние и экономическое здоровье производственного сектора, отчетливо сигнализировал о постепенной стабилизации темпов экономического роста в стране. Во второй половине года значение данного индекса стабильно превышало отметку в 50 пунктов, а в декабре 2016 г. достигло уровня в 51,9 пункта, что стало наивысшим значением индекса, зафиксированным с января 2013 г. [This was the index's...], подтверждая тенденцию к устойчивому развитию промышленного производства. Ведущие китайские экономисты единогласно признавали, что широкомасштабные инвестиции, направленные на развитие современной инфраструктуры, сыграли решающую роль в том, что удалось не только предотвратить снижение темпов роста ВВП Китайской Народной Республики в период с 2015 по 2016 г., но и добиться заметного оживления деловой активности во всех секторах экономики, а также выстроить прочный фундамент для обеспечения устойчивого и стабильного развития экономики в 2017 г. [China's economic performance...] и в последующие годы.

Подлинный прорыв в сфере модернизации транспортной инфраструктуры произошел в течение последних десятилетий активной деятельности, за которые китайским правительством были инвестированы колоссальные средства в строительство современной инфраструктуры и развитие передовой производственной базы транспортного комплекса страны, что обеспечило значительный прирост его потенциала и конкурентоспособности, а общий объем инвестиций в основные фонды отрасли в отдельные периоды превышал внушительный показатель в 8,2 % от ВВП, демонстрируя приоритетное значение, придаваемое развитию транспорта в государственной экономической политике. Государственный совет Китайской Народной Республики последовательно увеличивал объемы инвестиций, направляемых на развитие транспортной инфраструктуры, как в период глобального финансового кризиса, так и в условиях некоторого замедления темпов роста экономики, что позволило поддержать стабильность и избежать резкого спада. Увеличение объемов капиталовложений в расширение современной инфраструктурной сети способствовало трансформации транспортного комплекса в своего рода «антикризисного менеджера», который активно генерировал мультипликативный эффект в технологически сопряженных и тесно связанных отраслях экономики Китая, обеспечивая устойчивый рост и повышение их эффективности, а также способствовал расширению возможностей для трудоустройства

ройства населения, стимулируя создание новых рабочих мест и снижая уровень безработицы.

Значительные объемы прямых зарубежных инвестиций, привлекаемые в страну, а также относительно невысокая себестоимость реализации проектов по прокладке современной железнодорожной сети предоставили китайским компаниям, специализирующимся на инфраструктурном строительстве, уникальную возможность для активного выхода на мировые рынки строительства железных дорог в рамках реализации масштабной и амбициозной стратегии «Одного пояса и одного пути», направленной на укрепление международного сотрудничества и стимулирование экономического развития. Данная стратегия, в свою очередь, оказывает мощный мультипликативный эффект на сопряженные отрасли китайской промышленности, создавая благоприятные условия для их развития и расширения, а также способствует созданию новых рабочих мест, обеспечивая занятость населения и стимулируя экономический рост. Более того, эта стратегия оказывает положительное влияние на развитие китайской внешней торговли, расширяя возможности для экспорта продукции и укрепления позиций Китая на мировом рынке. Инновационный прорыв, достигнутый в отраслях, занимающихся производством современного подвижного состава и транспортных средств, позволяет китайским производителям значительно нарастить объемы продаж высокотехнологичной продукции, характеризующейся высокой добавленной стоимостью, включая современный высокоскоростной железнодорожный подвижной состав, контейнеры и сухогрузы, что способствует диверсификации экспорта и укреплению позиций Китая в мировой экономике. Финансирование развития транспортной инфраструктуры, осуществляемое параллельно с активным инновационным развитием транспортной отрасли, по-прежнему остается одним из ключевых и приоритетных источников, обеспечивающих устойчивый экономический рост КНР и способствует созданию новых рабочих мест, что является важным фактором для повышения уровня жизни населения и обеспечения социальной стабильности в стране.

Благодаря созданию современной и разветвленной транспортной инфраструктуры провинции получают существенные и ощутимые экономические выгоды, что проявляется в значительном уменьшении расходов предприятий, представляющих все отрасли экономики региона, а также в заметном возрастании скорости движения и повышении оборачиваемости грузов и используемого автотранспорта, что, в свою очередь, приводит к снижению объемов необходимых запасов на складах, оптимизируя логистические процессы и снижая издержки. В результате указанных позитивных изменений происходит повышение производительности труда на предприятиях региона, возрастает конкурентоспособность местных производителей, что позволяет им успешно конкурировать с другими предприятиями, а также обеспечивается их выход на ранее недоступные для них региональные рынки, расширяя горизонты для развития бизнеса и увеличения объемов продаж. Происходит постепенное выравнивание уровней социально-экономического развития соседних провинций, что способствует сбалансированному развитию регионов, увеличивается интенсивность коммуникаций и различных видов сообщений, а также активизируются международные связи, ук-

репляя позиции региона в мировой экономике. Улучшение транспортной доступности территории приводит к заметному росту мобильности населения, расширяя возможности для трудоустройства, получения образования и доступа к культурным ценностям, а также способствует повышению общего качества жизни населения, обеспечивая более комфортные условия для проживания и деятельности.

Отдельно стоит отметить действия Китая по инвестированию в инфраструктурные объекты других стран. Увеличивая объемы своих капиталовложений в развитие инфраструктуры за рубежом, КНР предоставляет дополнительный мощный импульс к ускоренному и интенсивному развитию собственной региональной экономики, создавая благоприятные условия для ее роста и укрепления. Китайские прямые зарубежные инвестиции, активно направляемые на создание и модернизацию современных транспортных сетей, например в странах Центральной Азии, позволяют Китаю динамично развивать собственные производственные мощности, обеспечивая устойчивую загрузку долгосрочными заказами своего мощного и высокотехнологичного машиностроительного комплекса, создавая тем самым новые рабочие места и стимулируя экономический рост. Необходимо особо подчеркнуть, что данные инвестиции предоставляются КНР на исключительно льготных условиях, что делает их особенно привлекательными для стран-партнеров, и только при условии обязательного использования китайского оборудования, передовых технологий и современной техники, а также с привлечением для их квалифицированного обслуживания и эффективной эксплуатации китайских специалистов, обеспечивая тем самым занятость и рост квалификации собственного населения. Проводимая инвестиционная политика Китая в центральноазиатском регионе, тесно связанная со стратегией выхода за рубеж и реализацией масштабных планов по строительству экономического пояса Шелкового пути, создает все необходимые предпосылки для того, чтобы КНР в долгосрочной перспективе получила значительные экономические и геополитические дивиденды, укрепив свои позиции на мировой арене. Участие в инфраструктурных проектах за рубежом полностью соответствует твердому намерению высшего руководства Китая выстроить и внедрить модель экономического развития страны, основанную на активном стимулировании роста китайских прямых зарубежных инвестиций, направленных на развитие мировой инфраструктуры, а также на увеличении объема экспорта инновационной продукции, характеризующейся высокой добавленной стоимостью, что должно способствовать увеличению доходов государства и укреплению его позиций в мировой экономике. Для успешного осуществления этой революционной и масштабной задачи были созданы специальные финансовые институты, предназначенные для аккумулирования необходимых финансовых ресурсов и осуществления долгосрочного планирования, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Финансирование Китаем масштабного строительства современных транспортных путей в странах, расположенных в непосредственной близости к экономическому поясу Шелкового пути и морскому Шелковому пути XXI в., оказывает положительное влияние на экономическое и социальное развитие этих стран, создавая новые возможно-

сти для сотрудничества и обмена опытом, а также способствуя улучшению условий жизни населения.

Процессы проектирования, строительства, последующей эксплуатации и технического обслуживания новых современных магистралей, возводимых за рубежом, нуждаются в активном привлечении передовых китайских технологий и, соответственно, высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми знаниями и опытом для эффективного управления проектами и обеспечения их бесперебойного функционирования. Поставка китайского современного подвижного состава, в том числе высокоскоростных поездов, для новых зарубежных магистралей, строящихся в рамках сотрудничества, позволяет значительно увеличить объемы производства высокотехнологичной техники в Китае, укрепляя ее позиции на мировом рынке. Этот экспорт генерирует мультипликативный эффект в смежных и тесно связанных отраслях национальной экономики, что позволяет обеспечить заказами значительное количество предприятий китайской промышленности.

Строительство новых транспортных магистралей за пределами Китая предоставляет стране возможность для проникновения на новые рынки сбыта производимой продукции, что значительно расширяет географию экспорта и стимулирует рост объемов китайской внешней торговли, способствуя укреплению экономического потенциала страны.

Библиографический список

Вильчинская О.В., Тарханова Л.А. Корреляционно-регрессионный анализ в оценке взаимосвязи показателей социально-экономического развития муниципальных образований // *Пространство экономики*. 2010. № 3-2. С. 148—159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsionno-regressionnyy-analiz-v-otsenke-vzaimosvyazi-pokazateley-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh> (дата обращения: 28.02.2025).

Полякова В.В., Шаброва Н.В. Основы теории статистики: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 148 с. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34746/1/978-5-7996-1520-8.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

Экономика Тибета 24 года подряд растет двузначными цифрами. URL: <https://ru.investing.com/news/economic-indicators/article-269056> (дата обращения: 06.03.2025).

China's economic performance has been generally stable with improved economic structure and quality growth, and it is totally possible for the economy to maintain a stable and positive trend next year, NBS spokesperson Liu Aihua told a press conference. URL: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2017/11/15/content_281475943607676.htm (accessed: 07.03.2025).

China's national economic performance in 2016. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201610/t20161009_1407562.html (accessed: 04.03.2025).

Chinese economy expected to continue stabilizing in 2017: Economist. URL: <https://www.icbcasia.com/icbc/en/newsupdates/financialnews/worlddeconomy/ChineseEconomyExpectedtoContinueStabilizingin2017Economist.htm> (accessed: 07.03.2025).

Contractors in China are using a fleet of unmanned road pavers and rollers to build the Panzihua-Dali Highway between Sichuan and Dali provinces. The machines are using GPS positioning systems, microwave communications, millimetre wave radar and other sensing equipment to find their way along. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S209623202300046X> (accessed: 27.02.2025).

However, the degree to which China gained market access — not only abroad but also at home — through a gigantic effort in building transport infrastructure is little understood. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S002219962300020X> (accessed: 26.02.2025).

Our findings reveal that the initiation of an HSR service has a robust, positive impact on technology inflows. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S209623202300046X> (accessed: 27.02.2025).

PMI for high-tech manufacturing registered 53.8, the highest this year, and higher than the overall manufacturing industry. URL: <https://english.cctv.com/2017/01/03/ARTIwnKgdqiIzfyjOfsnopiO170103.shtml> (accessed: 07.03.2025).

The return of optimism in 2017. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/7070.html> (accessed: 07.03.2025).

This was the index's biggest rise since January 2013, and production grew at the fastest pace in nearly six years thanks to an increase in total new work. URL: http://english.www.gov.cn/archive/statistics/2017/01/03/content_281475531965140.htm (accessed: 06.03.2025).

Tibet's capital market hits 22 bln USD in 2016. URL: http://m.tibet.cn/eng/economy/news/201702/t20170215_5721354.html (accessed: 07.03.2025).

References

Vilchinskaya O.V., Tarhanova L.A. Orrelyacionno_regressionnii analiz v ocnke vzaimosvyazi pokazatelei socialno_ekonomicheskogo razvitiya municipalnih obrazovanii [Correlation and regression analysis in assessing the relationship between indicators of socio-economic development of municipalities]. *Prostranstvo ekonomiki* [Space of Economics], 2012, no. 3(2), pp. 148—159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreljatsionno-regressionnyy-analiz-v-otsenke-vzaimosvyazi-pokazateley-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh> (accessed: 28.02.2025). (In Russ.).

Polyakova V.V., Shabrova N.V. Osnovi teorii statistiki [Fundamentals of the theory of statistics]. Yekaterinburg: UrFU, 2015. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34746/1/978-5-7996-1520-8.pdf> (accessed: 28.02.2025). (In Russ.).

Ekonomika Tibeta 24 goda podryad rastet dvuznachnimi ciframi [Tibet's economy has been growing by double digits for 24 consecutive years]. URL: <https://ru.investing.com/news/economic-indicators/article-269056> (accessed: 06.03.2025). (In Russ.).

China's economic performance has been generally stable with improved economic structure and quality growth, and it is totally possible for the economy to maintain a stable and positive trend next year, NBS spokesperson Liu Aihua told a press conference. URL: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2017/11/15/content_281475943607676.htm (accessed: 07.03.2025).

China's national economic performance in 2016. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201610/t20161009_1407562.html (accessed: 04.03.2025).

Chinese economy expected to continue stabilizing in 2017: Economist. URL: <https://www.icbcasia.com/icbc/en/newsupdates/financialnews/worldconomy/ChineseEconomyExpectedtoContinueStabilizingin2017Economist.htm> (accessed: 07.03.2025).

Contractors in China are using a fleet of unmanned road pavers and rollers to build the Panzhihua-Dali Highway between Sichuan and Dali provinces. The machines are using GPS positioning systems, microwave communications, millimetre wave radar and other sensing equipment to find their way along. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S209623202300046X> (accessed: 27.02.2025).

However, the degree to which China gained market access — not only abroad but also at home — through a gigantic effort in building transport infrastructure is little understood. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S002219962300020X> (accessed: 26.02.2025).

Our findings reveal that the initiation of an HSR service has a robust, positive impact on technology inflows. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S209623202300046X> (accessed: 27.02.2025).

PMI for high-tech manufacturing registered 53.8, the highest this year, and higher than the overall manufacturing industry. URL: <https://english.cctv.com/2017/01/03/ARTIwnKgdqiIzfyjOfsnopiO170103.shtml> (accessed: 07.03.2025).

The return of optimism in 2017. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/7070.html> (accessed: 07.03.2025).

This was the index's biggest rise since January 2013, and production grew at the fastest pace in nearly six years thanks to an increase in total new work. URL: http://english.www.gov.cn/archive/statistics/2017/01/03/content_281475531965140.htm (accessed: 06.03.2025).

Tibet's capital market hits 22 bln USD in 2016. URL: http://m.tibet.cn/eng/economy/news/201702/t20170215_5721354.html (accessed: 07.03.2025).

Поступила в редакцию: 10.03.2025

Принята к публикации: 25.03.2025

Received: Mar 10, 2025

Accepted: Mar 25, 2025

О.А. Караулова

Особенности российско-китайского сотрудничества в бизнес-среде как фактор культурного диалога

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей российско-китайского сотрудничества в бизнес-среде и его роли как фактора кросс-культурной коммуникации двух стран. В условиях глобализации и взаимозависимости экономик России и Китая активно развивают взаимные торговые отношения, что создает уникальные возможности для обмена культурными ценностями и практиками. В статье рассматриваются ключевые аспекты делового взаимодействия, такие как влияние национальных культур и менталитета на ведение бизнеса и формирование бизнес-культуры в каждом из государств. Особое внимание уделяется тому, как эти особенности выражаются в их взаимодействии, делается упор на факторы совместимости российской и китайской культур в контексте гармоничного диалога сторон. Работа подчеркивает влияние кросс-культурной коммуникации на внутреннюю культуру России, а также на практики ведения бизнеса в этих странах, создавая основу для успешного экономического сотрудничества и дальнейшего развития.

Ключевые слова: кросс-культурные исследования, российская деловая культура, восточная деловая культура, культурный диалог, российско-китайское сотрудничество, Россия и Китай.

Авторы: *Караулова Ольга Александровна, студент* социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: figuread.ing@gmail.com

Для цитирования: Караулова О.А. Особенности российско-китайского сотрудничества в бизнес-среде как фактор культурного диалога // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 50—60.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.36.006.

О.А. Karaulova

Features of Russian-Chinese cooperation in the business environment as a factor of cultural dialogue

Abstract. The article analyzes the features of Russian-Chinese cooperation in the business environment and its role as a factor of cross-cultural communication between the two countries. In the context of globalization and the interdependence of economies, Russia and China are actively developing mutual trade relations, which creates unique opportunities for the exchange of cultural values and practices. The article examines key aspects of business interaction, such as the influence of national cultures and mentality on doing business and the formation of business culture in each of the states. Special attention is paid to how these features are expressed in their interaction, emphasis is placed on the factors of compatibility of Russian and Chinese cultures in the context of a harmonious dialogue between these two sides. The work highlights the inf-

fluence of cross-cultural communication on the internal culture of Russia, as well as on business practices in these countries, creating the basis for successful economic cooperation and further development.

Keywords: cross-cultural research, russian business culture, chinese business culture, cultural dialogue, Russian-Chinese cooperation, Russia and China.

Author: Karaulova Olga A., Student, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: figuread.ing@gmail.com

For citation: Karaulova O.A. Features of Russian-Chinese cooperation in the business environment as a factor of cultural dialogue. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 50–60. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.47.36.006.

Деловая культура — определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей личности, проявляющийся в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также создаваемых ими материальных и духовных ценностях [Кузеванова]. Она также представляет собой совокупность ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов, принятых в стране или организации при ведении бизнеса [Россияне стали...].

Всю совокупность элементов диалога между деловыми культурами как неотъемлемой части бизнес-взаимодействия можно обозначить термином «кросс-культурный менеджмент». Некоторые исследователи рассматривают его как взаимодействие представителей различных культур, в то время как другие определяют его как сотрудничество на пересечении или столкновении культур. При этом изучение кросс-культурных отношений осложняется тем, что участники часто не осознают свою культурную специфику [Инглхарт] — не относят себя к определенному паттерну или типу поведения на уровне действий, привычек, отношений, которые являются схожими с другими представителями этой же культуры.

Однако важность бизнес-культуры заключается также в том, что она служит своеобразным маркером, с помощью которого одни культуры могут судить о коммуникативных особенностях, привычках, традициях и ценностях другой. Эта система представлений формирует призму, через которую происходит восприятие действий и намерений людей, отличных от их собственных. Речь идет о понятных паттернах поведения и ментальных моделях, которые не только формируют общее мнение о представителях конкретного народа и особенностях его воззрения на мир, но и дают сигнал к деятельному отношению, формированию определенных убеждений и даже стереотипов касательно конкретных людей.

Если распространение этих убеждений происходит через разные уровни сложности — от профессиональных социологических трудов до крайне примитивных, нередко идеологически негативно окрашенных произведений массовой культуры, то действительное формирование паттернов происходит в настоящем. Так, нравственные и моральные установки, усвоенные на теоретическом уровне — в ранние годы жизни и/или в школьный период, сталкиваются с реальной практикой бизнес-взаимоотношений, которая основана на реакционных про-

цессах действительных проблем и актуальных вызовах делового мира [Кузеванова]. Определяющая роль бизнес-культуры заключается также и в том, что она является драйвером нравственной и организационной культуры общества. Так формируется и действует петля обратной связи, когда сами участники деловой этики влияют на формирование реальной нравственной культуры всего общества, выступая своеобразным трендом для других сфер общественной жизни. Таким образом, этот процесс можно представить в виде синергии двух полярностей, при взаимодействии которых формируется тот образ, который транслируется вовне.

Выражаться этот процесс может в разных областях.

1. В политической сфере. Борьба, которая происходит на различных уровнях власти, также подразумевает культурную специфику решения тех или иных вопросов. Это традиции, культурные ритуалы, а также практика переговоров, т. е. культурные итерации, которыми обмениваются ее представители, таким образом распространяя эти практики на все общество.

Выражаться процесс культурного синтеза в этой сфере может на двух уровнях:

а) дипломатическом — процесс поддержания официальных отношений между правительствами различных государств, а также между правительствами и международными учреждениями мирными средствами;

б) лоббистском, что предполагает переговорный процесс между коммерческими и некоммерческими организациями — институтами власти и публичного администрирования, и часто происходит на международном уровне, с вовлечением в него различных ТНК, а также обычного бизнеса, который ведет дела в иностранной среде.

2. В экономической сфере, которая включает в себя всю систему экономических отношений, возникающую и воспроизводимую в процессе материального производства, прежде всего затрагивая бизнес-сферы, предпринимательство и рынки.

Становится понятным, что специфика взаимодействия межнациональных бизнес-сфер выполняет лидерскую роль в обществе, характер ее деятельности влияет на сознание людей, восприятие ими представителей других культур и своей собственной относительно других: французы — жадные для немцев и пример снобизма для итальянцев, одновременно с этим — олицетворение галантности для русских. Немцев последние воспринимают как эталон пунктуальности, итальянцев — эмоциональности, а англичан — чопорности. Сами же русские известны своим «на авось». Очевидно, что названные общеизвестные качества очень точно задают характер делового тона этих культур, потому оттуда и происходят корпоративная этика, стиль переговоров, соблюдение дедлайнов, отношение к распорядку и прочее. Даже шаблонные и известные всем анекдоты, начинающиеся с привычного «ехали как-то в одной машине русский, американец и армянин...», очень точно передают отношение разных наций к деловым вопросам, даже самым абсурдным. При этом стоит отметить, что таким образом распространяя свое влияние на все общество, кросс-культурная коммуникация служит не только фактором изменений в экономическом мышлении и поведении людей, но и необходимым элементом для стабилизации социально-экономиче-

ской системы, создавая основу для успешной реализации гражданских, правовых и иных инициатив.

Интересны для рассмотрения в этом контексте специфика коммуникации русских и китайских наций ввиду их обширного планомерного сотрудничества в последнее время. В отличие от других упомянутых национальностей, в отношении которых уже сформировались укорененные и лаконичные стереотипы ввиду огромной предыстории деловых взаимоотношений, интенсивное сотрудничество с китайской стороной возникло относительно недавно. И несмотря на то что российское общество уже начало приспосабливаться к особенностям азиатской бизнес-среды, у нас все еще существует некоторая неосведомленность о специфике корпоративной этики этих людей. Ведь если страны европейского толка не только более просты для понимания ввиду их некоторой схожести между собой на основе базовых представлений о мире, западного менталитета, а потому разделяемых ценностей, то здесь речь идет о другом типе мышления, иной цивилизации, которая развивалась своим уникальным путем, отличным от западного, о других ценностях и взглядах на окружающий мир в целом.

Для наиболее полной иллюстрации специфики бизнес-взаимодействия России и Китая для начала представляется наиболее важным рассмотреть особенности каждой из этих деловых культур.

Ричард Д. Льюис, известный британский специалист в области межкультурной коммуникации, выделяет три типа культур: моноактивные, полиактивные, реактивные.

Русская деловая культура относится к так называемой полиактивной, которой присущи нетерпеливость; общительность; планирование в общих чертах, а не деталях; занятость в нескольких делах одновременно; по большей части — пунктуальность; ориентированность в первую очередь на людей, а не на работу; значительная степень nepoтизма в кадровом вопросе; легкая изменчивость планов; эмоциональность в спорах; смешивание личного и профессионального.

Китай же наряду с Японией и большинством восточных стран относится к реактивному типу. Его представители зачастую терпеливы; почтительны; являются более хорошими слушателями, чем спикерами; реагируют по ситуации, не берутся за одно или несколько дел; подстраиваются под график партнеров; также ориентированы на людей; ненавязчиво заботливы в деловых вопросах; могут вносить легкие коррективы в общий план работы; эмоциональному спору предпочитают избегание конфронтации; соединяют личное и профессиональное.

Для сравнения, к моноактивной культуре относятся Америка, Германия, Франция. В бизнесе они демонстрируют интровертность; терпеливость; систематическое планирование и строгое ему следование; ориентированность на работу, а не людей; бесстрастность; краткость и определенность; разграничение личного и профессионального; в споре они опираются на логику [Льюис].

Некоторые черты моноактивной и реактивной культур совпадают, но в большинстве своем последняя находится в некотором спектре между ними. Данная классификация выявляет сходные тенденции, но, разумеется, стоит учитывать, что распределение всей разновидности менталитетов и национальных характеров на три определенных категории не является верным. Для того чтобы иметь

более точное представление о русской и китайских культурах, стоит рассмотреть характерные особенности каждой и них.

Российская деловая культура является уникальной по своей сути. Это выражается в том, что, как и национальная культура нашей страны в целом, она сочетает в себе несовместимые свойства. Ричард Д. Льюис даже называл ее «шизофреничной», подчеркивая промежуточное состояние России в ряду характерных для остальных организаций параметров (индивидуализм/коллективизм/иерархичность/эгалитаризм и др.), ее пограничное положение между восточной и западной цивилизациями как евразийской страны [Льюис] (здесь уже стоит заметить некоторое расхождение или корректировку позиционирования русской полиактивной культуры как крайности в отношении моноактивных стран и промежуточных между ними реактивных), совместимость советских исторических принципов и индивидуалистских заимствований с Западом.

Прежде всего, в организационных структурах нашей страны присутствует дух коллективизма, отражающий стиль советской командной экономики, в которой десятилетиями жило государство. Решения, принимаемые на коллективном уровне, важность «мягких» связей и контактов внутри коллектива, привлечение родственников в деловые отношения испытали на себе глобализационные тенденции, которые оказали очевидное западное влияние с ориентиром на индивидуализм, разделение рабочего и личного, упорядоченность в корпоративной организации и иерархии. Это привело к причудливому смещению при определенном сопротивлении и неготовности работников организовать рабочий процесс по западному образцу. Организационной культуре России свойственна недолгосрочность стратегий. Это выражается и в отсутствии четкой установки следовать закону, характеризующейся подходом «ну а дальше — как пойдет», «авось прокатит», и нестандартное приспособленческое мышление, позволяющее выживать в любых условиях. Р.Д. Льюис отмечал: «Ко всему, что вы представляете как официальную директиву или инструкцию, они [русские] будут относиться недоверчиво. То, что вы подаете как личную рекомендацию, они приветствуют» [Льюис]. Бизнес в России «личный», неформальные отношения, в том числе родственные, играют здесь большую роль [Синчук]. Особое место в системе ценностей занимает семья — уважение к старикам и особая трепетность к теме детей находят отношение и в деловом мире. Так, демонстрировать привязанность к собственной семье или ребенку — отличный задел для установления доверительных отношений с российским партнером. Важно показать себя именно с общечеловеческой стороны. Русских зачастую намного больше интересуют личные цели иностранных партнеров, нежели коммерческие.

При этом, мейнстримные на Западе *soft skills* также приобрели в России причудливую адаптацию: важным стало умение «договориться», в том числе зачастую с представителями органов власти, от которых зависят ключевые управленческие решения. Здесь же можно упомянуть организованность, иерархичность и большую дистанцированность власти, свойственные восточным странам, принадлежащим к аскриптивным (статусным) культурам. Эти особенности проявляются в авторитарности и патернализме по отношению к нижестоящим, зависи-

мости их от вышестоящих, в ожидании указаний для активных действий от руководства (при недоверии к власти вообще).

Существует стремление контролировать все и вся, а также желание человека пользоваться различными «привилегиями». Положение работника также часто определяется родственными связями, полом или возрастом — тем, на что он повлиять не в состоянии. В переговорах позиция российской стороны носит концептуальный и всеобъемлющий характер, в отличие от американцев или немцев, которые предпочитают решать проблемы шаг за шагом. Однако, по сути своей, наша культура консервативна и нелегко принимает изменения, потому здесь, наоборот, стоит проявить терпеливость и преподносить новые идеи постепенно. Известно распространенное мнение о русских людях как угрюмых и серьезных. И хотя на первой или второй встрече это и впрямь может показаться таковым, демонстрация именно человеческого доверительного отношения, взаимопонимания и искренности способна «растопить» российскую сторону.

Переходя к особенностям китайской деловой коммуникации, следует сказать, что ее фундамент составляют принципы даосизма и конфуцианства. Прежде всего, надо упомянуть «культуру лица», которая является общепринятой формой социального взаимодействия, ее основой выступает социальная гармония, мораль и ритуал, а не простое выражение вежливости, как в западных странах [Скальная]. В Китае ключевое в переговорном процессе — «сохранить лицо», что означает что-то вроде средневекового понятия чести или сохранения уважения к себе и своей нации, деловой репутации. Кроме того, деловому человеку нужно сохранять не единственное «лицо», а несколько: оно разное в зависимости от различных социальных обязанностей, определяемых конфуцианством, при общении с разными людьми — родственниками, друзьями и партнерами. С этим связано и китайское острое чувство ценности времени, что выражается в склонности к неторопливости и высокой терпимости к неопределенности. Как отмечал Р.Д. Льюис, «китайцы не торопятся, чтобы подобрать разнообразные стратегии, которые позволили бы избежать разногласий с первого предложения» [Льюис]. Неторопливы бизнес-представители этой нации и при принятии решений, ожидании правильного момента для определенного действия, который «созревает» благодаря внешним обстоятельствам. Такая временная выдержка характеризует китайскую деловую культуру как «долгосрочную». Проявляется это как в самом процессе переговоров, где китайцы действуют поступательно, шаг за шагом, так и в отношении к деловым процессам в целом: переговоры в этой стране являются важным общественным событием, во время которого становится понятным, является ли другая сторона за столом подходящим партнером на длительное время. Согласно конфуцианскому учению, уважения заслуживают такие деловые качества, как трудолюбие, настойчивость, сдержанность, любовь к самообразованию, скромность. Долг, справедливость и благодарность — жизненные принципы этих людей [Скальная]. Безусловная вера в культурное и нравственное превосходство нации — ядро национального самосознания китайцев. Весомый вклад в подобное миропонимание внесло и государственное устройство страны — социализм с китайской спецификой, ориентирующий общество на коллективистские ценности. В таком устройстве отличительная черта компа-

ний — миролюбивость. Руководители понимают, что «несут ответственность за окружающих людей и среду и необходимо учитывать интересы всех сторон бизнес-процесса, а лидеры таких компаний руководствуются предназначением служить высокой миссии или идее» [Скальная].

Что касается организационных принципов этого государства, Китай является, наряду с Японией и Кореей, а также сферой китайского влияния (Тайвань, Гонконг, Сингапур), представителем «восточной модели», действующей как на уровне корпораций, так и правительств, департаментов, и представляет собой систему, напоминающую структуру семьи. Она состоит из пяти основных связей: «государь—подданный», «родители—дети», «муж—жена», «старший брат—младший брат», «старший друг—младший друг», подразумевающих семейно-клановую систему с четкой субординацией по возрасту и статусу. Высокая степень иерархичности присутствует во всех сферах жизни — семейной, общественной и деловой. Китайцы убеждены, что игнорирование этих типов является причиной беспорядка, преступности и недостаточной общественной ответственности, а их поддержание — частью «сохранения лица». Уже из этой системы становится очевидной важность, почти сакральность семейных связей в китайском обществе. Это выражается в безукоризненном почтении предков и членов семьи старшего возраста, ведь прошлое играет важную роль в определении настоящего. А жесткая иерархия предполагает, чтобы менее влиятельные люди были в зависимом положении от более влиятельных, которые, в свою очередь, должны взаимно защищать их, заботиться об их карьере и благосостоянии.

При этом для китайских бизнес-представителей на переговорах важно «внешнее обрамление». Выражается такой подход в философии feng shui (вера в магическую силу воды и ветра), предписывающей особое расположение предметов декора, порядок рассаживания участников, расстановки мебели. Они верят, что это принесет удачу и гармонию в деловые или межличностные отношения. Китайцам также важно быть «представительными»: крупные застолья, большое количество формальных бизнес-ритуалов, фотографии с пожатием рук, подарки — они все это просто обожают. Для них это шанс показать свою гостеприимность и установить прочные долгоиграющие связи.

В общем и целом, плодотворное сотрудничество между российской и китайской стороной может быть выстроено за счет того общего азиатского менталитета, который характеризует их в полной или в частичной мере. Прежде всего, это дух коллективизма, который является неотъемлемой частью истории обеих стран и на основе которого они могут взаимодействовать. Это согласуется с культурологической моделью Ф. Тромпенаарса — Ч. Хэмпден-Гернера: в обеих культурах высоко проявление диффузности. Это ориентация на достижение целей более важных и общих, чем индивидуальные, работа в команде и кооперации с выгодой не только для себя, но и для более обширной группы.

Как для китайцев, так и для русских личное отношение играет первостепенную роль в бизнесе: они смотрят на человека в бизнесе, а не на бизнес с участием человека, что становится плодотворной основой для выстраивания именно долгосрочных крепких отношений, поскольку способствует не поверхностной, а более глубокой связи их участников. Каждая из сторон оценит по достоинству вни-

мание к традициям и истории другой в разговоре или в ином выражении. Так, русские обожают внимание к их историческим достижениям, музыке, литературе, особенно оказанное с долей восхищения. Они его, впрочем, и получают. Например, Си Цзиньпин, выступая в России, цитировал русских классиков [Чжан Юйцзе]. Тем не менее русское разгильдяйство и «авось» не слишком ценятся у китайцев, обладающих чувством собственного превосходства и измеряющих другие народы на основе нравственных качеств. Так, это чувство достоинства сочетается с резкой критикой в адрес западных народов. Они считают, что крупные европейские страны, слывшие когда-то великими империями, — Великобритания, Франция, Испания и Португалия — находятся в состоянии духовного разложения и распада, что американская культура стала приходить в упадок, не достигнув своего пика [Льюис]. Это очень уместно сочетается с нынешним российским трендом на критику западных ценностей и ориентированием на традиционные рельсы, потому подчеркивание глубоких связей с традициями страны и ее культурой будет очень понятно китайским партнерам. Они оценят нравственные свойства российской стороны, что даст им знак для доверительных отношений. В целом, возвращение к традиционным ценностям на фоне общего тренда к секуляризации объясняется тем, что религия вновь обрела значимость в этих обществах после распада коммунистической системы ценностей. Наиболее всего уровень религиозности повысился именно в посткоммунистических странах, где религия и национализм заполнили идеологический вакуум, возникший после распада коммунистической системы ценностей, придававшей смысл и цель жизни миллионам людей [Льюис]. Кроме того, экономическая конфронтация со странами капиталистического проамериканского блока, разделяющими западный менталитет, выгодно оттенит эти стороны российской культуры и даст понять — и все-таки, в нравственно-духовном вопросе вы и впрямь лучше, чем любой из западных бизнесменов, а, значит, долгосрочные отношения лучше выстраивать с вами.

Духовно-нравственный аспект также неразрывно связан с институтом семьи, что, как упоминалось, является центром китайского общества. Так, чтобы показать себя с наилучшей стороны для иностранного партнера, превосходной идеей будет справиться о здоровье членов семьи, преимущественно о старших: родителях, бабушках и дедушках. Этот интерес будет подразумевать, что вы оцениваете его не как «мешок с деньгами» или «пакетом выгодных предложений», а как бизнес-компаньона, с которым намерены строить общее дело и приходить к взаимовыгодным результатам со всем причитающимся уважением. В целом, все, что касается темы родственников, будет как нельзя кстати для упрочения отношений, но не стоит забывать — китайцы больше любят слушать, а русские говорить, поэтому не стоит донимать первых расспросами. Излишняя непунктуальность и некоторая своевольность, характерная для русских, не слишком принята в китайском обществе, которому свойственны смиренность и почтительность. Различный темперамент двух культур — основной камень преткновения: спокойствие и размеренность в делах мало сочетается с русской буйностью, «шизофреничностью» и авральным подходом к работе. Однако «душевность» — это общее качество, которое может способствовать наиболее удачной кросс-куль-

турной коммуникации. Совместные деловые обеды и ужины, которые очень приняты в китайском обществе, комплименты, словесные или материальные, все формы неформального взаимодействия. В ведении дел обе эти культуры характеризуются сочетанием гибкости и жесткости и при этом основательности при обсуждении предмета переговоров: садясь за стол, как партнеры азиатской стороны, так и отечественной, стараются сразу перейти к основным концептуальным идеям. Тем не менее сам процесс в средне- или долгосрочной перспективе не следует форсировать: китайцы презирают американскую черту как можно быстрее перейти к подписанию контракта, потому самая верная тактика здесь — шаг за шагом.

При этом иерархичность в отношениях начальника и подчиненного присутствует у обеих культур, но выражается по-разному. В Китае это форма наставления, традиции, «предписания», активная форма организации, стремящаяся к ступенчатой структуре. В России же это, скорее, пассивная форма ступенчатой организации, где как раз проявляется амбивалентность русской культуры: несмотря на то, что русские не любят власть как явление, их пассивность и ожидание окончательного решения от вышестоящих, а также стремление к «статусности» и «привилегированности» в корпоративной среде невольно приводят к системе иерархии и подотчетности, которой они придерживаются. Большая дистанция власти — также общая черта обществ обеих сторон, что в той или иной мере сказывается на их гражданском самосознании и отношении к власти имущим слоям общества.

Таким образом, две эти страны являются сильными экономическими акторами на международной арене, обладают большим количеством сходных черт, основанных на азиатском менталитете, что является хорошим фундаментом для планомерной гармоничной кросс-культурной коммуникации. Нельзя не заметить, что последствия сближения с китайской стороной выражаются и внутри нашей страны: открытие новых направлений для обучения в вузах, связанных с востоко- и китаеведением; возрастающая популярность китайского языка как иностранного для обучения [Радченко]; появление на полках магазинов китайских новелл и другой подобной литературы; рост популярности китайских сериалов и видеоигр [Китайские сериалы...]; азиатской кухни. Другими словами, идет полноценный кросс-культурный менеджмент в полном смысле этого определения, взаимодействие двух деловых культур на самых разных уровнях.

Библиографический список

Зундэ, В.В., Барашкин, М.В., Мезенцева, Е.Е., Кураян, К.А. Анализ теоретических основ и практической реализации кросс-культурного бизнес-взаимодействия (на примере делового сотрудничества КНР и России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 61—73.

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной. 2-е изд. М.: Челябинск: Социум, 2020. 348 с.

Китайские сериалы завоевывают мир // Специальный проект RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/12/09/kitajskie-serialy-zavoeyvayut-mir.html> (дата обращения 11.10.2024).

Кузеванова А.Л. Проблема легитимизации бизнеса в культуре современной России // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 67—70.

Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. Т.А. Нестика. 2-е изд. М.: Дело, Акад. нар. хоз-ва при Правительства Российской Федерации, 2001. 446 с.

Радченко И.А. Учебный словарь терминов рекламы и публик рилейшенз / под ред. Е.Е. Топильской. Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007. 114 с.

Россияне стали активнее учить китайский язык на фоне развития отношений РФ и КНР // Специальный проект RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/09/20/rossiiane-stali-aktivnee-uchit-kitajskij-izyuk-na-fone-razvitiia-otnoshenij-rf-i-kr.html> (дата обращения 11.10.2024).

Синчук Ю.В. Особенности современной российской деловой культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 764. С. 86—92.

Скальная О.А. Специфика современной китайской деловой культуры через призму традиционной китайской философии (на основании типологии культурных измерений г. Хофстеде) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50. С. 121—129.

Чжан Юйцзе. Об особенностях выступлений китайских политических лидеров // Архонт. 2024. № 1(40). С. 122—126.

References

Sunde, V.V., Barashkin, M.V., Mezentseva, E.E., Kurayan, K.A. Analiz teoreticheskikh osnov i prakticheskoj realizacii krosskul'turnogo biznes-vzaimodejstviya (na primere delovogo sotrudnichestva KNR i Rossii) [Analysis of the theoretical foundations and practical implementation of cross-cultural business interaction (on the example of business cooperation between China and Russia)]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes], 2020, no. 3, pp. 61—73. (In Russ.).

Inglehart R. Kul'turnaja jevoljucija. Kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world], trans. from English by S. L. Lopatina, 2nd ed. Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2020. 348 p. (In Russ.).

Kitajskie serijaly zavoevyvajut mir [Chinese TV series conquer the world]. *Special'nyi proekt RG*. URL: <https://rg.ru/2022/12/09/kitajskie-serijaly-zavoevyvaiut-mir.html> (accessed: 11.10.2024). (In Russ.).

Kuzevanova A.L. Problema legitimizacii biznesa v kul'ture sovremennoj Rossii [The problem of legitimization of business in the culture of modern Russia]. *Bulletin of Tomsk State University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta], 2008, no. 315, pp. 67—70. (In Russ.).

Lewis R.D. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: ot stolknovenija k vzaimoponimaniu [Business cultures in international business: From collision to mutual understanding], trans. from English T.A. Nestika, 2nd ed. Moscow: Delo, Academy of Agricultural Sciences under the Government of the Russian Federation, 2001. 446 p. (In Russ.).

Radchenko I.A. Uchebnyj slovar' terminov reklamy i pablik rileyshenz [Educational dictionary of advertising and public relations terms], ed. by E.E. Topil'skaya. Voronezh: VF MGEI, 2007. 114 p. (In Russ.).

Rossijane stali aktivnee uchit' kitajskij jazyk na fone razvitija otnoshenij RF i KNR [Russians have become more active in learning Chinese against the background of the development of relations between Russia and China]. Special Project RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/09/20/rossiiane-stali-aktivnee-uchit-kitajskij-izyuk-na-fone-razvitiia-otnoshenij-rf-i-kr.html> (date of application 11.10.2024). (In Russ.).

Sinchuk Yu.V. Osobennosti sovremennoj rossijskoj delovoj kul'tury [Features of modern Russian business culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2016, no. 764, pp. 86—92. (In Russ.).

Skalnaya O.A. Specifika sovremennoj kitajskoj delovoj kul'tury cherez prizmu tradicionnoj kitajskoj filosofii (na osnovanii tipologii kul'turnyh izmerenij g. Hofstede) [The specifics of modern Chinese business culture through the prism of traditional Chinese philosophy (based on the typology of cultural dimensions by G. Hofstede)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2023, no. 50, pp. 121—129. (In Russ.).

Zhang Yujie. Ob osobennostyah vystupleniy kitajskih politicheskikh liderov [About the peculiarities of the speeches of Chinese political leaders]. *Archon*, 2024, no. 1(40), pp. 122—126. (In Russ.).

Поступила в редакцию: 04.11.2024
Принята к публикации: 26.03.2025

Received: Nov 4, 2024
Accepted: Mar 26, 2025

Фу Яньцзе (КНР)

Роль народной дипломатии в торгово-экономическом российско-китайском сотрудничестве (на примере зарубежных китайских деловых ассоциаций)

Аннотация. 2023 год стал важным для российско-китайских отношений в новую эпоху и в начале реализации итогов XX съезда КПК. Россия и Китай продолжают углублять добрососедскую дружбу и сотрудничество, укреплять стратегическое сотрудничество на высоком уровне и двигаться вперед по пути достижения национального богатства и силы, возрождения страны и народного счастья, что обеспечит лучшие условия и возможности для работы, учебы и жизни китайцев в России. В настоящее время, когда в мире происходят беспрецедентные изменения, важность создания прочного фундамента дружбы между странами еще более возрастает. Народная дипломатия все больше превращается в важный аспект стабилизации государственных отношений, распространения дружбы и развития практического сотрудничества, в том числе и в рамках торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Народная дипломатия, торгово-экономическое сотрудничество, российско-китайское сотрудничество.

Автор: Фу Яньцзе, сотрудник Института Цинхуа, КНР.
E-mail: lf515481@gmail.com

Для цитирования: Фу Яньцзе. Роль народной дипломатии в способствовании торгово-экономическому российско-китайскому сотрудничеству (на примере зарубежных китайских деловых ассоциаций) // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 61—73. DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.55.007.

Fu Yanjie (PRC)

The role of public diplomacy in trade and economic cooperation between Russia and China (using the example of foreign Chinese business associations)

Abstract. 2023 is an important year for Russian–Chinese relations in a new era and the beginning of the implementation of the results of the XX CPC Congress. Russia and China continue to deepen good-neighborly friendship and cooperation, strengthen high-level strategic cooperation, and move forward towards achieving national wealth and strength, national revival, and national happiness, which will provide better conditions and opportunities for foreign Chinese to work, study, and live in Russia. At present, when unprecedented changes are taking place in the world, the importance of creating a solid foundation of friendship between countries is even more increasing. People's diplomacy is increasingly becoming an important aspect of stabilizing State relations, spreading friendship and developing practical cooperation, including within the framework of trade and economic cooperation.

Keywords: Public's diplomacy, trade and economic cooperation, Russian–Chinese cooperation.

Author: *Fu Yanjie*, Employee of Tsinghua University, PRC.
E-mail: lf515481@gmail.com

For citation: Fu Yanjie. The role of public diplomacy in promoting trade and economic cooperation between Russia and China (using the example of foreign Chinese business associations). *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 61–73. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.56.55.007.

Генеральный секретарь КПК КНР Си Цзиньпин многократно подчеркивал, что «народная дипломатия — это фундаментальная работа по укреплению дружбы народов и развитию национальных отношений, а также важная часть общей дипломатии страны» [Саидов; Ян Вэньхуэй].

С тех пор как российско-китайское всеобъемлющее стратегическое партнерство вступило в новую эпоху, российско-китайские отношения сохраняют здоровый импульс развития [Совместное заявление...]. Зарубежные китайские и деловые ассоциации и другие объединения в России играют важную роль в развитии контактов между двумя странами: поддерживают связь с родственниками, защищают интересы своих общин, продвигают китайскую культуру, интегрируются в общество и укрепляют дружбу между двумя странами.

Исторические сведения о китайских гражданах, путешествующих по России

Согласно истории, в Древней Руси знали о существовании китайской нации задолго до первой встречи с ее представителями. Она состоялась в 1750-х гг., когда на Амуре произошло столкновение казаков Ерофея Хабарова с маньчжурскими войсками [Зуев]. Китайские переселенцы стали проживать в российском Приморье в конце XIX в., а с 1890 по 1900 г. население Приморского края значительно увеличилось, причем быстрее всего росла китайская диаспора, которая в абсолютном выражении увеличилась в шесть раз (доля в населении возросла с 6 до 14 %). В конце XIX — начале XX вв. китайские рабочие также были задействованы при строительстве Сибирской железной дороги (Великого Сибирского пути).

До 1917 г. в России проживала многочисленная китайская диаспора, которая сыграла важную роль в экономическом развитии Дальнего Востока. Там, как и в Сибири, когда-то проживало большое количество китайцев, которые были заняты на сезонных работах. В советский же период китайцы работали на золотых приисках Дальнего Востока. После подписания соглашения о безвизовом режиме между Китаем и Советским Союзом в 1988 г. китайская эмиграция из КНР в Россию достигла пика, причем большая ее часть проживала в Приморском и Хабаровском краях, в Амурской области [Ян Вэньхуэй].

После распада СССР Россия обрела полную независимость, получив статус суверенного государства, и в связи с ростом дефицита товаров привлекла большое внимание китайских бизнесменов, которых называли «международными торговцами». По первоначальным оценкам, насчитывались десятки тысяч ки-

тайских предпринимателей, занятых в оптовой и розничной торговле, производстве, общественном питании, строительстве, логистике и других отраслях. Основными центрами для китайских бизнесменов в России стали Москва, Санкт-Петербург, Владивосток и Екатеринбург. В московском регионе предприниматели из КНР в основном занимались оптовой торговлей легким текстилем, обувью и скобяными изделиями, которые впоследствии были запрещены [Анохина].

Согласно статистике Главной торговой палаты Китая в России, после закрытия Черкизовского рынка в 2009 г. из-за нелегальных торговых помещений, источников товаров, идентификации персонала и частых случаев различных трансграничных преступлений около 50 000 китайских бизнесменов в московском регионе в одночасье лишились торговых помещений. Было задержано товаров на сумму около 2 млрд долл. США, и частная торговля между Китаем и Россией в очередной раз столкнулась с трудностями. Министерство коммерции, посольство в России, Министерство иностранных дел и другие министерства и комиссии активно посредничали и поручили Главной торговой палате Китая в России взять на себя инициативу по надлежащему решению проблем, связанных с потерей деловых помещений и изъятием товаров на китайском рынке после его закрытия, чтобы избежать повторения радикальных явлений [Анохина].

При активной поддержке государственных министерств и комиссий Китайской группы Чэнтун президент Торговой палаты, учитывая ситуацию, выполнял миссию центрального предприятия и в 2009 г. инвестировал 350 млн долл. в форме приобретения акций в строительство Центра международной торговли «Гринвуд» в Москве. «Гринвуд» должен был стать платформой для стабильного экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией и решить проблему бизнеса китайских предпринимателей, способствуя укреплению экономики и торговли двух стран в области регионального сотрудничества, экономических и торговых инвестиций, молодежных инноваций и предпринимательства, обмена мнениями. На сегодняшний день в технопарке работает более 300 предприятий из 14 стран и регионов, в том числе более 170 китайских, которые создают 12 000 рабочих мест, ежегодно осуществляя торговлю на сумму около 10 млрд долл. Проект стал крупнейшим активом компании CHINA CHENGTONG в РФ.

Текущая ситуация с зарубежными китайцами и бизнес-ассоциациями в России

Согласно статистическим данным, число зарубежных китайцев в России, пострадавших от новой эпидемии COVID-19, оценивается в 300—500 тыс. человек [Ван На, Леонтьева, Леонтьева]. Благодаря десяткам влиятельных общероссийских ассоциаций и организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, которые являются важной опорой для китайской общины в России, число пострадавших зарубежных китайцев не слишком увеличивается, что свидетельствует о непрерывном развитии китайской общины в России.

Характеристика зарубежных китайцев в России на современном этапе

1. *Культурная идентичность.* Благодаря тому факту, что между Китаем и Россией существует много культурных сходств, зарубежным китайцам, проживающим в России, легче привыкнуть к особенностям российской культуры и менталитета. Кроме того, некоторые из них в течение многих лет учились, работали и жили в России, постепенно привыкая к жизни в этой стране [Куликова].

2. *Концентрация проживания.* Большинство зарубежных китайцев проживает в Москве, Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке. Однако именно Москва стала платформой для экономического и торгового сотрудничества и одним из ключевых мест, где собираются китайские бизнесмены, так как здесь проживает почти половина зарубежных китайцев. Создание и поддержка ими обширных связей способствуют сплоченности и взаимному сотрудничеству китайской общины за рубежом.

3. *Бизнес — главное занятие.* Зарубежные китайцы в основном занимаются бизнесом в России, работая в самых разных сферах, включая небольшие розничные магазины, рестораны, компании по торговле импортом и экспортом и т. д. Большинство из них являются индивидуальными предпринимателями или представителями малого и среднего бизнеса или зарегистрированы как юридические лица. Некоторые зарубежные китайцы владеют относительно крупными предприятиями в России или занимаются строительством, финансами и торговлей, а некоторые играют важную роль в сфере образования, культуры и СМИ.

4. *Общение.* Зарубежные китайцы в России обычно общаются на различных собраниях или религиозных мероприятиях, а также в социальных группах. Принадлежность к определенной социальной структуре и место рождения зачастую являются определяющими и способствуют установлению более тесных связей между китайскими гражданами.

5. *Особая роль в нынешнем российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве.* После начала российско-украинского конфликта многие западные страны поддержали санкции в отношении России, тем самым создавая дополнительные трудности и ограничения при ведении торгового, инвестиционного и другого бизнеса в России или с российскими партнерами. Однако Китай не поддержал введение санкций, позволив малым и средним китайским частным фирмам изучить возможности для замещения товаров, ушедших с российского рынка, наращивания темпов российско-китайской торговли. Китайские компании в некоторых нишевых секторах только выиграли от ухода ЕС и США с российского рынка.

Уникальная роль зарубежных китайцев в России в совершенствовании модели диверсифицированных и трехмерных зарубежных обменов

1. *Развитие культурных обменов.* В последние годы «заморские китайцы» в России стремились знакомить других с китайской культурой, укрепляли культурные связи между странами, организуя различные культурные мероприятия, такие как Академия Конфуция, Научно-исследовательский институт Конфуция,

китайские традиционные фестивали, дегустации традиционных блюд, культурные выставки, художественные и литературные представления.

2. *Укреплять связь с местными органами власти и общественностью.* Зарубежные китайцы в России активно участвуют в общественных делах, укрепляют взаимное доверие с местными органами власти и СМИ. В период COVID-19 они проявляли инициативу, чтобы понимать и пропагандировать политику и законы принимающей страны, защищать законные права и интересы китайцев в России и выступать против несправедливого обращения, что способствовало улучшению статуса китайцев в местном сообществе и перспектив развития бизнеса и торговли.

3. *Создать платформу для экономического и торгового сотрудничества.* В нынешней ситуации китайские бизнесмены уже много лет работают в России, понимают запросы российских потребителей, обладают богатым деловым опытом и ресурсами. Отталкиваясь от традиционного режима оптовой торговли на рынке, они могут установить хорошие деловые контакты с местными предприятиями и правительствами и расширить сферу сотрудничества за счет кооперации и инноваций, инвестиций и других средств. Используя свои контакты, опыт и ресурсы, иностранные бизнес-ассоциации укрепляют мосты сотрудничества между китайскими и иностранными предприятиями, создают платформы для экономического и торгового сотрудничества, организуя деловые переговоры, проводя рекламные выставки и способствуя совместным инвестициям. Китайские головные предприятия используют возможности развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, создают зарубежные склады в крупных городах России, и «товар приходит первым до оформления заказа», чтобы открыть «последний километр» для трансграничной логистики, чтобы трансграничная электронная коммерция лучше обслуживала местных потребителей и приносила потребителям лучший опыт покупок, гарантии возврата и послепродажного обслуживания. Возврат и послепродажная защита также могут создать лучший имидж для платформы электронной коммерции.

4. *Содействовать образовательным обменам.* Зарубежные китайцы в России активно откликнулись на национальную инициативу по строительству «Одного пояса и одного пути», содействуют академическим обменам между Китаем и зарубежными странами, предоставляют возможности для научно-технического сотрудничества и выращивания талантов. В последние годы, по мере роста уровня зарубежных китайских руководителей они проявляют инициативу по участию в обучении за рубежом, академических семинарах, сотрудничестве в области научных исследований и других способах содействия обменам между китайскими и иностранными учеными [Fokin, Bogolubova, Nikolaeva]. Благодаря активным зарубежным обменам и участию в важных дипломатических мероприятиях, экономической и торговой деятельности двух стран они способствуют обмену и сотрудничеству между двумя рынками и двумя видами ресурсов, укрепляют взаимопонимание и доверие, а также еще больше повышают влияние и роль китайской общины в России.

5. *Содействовать международному общению и играть роль «моста».* В последние годы, по мере того как «Я-медиа» набирает обороты, зарубежные китайцы пропагандируют достижения Китая в области развития в период политики ре-

форм и открытости при помощи создания аккаунтов в местных социальных сетях, организации общественных акций по пожертвованию материалов для предотвращения эпидемии коронавирусной инфекции. Рассказывают подробно об уровне жизни в Китае среди своих друзей за рубежом, делясь опытом счастливой повседневной жизни китайцев, предоставляя информацию по сотрудничеству с КНР. Данная программа направлена на укрепление взаимопонимания и дружбы между Россией и Китаем, способствуя взаимопониманию и дружбе между двумя народами, развивая обмены и сотрудничество в области культуры, образования, науки и техники, экономики и торговли.

В целом, зарубежные китайцы в России являются важным связующим звеном между Китаем и Россией и вносят позитивный вклад в обмен и сотрудничество между двумя странами в области экономики и торговли, культуры, науки и техники.

Новый раунд открытия Китая для внешнего мира на высоком уровне, стратегия «Выход на глобальный уровень», инициатива «Пояс и путь» и «Сообщество человеческих судеб» открывают широкие возможности для развития зарубежных китайцев в России

1. Инициатива «Один пояс, один путь» предоставляет значительные возможности для развития. Придерживаясь стратегии «выхода в свет» и активно реализуя инициативу «Пояс и путь», китайские предприятия и частные лица инвестировали и создавали предприятия в субъектах Российской Федерации, осуществляя локализованную деятельность в регионах. Согласно статистике ФНС России и СПАРК-Интерфакс, в настоящее время количество зарегистрированных китайских предприятий составляет около 4 000, в основном это малые и средние компании.

Россия как страна, охватывающая Евразийский континент, является активным участником инициативы «Пояс и путь», поэтому подписание соглашения и плана-графика состыковки «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза является приоритетным направлением для торгово-экономического сотрудничества. Китайское руководство, ориентируясь на многомерный подход и приоритетные направления, предлагает развивать пять основных областей сотрудничества («пять связей»). Подписание соглашений и проектов даст китайским бизнесменам и деловым объединениям в России направление сотрудничества и большие возможности для взаимодействия [Фокин].

2. Играя связующую роль и становясь движущей силой и «новой визитной карточкой» инициативы «Пояс и путь» в условиях нынешнего российско-украинского конфликта, китайские бизнесмены в России укрепляют связи с российскими правительственными и неправительственными организациями и предприятиями.

По мере продвижения инициативы «Пояс и путь» масштабное строительство инфраструктуры и реализация проектов будут в определенной степени влиять на распределение интересов, в том числе и социальной структуры принимающей страны.

Китайские бизнесмены в России могут осуществлять распространение информации через различные интернет-платформы. Например, основатель сайта *baozhi.ru* использует такие каналы прямого вещания, как *Jitterbug* и *Shutterbug*, для оказания онлайн-услуг и консультаций китайцам за рубежом и одновременно, распространяя информацию о возможностях экономического и торгового сотрудничества в Российской Федерации, в том числе и на внутреннем рынке.

Бизнес-ассоциации, поддерживая контакты с центральными и местными органами власти Китая, осуществляют гражданскую дипломатию в различных областях, тематиках и формах, способствуют развитию торгово-экономического сотрудничества и обменов между людьми, проводя различные форумы двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией, музыкальные концерты, художественные выставки, товарищеские матчи по хоккею, лиги го, турниры по кунг-фу, гонки на драконьих лодках и другие мероприятия, реализуя на инициативу «Пояс и путь». Таким образом, используя концепция бренда и преимущества китайских предприятий, они повышают узнаваемость китайских брендов, усиливают влияние Китая и завоевывают доверие и уважение широкой общественности.

Проблемы зарубежных китайцев в России на современном этапе

1. Незаконное «серое явление». Существует риск потенциальных нарушений миграционных законов, таких как несоответствие между приглашающей стороной и фактическим местом работы, а также несоответствие между фактическим местом жительства и визой по прибытию. Некоторые товары до сих пор проходят «серую» таможенную очистку, и все еще встречаются случаи, когда доходы получают наличными и переводят их в Китай через подпольные обменники. В современных условиях российско-китайской цифровой экономики, электронной коммерции, борьбы с трансграничной преступностью сотрудничество, обмен информацией становятся все более прозрачным, поэтому в России новые китайские бизнесмены, или второе поколение, уже начали проявлять инициативу по изменению сложившейся системы.

2. Экономическая среда. Экономическая среда в России имеет свои особенности для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, а особенности трудовой деятельности и нестабильность рынка и политики несут определенные риски. После российско-украинского конфликта Россия укрепила экономическое и торговое сотрудничество с Китаем, однако в сфере трансграничных расчетов и международной логистики все еще существуют препятствия.

Статус и проблемы иностранных деловых ассоциаций и других организаций в России

Основными китайскими деловыми ассоциациями и организациями в России, зарегистрированными в консульском отделе Посольства в РФ и имеющими определенное влияние в регионе, являются: Российская китайская генеральная торговая палата, Российская ассоциация содействия мирному воссоединению

Китай, Российские ассоциации зарубежных китайцев, Российская федерация зарубежной китайской молодежи, Московская ассоциация культуры Конфуция, Союз китайских добровольцев России. Основные региональные отделения: Дальневосточная китайская торгово-промышленная палата, Российская ассоциация зарубежных китайцев Санкт-Петербурга, Китайская ассоциация Республики Татарстан, Северо-Китайская торговая палата в Москве, Хэйлунцзянская торгово-экономическая и инвестиционная палата по сотрудничеству с Россией, Центральная китайская торговая палата, Миннаньская торговая палата, Хэбэйская торговая палата, Хубэйская торговая палата, Федерация зарубежных китайцев провинции Цзилинь в России и т. д.

Иностранные бизнес-ассоциации и другие общественные организации играют важную роль в защите законных прав и интересов китайских предприятий, содействуют участию в международных обменах и облегчают китайско-иностранное сотрудничество. Конкретные результаты деятельности следующие.

1. Предоставление информации и услуг китайским предприятиям. Иностранные бизнес-ассоциации и другие организации могут помочь китайским предприятиям лучше понять местный рынок, экономику, правила и другую информацию, а также предоставить ряд услуг, таких как деловые приемы, форумы и встречи, деловые переговоры, онлайн-выставки и т. д., чтобы способствовать дальнейшему развитию их бизнеса.

2. Содействие обмену и сотрудничеству с иностранными предприятиями и учреждениями. Организуя экономические и торговые ярмарки, мероприятия по продвижению инвестиций в Китае и России, иностранные бизнес-ассоциации и другие объединения и организации активно содействуют сотрудничеству и обменам между китайскими и иностранными предприятиями, устанавливают деловые контакты и способствуют выходу предприятий Большого Китая на международный рынок.

3. Поддержка и укрепление имиджа китайских предприятий. От их имени на международной арене иностранные бизнес-ассоциации и другие общественные организации активно осуществляют обмены и сотрудничество по многим аспектам, таким как экономика, торговля, культура, охрана окружающей среды и т. д., с различными учреждениями, делегациями, международными организациями, а также торговыми палатами и группами в дружественных странах-резидентах, чтобы способствовать более активной роли китайских предприятий на международном рынке.

4. Решение проблем для китайских предприятий. Зарубежные бизнес-ассоциации и другие общественные организации выступают в качестве мостов и связей в зарубежной экономической и торговой деятельности. Они помогают решать проблемы китайских предприятий в сфере зарубежных инвестиций, экономической и торговой деятельности и т. д., способствуя плавному развитию предприятий и сообществ.

5. Содействие участию китайских общин, которые, например, помогают приехавшим за границу китайцам в местном экономическом и социальном развитии. Ассоциации зарубежных предпринимателей и другие общественные организации способствуют обмену и сотрудничеству между зарубежными китайцами

и местными общинами, а также защищают законные права и интересы китайских предпринимателей и предприятий в местных общинах.

В целом, такие структуры, как иностранные бизнес-ассоциации, играют положительную роль, не только предоставляя услуги и помощь китайским предприятиям в их деятельности и развитии, способствуя международному сотрудничеству и обмену, но и содействуя развитию китайской общины, тем самым внося вклад в процветание экономики и общества.

В то же время в ассоциациях и организациях за пределами Китая существуют следующие проблемы.

1. Недостаток профессионализма и нехватка средств и ресурсов. Из-за этого развитие китайских ассоциаций в России сталкивается со многими трудностями, в том числе и с дефицитом персонала.

2. Противостояние и конкуренция между китайскими организациями. Многие китайские организации находятся в состоянии конфликта и конкуренции друг с другом из-за различий в их стратегиях, ведущих к достижению целей. Иногда такие противостояния могут привести к взаимному недоверию между китайцами.

3. Недостаточное понимание местных обычаев и слабая интеграция в местную культуру. Китайским ассоциациям в России как представителям этнического меньшинства не хватает определенной гибкости и маневренности в общении, понимания законов и обычаев. Также они могут столкнуться с различными проблемами при контактах с властями.

5. Правовая и политическая среда. Варьируясь от страны к стране, она может оказывать влияние на работу иностранных бизнес-ассоциаций. Последние должны хорошо понимать местные законы и политику и соблюдать правила принимающей среды.

6. Безопасность и управление рисками. Бизнес-ассоциации должны быть в курсе местных рисков в сфере безопасности и политики и принимать соответствующие меры по их предотвращению. В связи с обострением ситуации на Украине необходимо также задуматься о том, как правильно прогнозировать риски и обеспечивать безопасность персонала и имущества за рубежом.

7. Зеленое и устойчивое развитие. Низкая осведомленность некоторых предприятий об охране окружающей среды и социальной ответственности подрывает общий имидж китайских компаний. Улучшая собственное зеленое и устойчивое развитие, бизнес-ассоциации должны активно ориентировать входящие в них предприятия и китайских бизнесменов на то, чтобы они проявляли инициативу по применению требований ESG в своих инвестиционных проектах в России и реализовывали зеленое и устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Анализ причин проблем китайского сообщества в России

Причины вышеуказанных проблем зарубежных китайцев и их ассоциаций в России по сравнению с другими странами анализируются следующим образом.

1. Культурные различия и отсутствие адаптации. После распада Советского Союза первые зарубежные китайцы в России появились в качестве «демперов».

Ограниченные знания о России, непонимание русской культуры и языка и незнание правовой системы привели к недостаточной адаптации китайских граждан, живущих и работающих в РФ, что привело к таким проблемам, как культурные столкновения, неприспособленность к традициям и привычкам или неспособность адаптироваться к изменениям в обществе.

2. Китайская диаспора в России еще не интегрирована в реальную политическую систему. Лишь немногие российские китайцы интегрировались в российские политические и экономические круги. На российской политической арене почти нет высокопоставленных чиновников китайского происхождения, а в российском экономическом секторе нет крупных китайских бизнесменов (влиятельные предприятия в основном государственные).

3. Статус, права и интересы зарубежных китайцев в России сложно обеспечить гарантиями. Российские зарубежные китайцы имеют определенные ограничения в социальном статусе, некоторые их права и интересы, а также поддержка родных семей не могут быть полностью гарантированы или поддержаны. Часть российской китайской диаспоры не обладает профессиональными навыками, которые можно было бы активно использовать, ощущается нехватка талантов высокого уровня в области науки, техники и технологий, что также может привести к проблемам низкого заработка и слабого социального вклада. В некоторых случаях из-за сложности ситуации проблемы не могут быть эффективно решены.

4. Недостаточные социальные связи и доверие. В отличие от других стран, в России нет «китайского квартала». Отсутствие эффективной коммуникации и доверия между китайскими гражданами в России, их взаимодействие с местными жителями и организациями, решающими проблемы, связанные с Китаем, может негативно сказаться на жизни и работе китайских граждан в России.

5. Недостаточно активная общественная деятельность. Работа ассоциаций в основном носит формальный характер, они мало решают практические проблемы, обладают небольшим потенциалом и ограниченной сплоченностью. Неправительственные ассоциации не очень хорошо развиты, а с точки зрения зарубежного сотрудничества они ограничены в кадрах, средствах и ресурсах и пока не способны «танцевать с длинными рукавами». Им не хватает глобального видения и умения вести кризисные связи, и между ними и ассоциациями других стран в России все еще существует большой разрыв.

Это основные проблемы зарубежных китайцев и бизнес-ассоциаций в России. Чтобы их решить, необходимо активно изучать и знакомиться с местной культурой, совершенствовать языковые навыки и максимально адаптироваться к новым реалиям. В то же время китайцы в РФ должны продолжать развивать свою социальную сеть, повышать сплоченность, укреплять взаимные доверительные отношения в контактах с местными жителями и сообществами, но в то же время выступать за развитие своих особенностей и национальных культур с упором на свои особенности, чтобы обеспечить более широкие идеи и пути для развития своих групп.

Политические рекомендации

1. Усилить разработку и исследование на высшем уровне политики в отношении зарубежных китайцев в России. Ван Хуэйяо, основатель и председатель Think Tank on Globalisation, заявил, что преимущества зарубежных китайцев заключаются в капитале, технологиях, талантах, культуре и т. д. В нынешнюю эпоху глобализации Китая может понадобиться привлекать инвестиции и таланты, и значение китайской диаспоры в данном вопросе очень велико. Она также будет играть ключевую роль в развитии китайской экономики. Необходимо укреплять контакты и связи с китайскими ассоциациями и зарубежными китайскими бизнесменами; постоянно поддерживать национальное самосознание китайской нации как единой семьи, повышать чувство чести и гордости зарубежных китайцев; в полной мере использовать их преимущества в России как людей, знакомых с двумя видами рынка и ресурсов и способных в дальнейшем играть роль моста между зарубежными китайцами в России.

2. Быть хорошим китайским бизнесменом в России, чтобы преуспеть в российско-китайском экономическом и торговом сотрудничестве. На фоне обострения конфликта между Россией и Украиной центральные государственные предприятия и руководители частных предприятий с осторожностью относятся к сотрудничеству с Россией, российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество стоит на пути модернизации и обновления, поэтому китайские бизнесмены, знакомые с местной ситуацией в России и обладающие промышленной базой, могут сыграть важную роль в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве в новый период.

В то же время они смогут заполнить пробел на российском рынке после ухода европейских и американских предприятий, повысить авторитет и репутацию китайских компаний в российских деловых кругах, а также постоянно укреплять свое влияние в принимающей стране.

3. Усиление обучения и поддержки работы иностранных бизнес-ассоциаций и обществ. Рекомендуется, чтобы соответствующие национальные ведомства использовали опыт деловых ассоциаций других стран в проведении своей работы и совместно прилагали усилия по обучению и поддержке иностранных деловых ассоциаций, укреплению их имиджа, защиты их прав и интересов, в различных отраслях, чтобы избежать порочной конкуренции. Поощрять зарубежные китайские общественные организации и бизнес-ассоциации брать на себя инициативу по реализации социальной ответственности, интегрироваться в местное общество, публиковать отчеты о местной бизнес-среде, о социальной ответственности и другие документы, а также оказывать влияние на формирование политики стран, в которых они находятся.

4. Поддержка и продвижение роли зарубежных китайцев в России в качестве послов гражданской дипломатии, а также знакомство мировой общественности с историей Китая.

Необходимо улучшить международное повествование о восходящем Китае и укрепить его международный коммуникационный потенциал. В этом отношении китайская диаспора обладает уникальным преимуществом благодаря своей

связи со страной проживания. Рекомендуется поддерживать и поощрять китайцев в России, чтобы они играли роль посланников гражданской дипломатии и больше рассказывали историю Китая и о самой стране в целом. Следует поощрять работу со СМИ, а также содействовать тому, чтобы больше частных учреждений совместно издавали книги, газеты и журналы, а также выпускали новостные программы, с целью постоянно повышать силу многоязычного дискурса за пределами Китая.

5. Поощрение китайцев в России к дальнейшему расширению их возможностей для транснациональных контактов. Производственная и коммерческая деятельность зарубежных китайцев и практика гражданской дипломатии способствуют осознанию экологичности и устойчивости развития, социальной ответственности и передаче концепции развития «взаимная выгода, беспроигрышная ситуация, экологичность и устойчивость» посредством практических действий. Генеральный секретарь Си однажды отметил, что огромное количество зарубежных китайцев с их горячим патриотизмом, мощной экономической силой, богатыми интеллектуальными ресурсами и обширными деловыми контактами являются важной силой в реализации китайской мечты [Ян Вэньхуэй].

Зарубежные китайские и иностранные бизнес-ассоциации в России будут продолжать активно налаживать обмены и сотрудничество в различных областях между странами проживания и Китаем, лучше интегрироваться в общество и вносить вклад в укрепление торгово-экономических взаимоотношений, а также в осуществление китайской мечты о великом омоложении китайской нации.

Библиографический список

Анохина Е. С. Деловая китайская миграция и место России в ее структуре // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 25—27.

Ван На, Леонтьева Э.О., Леонтьева П.Ю. Влияние пандемии COVID на социально-экономическое положение китайских мигрантов в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1 (64). С.114—126.

Зуев А. С. Первые китайцы в Русском государстве (середина XVII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 10. С. 57—62.

Куликова Г.В. 70 лет российско-китайских дипломатических отношений и народная дипломатия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 39—68.

Саидов С. Ш. «Народная дипломатия» как социально-политическое явление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-1. С. 179—180.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 4 июля 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 01.03.2025).

Фокин В.И. Особенности реализации публичной дипломатии России на евразийском пространстве // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 4(20). С. 86—96.

Ян Вэньхуэй. К вопросу об особенностях сотрудничества обществ дружбы России и Китая в постсоветский период // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 256—263. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-6-256-263.

Fokin V.I., Bogolubova N.M., Nikolaeva J.V. Humanitarian Cooperation Within the Framework of the “One Belt, One Road” PRC Initiative // New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development” (NSRBCPED 2019) / Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Atlantis Press, 2020. P. 74–79.

References

Anohina E.S. Delovaya kitaiskaya migraciya i mesto Rossii v ee structure [Business Chinese migration and Russia's place in its structure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2012, no. 358, pp. 25–27. (In Russ.).

Van Na, Leonteva E.O., Leonteva P.Yu. Vliyanie pandemii COVID na socialno_ekonomicheskoe polozhenie kitaiskikh migrantov v Rossii [The impact of the COVID pandemic on the socio-economic situation of Chinese migrants in Russia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Regional studies], 2023, no. 1(64), pp. 114–126. (In Russ.).

Zuev A.S. Pervie kitaici v Russkom gosudarstve _seredina XVII veka [The first Chinese in the Russian state (the middle of the 17th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology], 2012, no. 11(10), pp. 57–62. (In Russ.).

Kulikova G.V. 70 let rossiisko_kitaiskikh diplomaticheskikh otnoshenii i narodnaya diplomatiya [70 years of Russian-Chinese diplomatic relations and public diplomacy]. *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike. Istoriya i sovremennost* [China in world and regional politics. History and modernity], 2019, no. 24, pp. 39–68. (In Russ.).

Saidov S.Sh. “Narodnaya diplomatiya” kak socialno_politicheskoe yavlenie [“People's diplomacy” as a socio-political phenomenon]. *Mejdunarodnii jurnal gumanitarnih i estestvennih nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2020, no. 11, pp. 179–180. (In Russ.).

Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federacii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o dalneishem uglublenii otnoshenii vseobemyuschego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya 4 iyulya 2017 goda [Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on further deepening Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation on July 4, 2017]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (accessed: 01.03.2025). (In Russ.).

Fokin V.I. Osobennosti realizacii publichnoi diplomatii Rossii na evraziiskom prostranstve [Features of the implementation of Russian public diplomacy in the Eurasian space]. *Nacionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie* [National security and strategic planning], 2017, no. 4(20), pp. 86–96. (In Russ.).

Yang Wenhui. K voprosu ob osobennostyakh sotrudnichestva obschestv druzhbi Rossii i Kitaya v postsovetskii period [On the issue of the specifics of cooperation between the Friendship Societies of Russia and China in the post-Soviet period]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 2023, no. 6, pp. 256–263. (In Russ.). DOI:10.24412/2308-264X-2023-6-256-263

Fokin V.I., Bogolubova N.M., Nikolaeva J.V. Humanitarian Cooperation Within the Framework of the “One Belt, One Road” PRC Initiative. New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development” (NSRBCPED 2019). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Atlantis Press, 2020, pp. 74–79.

Поступила в редакцию: 12.03.2025
Принята к публикации: 29.03.2025

Received: Mar 12, 2025
Accepted: Mar 29, 2025

Ж.Н. Сейткеміл, А. Ысқақнаби

Понимание китайских идиом: ключ к изучению языка

Аннотация. В данной статье рассматривается важность изучения китайских идиом (成语, чэньюй) в процессе овладения китайским языком. Чэньюй, часто состоящие из четырех символов идиоматические выражения, основанные на мифах и исторических событиях, не только раскрывают лексическое богатство китайского языка, но и дают возможность глубоко понять китайскую культуру и философию. Такие идиомы, как «лягушка в колодце», служат метафорами, отражающими ограниченные перспективы, помогая учащимся развивать как лингвистические, так и когнитивные способности. Эффективные методы изучения чэньюй включают в себя рассказывание историй, создание комиксов, каллиграфию и упражнения в форме игр. В статье рассматриваются способы обогащения преподавания китайского языка через освоение идиом.

Ключевые слова: Китайский язык, чэньюй, идиомы, изучение языка, китайская культура, лексическое богатство, китайская философия, когнитивные способности, каллиграфия, исторические мифы.

Авторы: Сейткеміл Жанел Нұржанқызы, студент, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.
E-mail: seytkemil@mail.ru

Ысқақнаби Адал, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, факультет иностранных языков, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Для цитирования: Сейткеміл Ж.Н., Ысқақнаби А. Понимание китайских идиом: ключ к изучению языка // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 74—79. DOI: 10.48647/ICCA.2025.63.47.008.

Z.N. Seitkemil, A. Ysqaqnabi

Understanding Chinese idioms: the key to language learning

Abstract. This article discusses the importance of learning Chinese idioms (成语, *chengyu*) in the process of Chinese language acquisition. *Chengyu*, often four-character idioms based on myths and historical events, not only reveal the lexical richness of the Chinese language, but also provide a deep understanding of Chinese culture and philosophy. Idi-

oms such as “frog in the well” serve as metaphors reflecting limited perspectives, helping learners to develop both linguistic and cognitive abilities. Effective methods for learning *chengyu* include storytelling, comic book creation, calligraphy, and game-like exercises. This article discusses ways to enrich Chinese language teaching through the acquisition of idioms.

Keywords: Chinese language, *Chengyu*, idioms, language learning, Chinese culture, lexical richness, Chinese philosophy, cognitive abilities, calligraphy, historical myths.

Authors: *Seitkemil Zhanel N.*, Student, E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: seytkemil@mail.ru

Ysqaqnabi Adal, Senior Lecturer, Department of Foreign Philology, Faculty of Foreign Languages, E. A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan.

For citation: Seitkemil Z.N., Ysqaqnabi A. Understanding Chinese idioms: the key to language learning. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 74—79. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.63.47.008.

Изучение китайского языка — сложный и трудоемкий процесс, но его уникальность и богатство делают его увлекательным и особенным. Китайские идиомы, особенно *чэньюй* (成语), играют важнейшую роль в том, чтобы помочь учащимся понять глубину языка. *Чэньюй* — это, как правило, коротк 23ие четырехсимвольные выражения, часто связанные с мифами, историческими событиями или философскими концепциями. Эти идиомы обогащаются не только словами, но и культурными кодами.

Например, идиома 井底之蛙 (лягушка в колодце) обозначает ограниченное мировоззрение или человека, который видит мир только с узкой точки зрения. Владение такими идиомами позволяет учащимся не только расширить свой словарный запас, но и получить представление о мировоззрении и культурных ценностях китайского народа.

Существуют различные методы изучения *чэньюй*, такие как рассказывание историй, создание комиксов, занятия каллиграфией и использование игр для упражнений. Эти методы помогают учащимся понять идиоматическое богатство китайского языка и научить их использовать идиомы в повседневной речи. Рассказывая истории или пересказывая события из жизни персонажей, смысл *чэньюй* раскрывается глубже, а каллиграфия и игры помогают их запомнить.

Осваивая идиомы, изучающие язык не только постигают структуру и лексику китайского языка, но и глубже понимают его культуру и философию. Этот процесс позволяет учащимся по-настоящему понять китайский язык и свободно на нем говорить.

Китайские идиомы, или *чэньюй* (成语), играют важную и уникальную роль для изучающих язык. Они не только помогают расширить словарный запас, но и позволяют глубже понять структуру и культуру языка. Изучение идиом — эффективный и увлекательный способ совершенствования языковых навыков, поскольку они улучшают как разговорную речь, так и способность к пониманию.

Понимание культуры через изучение языка

Чэньюй часто отражают философские взгляды, историю и традиции китайского народа. Используя идиомы, учащиеся могут глубже понять основы китайской культуры. Например, идиома 对牛弹琴 (играть музыку для коровы) означает делать что-то непонятное для получателя, что отражает акцент китайской культуры на гармонии и мудрости.

Развитие языковых навыков

Изучение *чэньюй* помогает учащимся лучше понять грамматические структуры китайского языка. Идиомы обычно лаконичны и точны, но их значение и контекст употребления очень важны. В результате они помогают улучшить навыки говорения, аудирования, чтения и письма. *Чэньюй* часто требуют, чтобы учащиеся понимали их значения в контексте, что развивает их языковую интуицию.

Совершенствование навыков говорения

Идиомы делают речь более естественной и беглой. Их знание позволяет учащимся четко и эффективно выражать свои мысли. Например, идиома 画龙点睛 (нарисовать дракона и поставить точку на его глазах) означает «подчеркнуть ключевой момент», ее использование в разговоре улучшает понимание китайской культуры, а также использование разговорного стиля и навыки говорения учащихся в целом.

Расширение лексического диапазона

Чэньюй часто несут в себе традиционные или метафорические значения, демонстрируя глубину и богатство китайского языка. Осваивая эти идиомы, учащиеся расширяют свой лексический диапазон и развивают навык более умелого использования слов. Кроме того, идиомы обычно короткие и легко запоминаются, что облегчает учащимся беглую речь на китайском языке.

Понимание социальных отношений в китайском языке

Чэньюй также отражают социальный контекст. Взаимоотношения, иерархия, правила и традиции китайского общества передаются с помощью идиом. Например, идиома 箭双雕 (убить двух зайцев одним выстрелом) символизирует эффективность и достижение двух целей одним действием, отражая прагматизм китайского общества, что позволяет глубже понять социальные коды китайского общества.

Китайские идиомы, или *чэньюй* (成语), играют уникальную и важную роль для учащихся. Эти идиомы не только расширяют словарный запас, но и помогают учащимся глубже понять структуру и культуру языка. Изучение идиом может обогатить процесс изучения языка при правильном подходе.

Обучение через рассказы и мифы

Чэньюй часто берут свое начало в истории и мифах. Одним из эффективных методов изучения идиом является использование рассказов и легенд. Истории и мифы помогают учащимся понять значение идиом и контекст, в котором они используются. Изучая историю или легенды, лежащие в основе каждой идиомы,

учащиеся получают представление о культуре. Этот метод, кроме того, облегчает учащимся запоминание и использование идиом.

Создание комиксов и иллюстраций

Эффективным способом является визуальное представление значения идиом. Использование комиксов и иллюстраций при их изучении помогает учащимся понять их значение в веселой и легкой форме. Например, иллюстрирование идиомы 画蛇添足 (добавлять ноги змее) позволяет осознать ее суть — делать что-то ненужное или лишнее. Этот подход помогает учащимся быстро освоить идиомы благодаря визуализации и творческому мышлению.

Упражнения по каллиграфии и письму

Китайская каллиграфия — важная часть культуры Китая, а система письма сложна и богата смыслами. Изучение идиом с помощью каллиграфии помогает учащимся понять как их визуальные, так и концептуальные аспекты. Каждая идеограмма имеет историческое и культурное значение, поэтому научиться писать их — значит не только овладеть языком, но и познакомиться с культурой. Упражнения по каллиграфии и письму помогают учащимся надолго запомнить идиомы и научиться правильно их использовать.

Обучение через игры

Игры и упражнения делают процесс изучения китайских идиом веселым и интерактивным. Например, карточные игры на определение значения идиом или групповые задания на использование идиом помогают учащимся проверить свои знания и улучшить языковые навыки. Эти методы учат студентов правильно и свободно использовать идиомы в разговоре.

Изучение межкультурных связей

Межкультурные знания очень важны при освоении идиом. Учащимся необходимо изучать межкультурные связи, чтобы понять китайскую философию и социальную структуру китайского общества. Некоторые китайские идиомы основаны на образах исторических фигур, событий или на философских концепциях. Изучение их истории и культурных аспектов помогает учащимся правильно использовать идиомы и понимать их в культурном контексте.

Обучение через повторение и использование

Хотя *чэньюй* обычно коротки и лаконичны, их понимание и правильное использование требует времени и опыта. Повторение имеет решающее значение в процессе обучения. Используя идиомы в повседневной речи, письме и воспринимая их на слух, учащиеся постепенно усваивают их значения и могут естественно использовать их в разговоре. Повторение гарантирует, что идиомы станут неотъемлемой частью языковых навыков учащегося.

Китайские идиомы, или *чэньюй* (成语), могут представлять особую трудность для изучающих язык. Эти идиомы, несмотря на краткость и лаконичность, имеют сложные значения и употребляются в зависимости от культурного контекста. В процессе изучения китайских идиом учащиеся сталкиваются с рядом проблем.

1. Правильное понимание значения идиом

Чэньюй часто имеют метафорическое значение, поэтому их нельзя переводить буквально. У каждой идиомы есть своя история или легенда, а ее значение зависит от контекста. Например, идиома 对牛弹琴 (играть музыку для коровы) буквально переводится как «играть музыку для коровы», но на самом деле ее значение — «объяснять что-то тому, кто не может этого понять». Учащиеся могут неправильно усвоить значение идиомы, если они не понимают ее культурный и исторический контекст.

2. Культурные различия

Китайские идиомы тесно связаны с культурой Китая, его историей и философией. Каждая *чэньюй* отражает понятия и образ жизни китайского народа. Чтобы полностью понять идиомы, учащимся необходимо изучить китайскую культуру и историю. Например, идиома 画龙点睛 (нарисовать дракона и дорисовать ему глаза) занимает важное место в китайском искусстве и культуре, но ее значение нелегко понять на другом языке. Культурные различия могут помешать правильному использованию идиом.

3. Контекстуальное использование идиом

Чтобы правильно использовать *чэньюй*, учащиеся должны понимать контекст, в котором они применяются. В разных контекстах идиома может иметь различные значения. Например, идиома 箭双雕 (убить двух зайцев одним выстрелом) обычно означает достижение двух целей одним действием, но она также может трактоваться как эффективное решение. Чтобы правильно использовать идиомы в повседневном языке, учащиеся должны понимать их разнообразные значения в различных контекстах.

4. Запоминание идиом

Хотя *чэньюй* коротки, их значения глубоки и часто метафоричны, что делает их сложными для запоминания. Особенно сложной задачей это может оказаться для новичков. Некоторые идиомы очень похожи друг на друга, что затрудняет их различение.

5. Грамматическая структура и особенности

Грамматическая структура китайских идиом может отличаться от структуры других языков. Китайская грамматика имеет свои особенности, и ее понимание имеет решающее значение для правильного использования идиом. Некоторые из них требуют соблюдения особых грамматических правил, и их неправильное использование может повлиять на стиль говорящего.

6. Трудности применения идиом в разговорной речи

Поскольку *чэньюй* часто используются в официальной или литературной речи, их применение в повседневном разговоре может быть затруднительным. Ежедневное общение на китайском языке, как правило, простое и прямолинейное, тогда как идиомы чаще носят литературный или философский характер. Чтобы правильно использовать идиомы, учащийся должен уметь подбирать соответствующий стиль речи и понимать их уместность в различных контекстах.

Языковое разнообразие

Китайский язык имеет множество диалектов и языковых вариаций, поэтому значение идиом может различаться при переходе из одного региона в другой или из одного диалекта в другой. Это может вызывать трудности у изучающих язык, так как одна и та же идиома в разных местах может иметь различное значение.

Заключение

Овладение китайскими идиомами (*чэньюй*) является частью изучения языка, позволяющей глубже понять как его структуру, так и культурный контекст. Хотя идиомы могут представлять трудности с точки зрения их значения, использования и запоминания, они также дают ценное представление о китайской философии, истории и обществе. Интегрируя в методы обучения рассказы, визуальные образы, каллиграфию и игры, можно помочь студентам более эффективно постигать значения и контекст *чэньюй*, повышая уровень владения языком и расширяя свои культурные знания.

Библиографический список

Байсалова А. Қытай тіліндегі идиомалардың мәдени және тілдік ролі. Шымкент: Шымкентский университет, 2021. (Қазақ).

Досжанова Ә. Қытай тілін үйренуде идиомаларды қолдану әдістері. Астана: Издательство Л.Н. Гумилева ЕНУ, 2020. (Қазақ).

Жұмағалиұлы Қ. Қытай тіліндегі идиомалар мен олардың мағыналық ерекшеліктері. Алматы: Казахский университет, 2018. (Қазақ).

Қараев Н. Қытай тілінің грамматикасы мен идиоматикасы. Алматы: Издательство «Гылым», 2017. (Қазақ).

Сұлтанова М. Қытай тілін үйренуде мәдениетаралық аспектілер. Алматы: Казахский университет, 2019. (Қазақ).

References

Baysalova A. The Cultural and Linguistic Role of Chinese Idioms. Shymkent: Shymkent University, 2021. (In Kazakh).

Doshanova A. Methods of Using Idioms in Learning Chinese. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publishing House, 2020. (In Kazakh).

Jumagaliev K. Idioms in the Chinese Language and Their Semantic Features. Almaty: Kazakh University, 2018. (In Kazakh).

Karaev N. Grammar and Idiomatic Expressions in the Chinese Language. Almaty: “Gylym” Publishing House, 2017. (In Kazakh).

Sultanova M. Intercultural Aspects of Learning Chinese. Almaty: Kazakh University, 2019. (In Kazakh).

А.В. Бредихин, Х. М. Ш. Юсупова

Успешные женщины в Исламских странах и их вклад в развитие общества на примере Катара и Объединенных Арабских Эмиратов

Аннотация. За последние десятилетия государства Персидского залива, в частности Катар и ОАЭ, претерпели глубокие общественные трансформации, существенно расширившие участие женщин в жизни социума. Благодаря этим переменам женщины активно включились в предпринимательство, политику, науку и культуру, внося ощутимый вклад в прогресс своих стран. Их достижения не просто корректируют общественное мнение о гендерных ролях в регионе, но и влияют на формирование мирового взгляда на женщин в мусульманских странах. В настоящее время женщины в исламском мире все чаще занимают ключевые позиции в образовании, научных разработках, правительственных структурах и международных организациях, а также участвуют в экономической деятельности, учреждая собственные компании и занимая руководящие посты в крупных корпорациях. Достижения женщин в Катаре и ОАЭ не только вносят вклад в развитие их стран, но и служат важным примером для мировых усилий по достижению гендерного равенства. Данные успехи показывают, что сочетание устоявшихся ценностей и современных подходов может стать фундаментом для формирования более справедливого и открытого общества.

Ключевые слова: успешные женщины, исламские страны, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, роль женщин, достижения.

Авторы: *Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник* Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0001-8793-0651. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Юсупова Хамиз Мелани Шамилевна, студент социологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: Yusupova.Melanie@mail.ru

Для цитирования: Бредихин А.В., Юсупова Х.М.Ш. Успешные женщины в исламских странах и их вклад в развитие общества на примере Катара и Объединенных Арабских Эмиратов // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 80—88. DOI: 10.48647/ICCA.2025.74.28.009.

A.V. Bredikhin, H.M. Sh. Yusupova

Successful women in Islamic countries and their contribution to society development (case study of Qatar and the United Arab Emirates)

Abstract. Over the past decades, the Gulf States, in particular Qatar and the UAE, have undergone profound social transformations that have significantly expanded women's participation in society. Thanks to these changes, women have become actively involved in entrepreneurship, politics, science and culture, making a tangible contribution

to the progress of their countries. Their achievements not only correct public opinion about gender roles in the region, but also influence the formation of the world's view of women in Muslim countries. Currently, women in the Islamic world increasingly occupy key positions in education, scientific research, government structures and international organizations, and participate in economic activity, establishing their own companies and holding leadership positions in large corporations. The achievements of women in Qatar and the UAE not only contribute to the development of their countries, but also serve as an important example for global efforts to achieve gender equality. These successes show that the combination of established values and modern approaches can become the foundation for the formation of a more just and open society.

Keywords: successful women, Islamic countries, Qatar, United Arab Emirates, role of women, achievements.

Authors: *Bredikhin Anton V., PhD (History), Leading Researcher*, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Yusupova Hamiz Melanie Sh., student of the sociology department, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Yusupova.Melanie@mail.ru

For citation: Bredikhin A.V., Yusupova H.M.Sh. Successful women in Islamic countries and their contribution to the development of society (case study of Qatar and the United Arab Emirates). *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 80–88. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.74.28.009.

Социальные и культурные изменения в Катаре и ОАЭ

Социальная динамика представляет собой ключевой элемент развития человеческого общества, отражающий непрерывные процессы трансформации. Хотя регион Персидского залива традиционно воспринимается как консервативный, что обусловлено устойчивыми племенными обычаями и культурными традициями, в его социально-культурной структуре наблюдается постепенное сближение исторического наследия и современных тенденций. Так, первые два десятилетия XXI в. стали периодом интенсивных социальных изменений в арабских государствах Залива, затронувших такие сферы, как образование, экономика, урбанизация и демография.

С начала 2000-х гг. образовательные системы региона претерпели значительные изменения, направленные на расширение доступности и повышение качества обучения. Особое внимание уделяется вовлечению женщин, что стало одним из ключевых аспектов этой трансформации. Несмотря на изначально консервативное отношение к женскому образованию, число студенток в высших учебных заведениях неуклонно растет, а в некоторых областях даже превышает количество студентов-мужчин. Современные тенденции свидетельствуют о том, что повышение уровня образования и занятости женщин способствует укреплению их социального статуса в семье и обществе, а также пересмотру традиционных гендерных ролей. Эти изменения указывают на глубокие социальные преобразования в регионе, где женщины все чаще воспринимаются как активные участницы

общественной жизни, что опровергает стереотип о гендерной предвзятости в обществах Персидского залива.

Одним из ключевых последствий образовательной революции стало изменение структуры занятости в регионе. Рост числа выпускников высших учебных заведений за последние два десятилетия привел к трансформации моделей трудоустройства, в результате чего как мужчины, так и женщины стали активно вовлекаться в государственный и частный секторы экономики. Экономические выгоды, связанные с гендерным разнообразием рабочей силы, способствуют увеличению числа женщин, занятых в профессиональной деятельности по всему региону. Официальная занятость в государственных и частных организациях постепенно вытесняет традиционные формы труда, обеспечивая более высокий уровень доходов и расширяя возможности для самостоятельного принятия решений.

Параллельно с этим социальные изменения оказывают влияние на демографические тенденции. Как отмечают исследователи, в ближайшее десятилетие динамика населения станет важным фактором, определяющим политику в сфере труда, миграции, экономического роста и либерализации рынка. Особое внимание будет уделяться роли женщин и молодежи, а также их интеграции в рабочую силу, что отражает общую тенденцию к более инклюзивному и диверсифицированному обществу.

Важным фактором социальных изменений в обществах Персидского залива стало развитие технологий, в частности спутникового телевидения и Интернета, которые кардинально трансформировали регион, открыв его для глобального взаимодействия и познакомив с разнообразными культурными и политическими нарративами. Эти технологии не только расширили возможности коммуникации за пределы личного общения, но и способствовали сжатию времени и пространства, ускоряя обмен информацией. Социальные сети стали мощным инструментом социальных преобразований, а число их пользователей с 2010 г. увеличилось в несколько раз. Эти платформы изменили способы обсуждения, публикации и распространения информации, а также взаимодействия граждан с правящими элитами. Многие исследователи сходятся во мнении, что новые медиа создают виртуальное, но динамичное пространство, способствующее расширению социальных прав и возможностей в регионе [Rahman, Al-Azm].

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), образованные 2 декабря 1971 г. как федерация семи эмиратов, ранее известных как Договорные государства, демонстрируют уникальный пример стремительного социально-экономического развития. Интенсивная модернизация и развитие инфраструктуры существенно изменили образ жизни населения, при этом сохранение культурного наследия остается ключевым элементом национальной стратегии, отраженной в программе UAE Vision 2021. Данная инициатива подчеркивает важность сохранения национальной идентичности и укрепления чувства принадлежности среди граждан [Kotsi, Balakrishnan].

Многоаспектная стратегия ОАЭ, направленная на интеграцию различных культур, основывается на принципах взаимного уважения и межкультурного диалога. Такой подход не только символичен, но и способствует устойчивому социально-экономическому развитию страны. За последние три десятилетия Эми-

раты претерпели глубокие трансформации, затронувшие как экономику, так и социальные структуры. Традиционные семейные уклады и положение женщин в обществе значительно изменились. Несмотря на консервативные настроения в некоторых кругах, женщины ОАЭ сегодня активно участвуют в образовательных и профессиональных сферах, не отказываясь при этом от своих ролей в семье.

Успехи женщин в бизнесе, политике и других областях, сочетающиеся с сохранением традиционной идентичности, иллюстрируют возможность гармоничного баланса между традициями и современностью [Муслимова]. Этот опыт особенно важен для женщин, стремящихся адаптироваться к условиям модернизации, не теряя связи с культурными ценностями. Таким образом, ОАЭ представляют собой пример общества, где традиционные роли и современные возможности сосуществуют, создавая условия для всестороннего развития личности.

В свою очередь, Катар, расположенный на западном побережье Персидского залива, представляет собой независимое суверенное государство и является одним из учредителей Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Современный этап развития страны неразрывно связан с именем Шейха Хамада бин Халифа Аль-Тани, занимавшего пост эмира с 1995 по 2013 г. Получив образование в Великобритании, он инициировал масштабные реформы, направленные на превращение Катара в динамичное современное государство с акцентом на образовательной сфере.

В период его правления были приняты ключевые документы, такие как Постоянная конституция Катара и Национальное видение 2030, а также запущена образовательная реформа «Образование для новой эры» [Hamdan]. Благодаря активному привлечению иностранных инвестиций Катар стал одним из мировых лидеров в экспорте природного газа, войдя в так называемый газовый триумvirат наряду с Россией и Ираном. Социальные преобразования включали утверждение равных гражданских прав для мужчин и женщин, что нашло отражение в Конституции 2003 г.

Важным шагом в продвижении гендерного равенства стало назначение в 2003 г. Шейхи Аль-Махмуд, известной поэтессы и политического деятеля, на пост министра образования. К 2008—2009 гг. доля женщин среди студентов Университета Катара достигла 76 %, что свидетельствует о значительном преобладании женщин в сфере высшего образования. Согласно данным RAND Corporation, катарские женщины демонстрируют более высокие образовательные достижения по сравнению с мужчинами: они чаще завершают среднее образование, показывают лучшие результаты на экзаменах и составляют большинство среди обладателей высшего образования. Например, на 100 женщин с высшим образованием в возрасте 25 лет приходится лишь 46 мужчин с аналогичной квалификацией [Кавалли].

Реформы в образовательной сфере включали в себя масштабную трансформацию Университета Катара, основанного в 1977 г. С 2003 г. вуз начал реализацию стратегии, направленной на соответствие Национальному видению Катара, а с 2018 г. перешел к этапу «От реформы к трансформации», ставя перед собой амбициозные цели в области образования и научных исследований. Важную

роль в развитии образовательной инфраструктуры сыграл Фонд Катара, основанный в 1995 г. Шейхом Хамадом и его супругой Шейхой Мозой бинт Насер [Qatar Foundation]. Фонд объединяет учреждения, специализирующиеся на образовании, инновациях и развитии сообщества, а также поддерживает глобальные инициативы, такие как Всемирный инновационный саммит в области образования, запущенный в 2009 г. [World Innovation].

Социально-экономические преобразования также затронули трудовую сферу. В 2001 г. Закон о государственной службе и постановления Совета министров закрепили равные права и обязанности мужчин и женщин на рабочем месте. Последующие законодательные акты, включая Закон о труде 2004 г., гарантировали равные условия оплаты труда и карьерного роста. Согласно данным RAND, женщины стали наиболее развивающейся группой рабочей силы Катара: их занятость выросла с 49,1 % в 2009 г. до 58,2 % в 2019 г., что превышает показатели соседних стран, таких как Бахрейн (44,61 %) и Саудовская Аравия (33 %) [Кавалли]. Эти изменения подчеркивают значительный вклад женщин в экономическое развитие Катара, сочетающийся с сохранением традиционных ценностей.

В результате, можно заметить, что за последние несколько десятилетий в Катаре и Арабских Эмиратах произошли кардинальные изменения, которые оказали большое влияние на роль и отношение к женщинам со стороны общества в исламском мире. При этом эти перемены только позитивно воздействовали на статус женщины в представленных двух государствах. В дальнейшем в работе будет рассмотрено, как женщинам удалось изменить сознание окружающих в исламском обществе.

Влияние успешных женщин на изменение общественного сознания

Успешные женщины в Катаре и ОАЭ играют важную роль в изменении общественного сознания не только в своих странах, но и в других исламских государствах. Их достижения в различных сферах — политике, бизнесе, науке, искусстве и спорте — способствуют пересмотру традиционных гендерных ролей и укреплению идеи о равных возможностях для мужчин и женщин.

Фатма Хассан Аль-Ремайхи в 2021 г., будучи на XXIV Петербургском международном экономическом форуме, отметила, что вклад женщин в прогресс общества неоспорим, и это справедливо не только для кинематографа, но и для всех областей жизни. С момента основания первой школы для девочек в Катаре в 1955 г. горизонты, потенциал и перспективы женщин в государстве претерпели существенные трансформации.

Сегодня катарское общество решительно выступает против принижения значимости женского опыта и игнорирования мнения женщин. Катар достиг значительных успехов в деле расширения прав и возможностей женщин. Теперь в стране открыт доступ к равным шансам — от получения образования до занятия высоких постов в государственных структурах и предпринимательстве. Сегодня свыше 42 % трудящихся в Катаре — женщины. Эта сила, обеспечивающая неук-

лонное развитие общества несмотря на то, что женщины успешно совмещают различные роли — в деловой сфере, в жизни сообществ и в семье [Шампорова].

Стоит отметить роль ранее упомянутой Шейхи Мозы бинт Насер. Ей удалось оказать значительное влияние на общественное сознание исламского мира, продвигая идеи образования, равенства, культуры и прогресса. Ее деятельность способствует изменению восприятия мусульманских женщин, показывая, что они могут быть лидерами, новаторами и активными участницами общественной жизни. Ее пример вдохновляет женщин в исламских странах бороться за свои права и стремиться к самореализации, сохраняя при этом свою культурную и религиозную идентичность.

Шейха Моза активно продвигает идею важности образования, особенно для женщин. При участии возглавляемого ею фонда Qatar Foundation в Катаре был построен «Город образования» [7 влиятельных...], на территории которого расположились разные учебные заведения, в том числе восемь международных университетов, таких как Джорджтаунский университет, Карнеги-Меллон и другие. Также Шейха Моза является председателем фонда «Образование превыше всего» и имеет еще ряд государственных и международных должностей, и она поддерживает арабских модельеров, занимая пост почетного председателя благотворительного проекта Fashion Trust Arabia, который был запущен в сентябре 2018 г. под ее патронажем [Арабские сказки...].

Можно заключить, что Шейха Моза бинт Насер стала символической фигурой для мусульманских женщин, демонстрируя, что они могут активно участвовать в общественной и политической жизни, не отказываясь от своих культурных и религиозных ценностей. Она поддерживает многочисленные инициативы, направленные на расширение прав и возможностей женщин как в Катаре, так и за его пределами, включая доступ к качественному образованию, трудоустройству и активному участию в общественной деятельности [Тутова, Андрейченко, Зидан].

Ярким примером успешной женщины в деловой сфере является Бусайна аль-Ансари, выдающаяся предпринимательница Катара, чья деятельность оказывает существенное влияние на продвижение женщин в бизнесе и на рынке труда. Ее компания Tamkeen Training and Consulting Solutions, а также участие в различных ассоциациях и сетях направлены на расширение возможностей для женщин в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (MENA). Через Tamkeen Бусайна аль-Ансари предоставляет женщинам доступ к программам обучения, менторской поддержке и ресурсам, которые помогают им преодолевать барьеры на пути к профессиональному успеху [7 влиятельных...].

Бусайна аль-Ансари активно продвигает идеи гендерного равенства в бизнесе, выступая за то, чтобы женщины занимали руководящие позиции и участвовали в принятии стратегических решений. Ее деятельность вдохновляет женщин в Катаре и регионе MENA на создание собственного бизнеса, развитие лидерских качеств и борьбу за свои права на рынке труда. Будучи членом правления Ассоциации деловых женщин Катара, она участвует в разработке стратегий и программ, направленных на поддержку женщин-предпринимателей [Подписан меморандум...]. Помимо этого, сама Ассоциация предоставляет платформу для об-

мена опытом, установления деловых связей и доступа к ресурсам, необходимым для развития бизнеса.

Бусейна аль-Ансари стала значимым примером для многих женщин как в Катаре, так и за его пределами. Ее достижения в бизнесе и активное участие в общественной жизни демонстрируют, что женщины способны быть успешными предпринимателями и лидерами. Ее деятельность вдохновляет молодое поколение стремиться к образованию, профессиональной карьере и личностной самореализации, что способствует формированию более равноправного общества.

Шейха Любна аль Касими, в свою очередь, является выдающейся фигурой не только в ОАЭ, но и во всем арабском мире. Ее профессиональная карьера и общественная деятельность служат ярким примером того, как женщина может достичь значительных высот в традиционно мужских сферах, таких как технологии, инженерия и политика, сохраняя при этом уважение к культурным и традиционным ценностям. Ее взгляды на гендерные стереотипы и права женщин, а также практические шаги в этом направлении заслуживают особого внимания [Самые влиятельные...].

Шейха Любна аль Касими выступает за преодоление устаревших стереотипов, ограничивающих возможности как женщин, так и мужчин. Она акцентирует внимание на необходимости избавления от шаблонов, закрепляющих традиционные гендерные роли в обществе. Ее позиция заключается в том, что и женщины, и мужчины должны обладать свободой выбора: женщина может быть домохозяйкой, если это ее осознанное решение, но она также должна иметь возможность строить карьеру.

В результате, такой подход, можно сказать, способствует формированию более гибкого и инклюзивного общества, где каждый человек может реализовать свой потенциал.

Можно заключить, что достижения женщин в Катаре и ОАЭ способствуют постепенному изменению стереотипов о роли женщин в исламском обществе. Эти успехи демонстрируют, что исламские ценности и современные тенденции могут гармонично сосуществовать, а традиции необязательно становятся препятствием для реализации женского потенциала. Более того, подобные изменения оказывают влияние на другие исламские страны, где женщины начинают активнее требовать расширения своих прав и возможностей, ссылаясь на пример Катара и ОАЭ.

Подводя итог, следует отметить, что в последние десятилетия Катар и ОАЭ пережили значительные социальные трансформации, которые существенно повлияли на роль и восприятие женщин в исламском мире. Успехи женщин в этих странах показывают, что исламские ценности и современные подходы могут гармонично сочетаться, а традиции не обязательно ограничивают возможности женщин.

Представленные достижения вдохновляют женщин в других исламских странах на борьбу за расширение своих прав и возможностей. Кроме того, Катар и ОАЭ активно демонстрируют свои успехи в области гендерного равенства на международной арене, формируя образ прогрессивных и инклюзивных обществ, что способствует изменению глобального восприятия исламского мира.

Библиографический список

7 влиятельных и успешных женщин Катара // Исламосфера. Культура как образ жизни. URL: <https://islamofera.ru/en/7-vliyatelnyx-i-uspeshnyx-zhenshhin-katara/> (дата обращения: 23.11.2024).

Арабские сказки: истории успеха современных женщин Востока // РБК. Стил. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5784c1899a7947897102fe69> (дата обращения: 23.11.2024).

Кавалли А. Между прогрессом и традициями: как живут и работают женщины в Катаре. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/442893-mezdu-progressom-i-tradiciami-kak-zivut-i-rabot-aut-zensiny-v-katare> (дата обращения: 23.11.2024).

Муслимова К.И. Мусульманская женщина: трансформация статуса и процесс идентификации // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 2. Том 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN218.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

Подписан меморандум о сотрудничестве между Ассоциацией деловых женщин Катара (Qatari Businesswomen Association) и межрегиональной Ассоциацией женского бизнеса // Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/northwest/pressrel/podpisan-memorandum-o-sotrudnichestve-mezhdu-associaciy-delovyh-zhenshhin-katara-qatari-businesswomen-a-ssoociation-i-mezhregionalnoy-associaciy-zhenskogo-biznesa> (дата обращения: 23.11.2024).

Самые влиятельные арабские женщины // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150305/1051120371.html> (дата обращения: 23.11.2024).

Тугова Е.В., Андрейченко Л., Зидан Ж.Р. Первые леди Ближнего Востока: изменение образа в мировых СМИ // Litera. 2022. № 9. С. 59—69.

Шампорова Ю. «Катар разбил «стеклянный потолок»: директор Института кино в Дохе о том, как меняется положение арабских женщин. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/433769-katar-razbil-steklyannyy-potolok-direktor-instituta-kino-v-dohe-o-tom-kak> (дата обращения: 23.11.2024).

Hamdan M. Judhur Qatar Al-Tarikhia (Historical Roots of Qatar). Cairo: Al-Raya Center for Publishing and Information, 2012. 359 p.

Kotsi F., Balakrishnan MS. Cultural Reflections from the United Arab Emirates (UAE). Dubai, UAE: Zayed University; 2017. 45 p.

Qatar Foundation. 2021. Research by QF's DIFI Leads to New Flexible Working Policy for Qatari Women. Doha: QF Stories RSS. URL: <https://www.qf.org.qa/stories/research-by-qfs-difi-leads-to-new-flexible-working-policy-for-qatari-women> (accessed: 23.11.2024).

Rahman M.M., Al-Azm A. Social Change and Transformation in the Gulf Region. In: Rahman, M.M., Al-Azm, A. (eds) Social Change in the Gulf Region. Gulf Studies, vol 8. Springer, Singapore, 2023. 659 p.

World Innovation Summit for Health. n.d. URL: <https://wish.org.qa/> (accessed: 23.11.2024).

References

7 vliyatelnih i uspeshnih jenschin Katara. Islamosfera. Kultura kak obraz jizni [7 influential and successful women of Qatar. Islamosphere. Culture as a way of life]. URL: <https://islamofera.ru/en/7-vliyatelnyx-i-uspeshnyx-zhenshhin-katara> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Arabskie skazki_ istorii uspeha sovremennih jenschin Vostoka [Arabic fairy tales: success stories of modern Oriental women]. RBC. Style. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5784c1899a7947897102fe69> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Kavalli A. Mejdju progressom i tradiciyami_ kak jivut i rabotayut jenschini v Katare [Between progress and traditions: how women live and work in Qatar]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woma>

n/442893-mezdu-progressom-i-tradiciami-kak-zivot-i-rabotaut-zensiny-v-katare (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Muslimova K. I. Musulmanskaya jenschina_ transformaciya statusa i process identifikacii [Muslim woman: status transformation and identification process]. *Internet-jurnal "Mir nauki"* [Mir Nauki online magazine], 2018, no. 2 (6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN218.pdf> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Podpisan memorandum o sotrudnichestve mejdu Associaciei delovih jenschin Katara (Qatari Businesswomen Association) i mejregionalnoi Associaciei jenskogo biznesa [A memorandum of cooperation was signed between the Qatar Businesswomen's Association (Qatari Businesswomen Association) and the Interregional Association of Women's Business]. *Interfaks Rossiya* [Interfax Russia]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/northwest/pressrel/podpisan-memorandum-o-sotrudnichestve-mezhdu-associaciey-delovyh-zhenshchin-katara-qatari-businesswomen-association-i-mezhregionalnoy-associaciey-zhenskogo-biznesa> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Samie vliyatelnie arabskie jenshini [The most influential Arab women]. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20150305/1051120371.html> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Tutova E. V., Andreichenko L., Zidan J. R. Pervie ledi Blijnego Vostoka_ izmenenie obraza v mirovih SMI [The first Ladies of the Middle East: changing the image in the world media]. *Litera*, 2022, no. 9, pp. 59–69. (In Russ.).

Shamporova Yu. "Katar razbil 'steklyannii potolok'": direktor Instituta kino v Dohe o tom kak menyaetsya polozhenie arabskih jenshin ["Qatar has broken the glass ceiling": Director of the Doha Film Institute on how the situation of Arab women is changing]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/433769-katar-razbil-steklyannyy-potolok-direktor-instituta-kino-v-dohe-o-tom-kak> (accessed: 23.11.2024). (In Russ.).

Hamdan M. Judhur Qatar Al-Tarikhia (Historical Roots of Qatar). Cairo: Al-Raya Center for Publishing and Information, 2012, p. 359.

Kotsi F., Balakrishnan MS. Cultural Reflections from the United Arab Emirates (UAE). Dubai, UAE: Zayed University; 2017. p. 45

Qatar Foundation. 2021. Research by QF's DIFI Leads to New Flexible Working Policy for Qatari Women. Doha: QF Stories RSS. URL: <https://www.qf.org.qa/stories/research-by-qfs-difi-leads-to-new-flexible-working-policy-for-qatari-women> (accessed: 23.11.2024).

Rahman M.M., Al-Azm A. (2023). Social Change and Transformation in the Gulf Region. In: Rahman, M.M., Al-Azm, A. (eds) Social Change in the Gulf Region. Gulf Studies, vol 8. Springer, Singapore. 659 p.

World Innovation Summit for Health. n.d. URL: <https://wish.org.qa/> (accessed: 23.11.2024).

Поступила в редакцию: 10.03.2025
Принята к публикации: 25.03.2025

Received: Mar 10, 2025
Accepted: Mar 25, 2025

А.А. Милованова

Айнский вопрос в отношениях России и Японии на современном этапе

Аннотация. Трансграничное положение айнского народа могло послужить основой формирования прочных дипломатических отношений России и Японии. Выступая в роли проводников и торговых посредников, переводчиков и информантов, айны являлись полноправными участниками межгосударственного диалога. Однако конфликт интересов в Северо-Восточной Азии шаг за шагом превращал исконные территории расселения айнов в предмет политических прений. Неоднократно перекраиваемая карта охотоморского региона, экономическое освоение его природных богатств надломили традиционную культуру и быт коренных народов, спровоцировав череду насильственных миграций и ассимиляцию аборигенного населения. Общим итогом территориальных размежеваний стали исчезновение курильской ветви и переселение большей части сахалинских айнов на остров Хоккайдо во время коллективных репатриаций японского населения бывшего губернаторства Карафуто в первые послевоенные годы. Акцент на моноэтничности в послевоенной риторике Японии на фоне общемирового движения за признание и соблюдение прав коренных народов привел к росту этнического самосознания айнов Хоккайдо. Лидерам движения удалось добиться значительных результатов: отмены дискриминационных законов и признания айнов коренным народом Японии. По другую сторону границы ситуация развивалась диаметрально противоположным образом. Предложенные советскими этнографами планы по восстановлению традиционной культуры айнов Сахалина остались без внимания, а сами они были исключены из списка коренных народов СССР накануне начала переговоров о восстановлении дипломатических отношений с Японией. Канув в реку забвения на полвека, айны вновь заявили о себе в начале 2010-х гг. Возродившаяся община айну (камчадалские курильцы) потребовала признания и внесения в реестр коренных народов Российской Федерации. В статье рассматривается феномен вторичной субъектности коренных народов в международных отношениях на примере влияния айнского вопроса на ход решения послевоенного территориального спора России и Японии о принадлежности Южных Курильских островов.

Ключевые слова: айны, коренные народы, трансграничность, Южные Курилы, ассимиляция, международные отношения.

Автор: Милованова Алина Александровна, лаборант, Учебно-научный институт антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета (УНИАиЭ РГГУ). ORCID: 0009-0000-1889-9382.
E-mail: milovanova.3121@mail.ru

Для цитирования: Милованова А.А. Айнский вопрос в отношениях России и Японии на современном этапе // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 89—99. DOI: 10.48647/ИССА.2025.14.23.010.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023—2025 гг.).

A.A. Milovanova

The Ainu issue in the context of current relations between Russia and Japan

Abstract. The cross-border situation of the Ainu people may serve as a basis for the establishment of strong diplomatic relations between Russia and Japan. As guides, trade intermediaries, translators, and informants, the Ainu have been active participants in interstate dialogue. However, the conflict of interests in Northeast Asia has gradually turned the ancestral lands of the Ainu settlements into a subject of political discussion. The redrawing of the map of the Okhotsk Sea region and the development of its natural resources has disrupted the traditional culture and lifestyle of the indigenous peoples, causing a series of forced migration and assimilation of the native population. The overall outcome of the territorial changes was the disappearance of the Kuril branch and the transfer of most Sakhalin Ainu to Hokkaido during the collective repatriation of Japanese residents from the former Karafuto prefecture in the early post-war period. The focus on monoculturalism in Japan's post-war discourse, against the backdrop of global movements for the recognition and protection of indigenous rights, led to an increased emphasis on Ainu identity in Hokkaido. Leaders of the movement achieved significant results, including the abolition of discriminatory legislation and recognition of the Ainu as a distinct people of Japan. However, on the other side of the border, developments were quite different. The plans proposed by Soviet ethnographers to preserve the traditional culture of the Ainu people of Sakhalin Island were disregarded, and the Ainu themselves were excluded from the official list of indigenous peoples of the Soviet Union on the eve of negotiations to restore diplomatic relations with Japan. After half a century in relative obscurity, the Ainu resurfaced in the early decades of the 21st century. The newly revitalized Ainu community, known as the Kamchadal Kuriles, demanded recognition and inclusion as an indigenous people within the Russian Federation. This article examines the phenomenon of secondary indigenous identities in international relations, using the Ainu case as an example of how the Ainu issue has influenced the resolution of the post-World War II territorial dispute over the Southern Kuril Islands between Russia and Japan.

Keywords: Ainu, indigenous peoples, cross-border, South Kuril Islands, assimilation, international relations.

Author: *Milovanova Alina A., Laboratory Assistant*, Russian state university for the humanities, the Educational and Scientific Institute of Anthropology and Ethnology of RSUH. ORCID: 0009-0000-1889-9382. E-mail: milovanova.3121@mail.ru

For citation: Milovanova A.A. The Ainu issue in the context of current relations between Russia and Japan. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 89–99. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.14.23.010.

Funding. The article was prepared within the framework of the project “Cross-border peoples of Siberia and the Far East within Russia: success stories as a factor of ‘soft power’” (Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of national identity” 2023–2025).

Введение

Послевоенная система международных отношений претерпела значительные изменения. Обсуждение вопросов, касающихся обеспечения прав коренных народов, чьи территории проживания были инкорпорированы в состав того или иного государства, а традиционный образ жизни вследствие административной, экономической и культурной стандартизации подвергся стигматизации и ассимиляции, ныне «возвращает» представителям этнических меньшинств некогда потерянную *субъектность*. Возрождение языковых и культурных практик зачастую является основным критерием признания коренного народа со стороны государства, необходимого для получения различных льгот и преференций. Политические действия, направленные на обеспечение равенства доступа к ресурсам, в некоторых случаях реализуются в системах квот на преимущественное пользование природными ресурсами, символической реституции земель исконного проживания. Столь же порой символической, как и само культурное возрождение, отражающее не самосознание этнического сообщества, а экономические интересы определенной группы людей. Таким образом, отказ от действительности, выраженный запоздалыми попытками вернуть искорененное многообразие языков, локальных практик хозяйствования, форм земельной собственности, верований, создает почву для конструирования беспорядочного множества этнических идентичностей, потенциальных очагов нестабильности в регионе.

Данное обстоятельство особенно чувствительно для приграничных регионов, где территория исконного проживания этнического сообщества оказывается изрезана государственной границей, и *новая субъектность* трансграничных народов является, таким образом, неотъемлемой частью международных отношений. В статье рассматривается роль айнов в становлении российско-японских дипломатических отношений, а также влияние айнского вопроса на ход решения территориального спора о принадлежности Южных Курил в настоящее время.

Делимитация границ на островах северной части Тихого океана

Айны — коренной народ Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. Оказавшись на перепутье большой политики, сахалинская и курильская этнотерриториальные группы айнов были вытеснены с мест исконного проживания: насильственные переселения как следствие неоднократного изменения российско-японской границы способствовали ограничению ареала их обитания преимущественно островом Хоккайдо. Кратко опишем место айнов в концептуа-

лизации «северной угрозы», связанной с расширением российского влияния на коренных жителей Курил и Сахалина [Бух: 50].

Во второй половине XVIII в. фиксируются первые геополитические столкновения интересов Токугавской Японии и Российской империи. Растущее присутствие русских на Курилах и Сахалине и усиливавшееся с течением времени закабаление местного населения японскими купцами-рыбопромышленниками, вылившееся в вооруженное восстание айнов в 1789 г., побудили сегунат установить прямое управление айновскими колониями. Осознание стратегических угроз, связанных с распространением российского влияния на айнов посредством просвещения и дружжелюбной политики, побуждало часть японской элиты рассматривать айнов как объект колонизации. Культурная ассимиляция населения Хоккайдо и близлежащих островов стала неотъемлемой частью закрепления японского присутствия на островах северной части Тихого океана.

В Японии второй половины XIX в., пережившей падение дома Токугава и реставрацию императорского правительства, распространяются европейские идеи исторического прогресса и Просвещения. Дискурс об этнической структуре Японии претерпевает ряд изменений, колеблясь между утверждениями этнической однородности и гетерогенности формирующейся империи. Первым объектом колонизации становится остров Хоккайдо. Утверждение доминирующей в западном дискурсе дихотомии цивилизации и варварства среди японских элит оказывало непосредственное влияние на восприятие айнов. Культурная и языковая ассимиляция пространственно мобильного, широко рассеянного безгосударственного сообщества на ранних этапах представлялась исключительно стратегическим средством закрепления на северном направлении и противостояния российской экспансии на Дальнем Востоке. Однако в модернизирующейся космологии империи успех японизации туземцев был значимым шагом как для колониальной политики, так и с точки зрения конструирования национальной идентичности японцев [Бух: 51].

Отношения между айнами и японцами в период расширения японской экспансии 1868—1945 гг. четко вписывались в европейскую модель международных отношений, согласно которой национальные государства являлись их единственными полноправными участниками, в то время как прочие *не-государствообразующие* этнические сообщества считались безмолвными реципиентами внешнеполитических устремлений соседних стран [Morris-Suzuki: 8]. Первый раунд переговоров об определении государственной границы на островах северной части Тихого океана в 1855 г. закрепил за Россией Курильские острова, но оставил неопределенным статус Сахалина. В 1875 г. эти договоренности были пересмотрены, и Курилы были переданы Японии в обмен на отказ от японского суверенитета над Сахалином.

Трагедия северокурильских и сахалинских айнов

К моменту первой официальной делимитации границ в регионе северной части Тихого океана на Курильском архипелаге существовало две разновидности айновской культуры — северокурильская и южнокурильская. Айны Южных Курил

культурно были близки хоккайдским, а коренные жители Северных Курил вплоть до прихода русских землепроходцев в конце XVII столетия жили обособленно, имея лишь косвенные связи с Японией через торговлю с южнокурильскими айнами (айну). Культурная дивергенция в первой половине XIX в. возросла. Южане подверглись японизации как части государственной программы защиты северных границ от русского проникновения. Северяне оказались под сильным влиянием русской культуры — перенимали атрибуты русского быта, носили русские имена и одежду, владели русским языком. Однако русификация курильцев, хотя и протекала быстрее и успешнее японизации, не являлась целенаправленной политикой России [Стефан: 143—144].

В 1875 г. айнов, оставшихся на расположенных в непосредственной близости от российской территории островах Шумшу и Парамушир, было решено переселить на расположенный намного южнее о. Шикотан. Причинами послужили дороговизна и сложность осуществления поставок продовольствия, медикаментов и прочих товаров на Северные Курилы, а также соображения национальной безопасности. Несмотря на меры социальной поддержки, властям провинции Нэму-ро так и не удалось наладить быт переселенцев, которые к тому же продолжали цепляться за русские обычаи, имена и веру, сохраняя тем самым свою культурную автономность. Большая часть южнокурильских айнов к тому времени погибла от занесенной на острова оспы [Стефан: 144]. Таким образом, история курильских айнов закончилась в середине XX в.: последний представитель южнокурильских айнов умер в 1973 г., а северокурильских — в 1940-х гг. [Тураев: 220—222].

В отличие от северных и южных курильцев, культурное разделение айнов Южного Сахалина являлось прямым следствием формирования российской и японской сфер влияния и неоднократного перекраивания политической карты острова. Сахалинские айны оказались разделены после заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г., по итогам которого остров перешел под юрисдикцию России, и японские рыболовные промыслы были спешно эвакуированы на Хоккайдо. Тяжелая экономическая ситуация айнов побережья Анивского залива, лишившихся постоянного заработка, вынудила их уехать вслед за японцами. Группа численностью около 800 человек поселилась в долине реки Исикари, образовав общину сахалинских эмигрантов на Хоккайдо [Шубина: 136]. Поражение России в войне 1904—1905 гг. позволило вынужденным мигрантам *исикари-айну* возвратиться на Южный Сахалин, где было образовано губернаторство Карафуто.

Одним из основных инструментов формирования лояльности метрополии японское правительство видело школьное образование. Потому в 1908 г. был разработан план создания «бураку», туземных поселений. Администрация губернаторства Карафуто приступила к исполнению этой программы в 1912—1915 гг.: первыми поселенцами стали *исикари-айну*, вновь переселенные на Сахалин. Таким образом, именно эта группа айнов Сахалина оказалась наиболее подверженной японизации.

Большая часть айнов покинула Сахалин в период первой волны послевоенной репатриации японского населения 1946—1949 гг. Несмотря на усилия первого начальника Гражданского управления Южным Сахалином и Курилами

Д.Н. Крюкова, составившего докладную записку о положении южносахалинских айнов и призывавшего признать их коренным малочисленным народом СССР, советская сторона была мало заинтересована в айнах. Во-первых, они трудились в основном на рыбных промыслах и были крайне малочисленны [Дин Ю.И. «Репатриация» айнов...: 92]. Во-вторых, с 1933 г. айны были внесены в списки «найчидзинов», т. е. юридически считались японцами, потому, дабы избежать будущих претензий со стороны Японии, СССР предпочел не акцентировать внимание на айнском вопросе [Дин Ю.И. Население Карафуто...: 34].

Вторичная субъектность

Отчуждение земель у коренного населения приграничья вкупе с ассимиляционной политикой, экономическим освоением и перемещением лояльного населения ближе к границе — ключевые факторы колонизации периферии, превращения ее в контролируемую, управляемую и экономически доходную зону [Скотт: 34]. Наивно было бы полагать, что столетия ассимиляции и перекраивания традиционного жизненного уклада никак не отразились на *базовых культурных детерминантах* коренных малочисленных народов. Показательно, что в одном из первых документов о правах коренных народов, конвенции № 107 Международной организации труда «О защите и интеграции коренных народов и народов, ведущих племенной и полуплеменной образ жизни в независимых государствах» от 1957 г., интеграция и ассимиляция рассматривались как наилучший способ защиты благосостояния коренных народов. Данный документ был пересмотрен лишь в 1989 г. — новая конвенция МОТ № 169¹ призывает уважать культуру и традиции, в ней также содержится раздел о земельных правах коренных народов [Бух: 52]. Таким образом, реституция земель по-прежнему является одним из основных пунктов программы борьбы коренных меньшинств за свои права — подверженные территориально-статусной трансформации многие из них формируют представления об исконной территории проживания, используя их в том числе в качестве метафоры времени *до* завоевания. Будучи концептуализированным в тексте международного соглашения, стремление реализовать земельные права и права пользования природными ресурсами, относящимися к ним, составляет новую детерминанту этнической идентичности коренных народов.

Подъем айнского национального движения в Японии в 1970-х гг. происходил на фоне изменений международного дискурса о правах коренного населения — поиска пути развития вне рамок прежней парадигмы модернизации. «Ассоциация айнов Хоккайдо» была основана в 1930 г. и первоначально выступала за уравнение социально-экономического положения айнов и японцев. Со временем крупнейшая айнская организация сменила курс на защиту прав айнов, добившись либерализации в аборигенной политике и официального признания айнов коренным народом Японии в 2008 г. Каяно Сигэру, один из главных идей-

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 15.03.2025).

ных вдохновителей айнского национального движения, в 1994 г. был избран членом верхней палаты парламента от социалистической партии Японии. В 1997 г. ему удалось добиться отмены дискриминационного закона «О защите бывших аборигенов Хоккайдо» 1899 г., имевшего следствиями отчуждение охотничьих и рыболовных угодий хоккайдских айнов и обнищание коренного населения острова [Чекункова Е.С. Новое японское законодательство...: 74]. Наконец, в апреле 2019 г. был принят последний на данный момент закон «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну». Новая этническая политика государства нацелена на поддержание и развитие традиционной культуры айнов и недопущение дискриминации, не предусматривая при этом никаких мер наказания в случае его нарушения [Чекункова Е.С. Глава 10...: 246].

Иными словами, несмотря на определенные успехи на политическом фронте, айнскому национальному движению по сей день не удалось добиться реализации прав на землепользование и распоряжение природными ресурсами. Этническая политика в отношении единственного признанного коренного народа Японии носит косметический характер: меры по продвижению культуры и языка реализуются в развитии этнотуризма и строительстве музейных комплексов на Хоккайдо, что лишь усугубляет эрозию этнической специфики айнов [Арутюнов: 59].

Айнский вопрос в российско-японских отношениях на современном этапе

Трансграничное положение айнского народа всегда было значимым аспектом формирования внешнеполитических отношений России и Японии. Политизированная в современном мире этничность предоставила коренному народу российско-японского пограничья *вторичную субъектность*, основанную во многом на требовании реституции территорий исконного проживания. Оказавшись отчасти вписанными в контекст проблемы «северных территорий», неразрешенный со времен окончания Второй мировой войны пограничный спор России и Японии о государственной принадлежности группы Южных Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан и архипелаг Хабомаи), айнский вопрос ни для одной из сторон не является сугубо внутривнутриполитическим. Взаимовлияние процессов национального возрождения трансграничного народа и послевоенного территориального спора трудно переоценить.

Проект возвращения Южных Курил под юрисдикцию Японии был осмыслен как ирредентистская концепция «национальной миссии». Рост этнополитического активизма айнов Хоккайдо, в свою очередь, подрывал дискурс о Северных территориях как «исконно японских». По утверждению Каяно Сигэру, упомянутого нами ранее единственного парламентария айнского происхождения в истории Японии, «обсуждение судьбы островов ведется поверх голов их подлинных владельцев» [Бух: 56]. Помимо требований включить айнов в ход российско-японских переговоров, звучали предложения создать айнскую автономию на Южных Курилах. Например, в апреле 1992 г. руководитель Совета айнов Курил и

Сахалина Ацуси Тоиока призвал правительства России и Японии создать на территории Курильских островов автономный округ под управлением ООН, тем самым предложив участникам спора прийти к компромиссному решению [Высок: 26]. Инициатива была проигнорирована обеими сторонами.

В СССР демаркационный спор с Японией сыграл решающую роль в истории послевоенного устройства айнов как коренных жителей Южного Сахалина. Приказом № 418с Главлита «О запрете опубликования в открытой печати каких-либо сведений о народности айны в СССР» от 07.02.1953 г. они были исключены из списка коренных народов Советского союза, в том числе из опасения, что «айнский аргумент» может быть использован как орудие в оспаривании прав на Курилы и Южный Сахалин в ходе возможной ревизии итогов Второй мировой войны [Роон: 143—144].

Данные обстоятельства, послевоенная «репатриация» сахалинских айнов в Японию и исключение айнов из реестра коренных народов СССР, вкупе с возрожденным и в определенной степени успешным национальным движением айнов Хоккайдо привели к появлению еще двух этнополитических айнских проектов. В 2001 г. в Японии была основана «Ассоциация сахалинских айнов». В 2011 г. они направили губернатору Сахалинской области А.В. Хорошавину письмо, в котором спрашивали о возможности вернуться на историческую родину и получить землю, которой владели их предки до 1945 г. [Тураев: 224]. Мамору Тадзава, президент «Ассоциации сахалинских айнов» принимал деятельное участие в обсуждении нового законопроекта об айнах 2019 г. — в его обращении к японскому правительству¹ содержались предложения «восстановить» суверенитет айнов и привлечь российское правительство к совместной работе по обеспечению защиты и реализации прав айнов. Мамору Тадзава посетил российский Сахалин в августе 2011 г., чтобы провести ритуал поклонения могилам предков [Майнагашева: 292—293]. Несмотря на то, что в настоящее время на Сахалине проживает незначительное число потомков айнского населения, они не стремятся к консолидации и этническому возрождению айнов в России, предпочитая записываться представителями иных коренных малочисленных народов, таких как нивхи. Это необходимо для получения квот на преимущественное пользование водными биоресурсами [ПМА, 2024. Июнь].

Еще один проект возрождения айнской общины связан с именем Алексея Накамуры, российского этнического активиста, в 2010-х гг. продвигавшего инициативу внесения потомков северокурильских айнов, переселенных на юг Камчатского полуострова после передачи Северных Курильских островов Японии в 1875 г., в реестр коренных малочисленных народов России. Вопреки данным результатов Всероссийской переписи населения 2021 г., которые показали, что в России проживают 300 человек, идентифицирующих себя айнами, эти сведения не были верифицированы и основываются не на результатах работы переписчиков, а на списке фамилий, поданному А.В. Накамурой напрямую в правительст-

¹ Заявление Мамору Тадзава. URL: <https://ainupolicy.jimdofree.com/市民会議の提案-声明/日本政府-アイヌ新法案-2019-に異論あり/樺太アイヌ協会-日本政府のアイヌ新法案撤回を求める声明書-2019> (дата обращения: 15.03.2025).

во края [ПМА. 2024. Август]. Несмотря на то, что этноконструктивистский проект А.В. Накамуры нацелен преимущественно на получение квот на пользование природными ресурсами, в интервью газете «Камчатское время» в 2004 г. этноактивист проиллюстрировал трагедию своего народа ссылкой на существующий демаркационный спор вокруг Южных Курильских островов [Ямпольский].

Заключение

Таким образом, ретроспективное переосмысление трагедии северокурильских и сахалинских айнов в настоящее время, вдохновленное во многом получением *вторичной субъектности* айнского народа в Японии, находит свое отражение в этноконструктивистских проектах по обе стороны российско-японской границы. Стремление инъецировать псевдоразличие в айнском национальном движении способно в перспективе оказать влияние не только на внутреннюю этническую политику России и Японии, но и на динамику международных отношений.

Роль коренных народов трансграничья должна быть исследована в соответствии с изменяющимися условиями современного мира. В отношении формирования внутренней этнической политики необходимо разделять понятие о сохранении традиционного образа жизни. Оба варианта развития событий затрагивают вопрос о жизнеобеспечении, но в первом случае это сохранение традиционного хозяйствования как наиболее выгодной экономической стратегии, а с другим — показное «одичание» с целью получения государственных преференций и квот на преимущественное природопользование (вопрос становится еще острее, если это самое «традиционное хозяйствование» намеренно подгоняется под существующие квоты). Внешнеполитическая же роль трансграничных народов может быть использована как во благо — стать, к примеру, основой укрепления международного сотрудничества в сфере защиты прав коренных народов, так и во зло, ведь стремлением реализации земельных прав коренного меньшинства государство может оправдать собственные территориальные притязания.

Библиографический список

Арутюнов С. А. Этничность, сходящая на нет // Вестник антропологии. 2017. № 1 (37). С. 41—63.

Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как другое Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 124 с.

Высоков М. Сахалин и Курильские острова. Хроника XX столетия // Южно-Сахалинск. 2000. № 92 (241), 20 октября.

Дин Ю.И. «Репатриация» айнов Южного Сахалина после Второй мировой войны // Россия и АТР. 2021. № 4(114). С. 85—95. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-4-84-96.

Дин Ю.И. Население Карафуту (Южного Сахалина) по материалам японских переписей 1925, 1930, 1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3(31). 2021. С. 20—40. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_3_20.

Майнагашева Е.В. Поездка потомков сахалинских айнов на родину предков (по следам одной командировки) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. 2012. № 19. С. 293—296.

ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Камчатский край. 2024. Август.

ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Сахалинскую область. 2024. Июнь.

Роон Т.П. В лабиринте истории и политики: советские исследования сахалинских айнов // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 132—139. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150010838-1>.

Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / пер. с англ. И.М. Троцук. Новое издательство, 2017. 568 с.

Стефан Д. Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов. 1990. № 1. С. 112—147.

Тураев В.А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2(100). с. 213—227. DOI: [10.24411/1026-8804-2018-00028](https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028).

Чекункова Е.С. Глава 10. «Экспедиция в Парламент Японии»: вклад Каяно Сигэру в сохранение исторической памяти об айнах как коренном народе Японии / Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина; Институт восточных рукописей РАН. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 245—259.

Чекункова Е.С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов // Японские исследования. 2022. № 3. С. 69—83. DOI: [10.55105/2500-2872-2022-3-69-83](https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-3-69-83).

Шубина О.А. Коллекция исикари-айнов в фондах Британского музея // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. 1997. № 4. С. 134—139.

Ямпольский В. Трагедия айнов — трагедия российского Дальнего Востока // Камчатское время. URL: http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (дата обращения: 28.12.2024).

Morris-Suzuki T. Creating the frontier: border, identity and history in Japan's Far North // East Asian History: 1994. № 7. Pp. 1—25.

References

Arutiunov S. A. Etnichnost, skhodiashchaia na net [Ethnicity Obliterated]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2017, no. 1 (37), pp. 41—63. (In Russ.).

Bukh A. Iaponiia. Natsionalnaia identichnost i vneshniaia politika. Rossiia kak drugoe Iaponii [Japan's national identity and foreign policy. Russia as Japan's "Other"]. Moscow: New literary review, 2012. 124 p. (In Russ.).

Vysokov M. Sakhalin i Kurilskie ostrova. Khronika XX stoletia [Sakhalin and the Kuril Islands: A Chronicle of the 20th Century]. "Yuzhno-Sakhalinsk" newspaper, 2000, no. 92 (241), 20 October. (In Russ.).

Din Yu. I. «Repatriatsiia» ainov Iuzhnogo Sakhalina posle Vtoroi mirovoi voiny [“Repatriation” of Ainu of South Sakhalin after the Second World war]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific], 2021, no. 4(114), pp. 85—95. (In Russ.). DOI: [10.24412/1026-8804-2021-4-84-96](https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-84-96).

Din Yu. I. Naselenie Karafuto (Yzhnogo Sakhalina) po materialam iaponskikh perepisei 1925, 1930, 1935 gg. [The population of Karafuto by the data of Japanese censuses in 1925, 1930, 1935]. *Peterburgskiy istoricheskii zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2021, no. 3(31), pp. 20—40. (In Russ.). DOI: [10.51255/2311-603X_2021_3_20](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2021_3_20).

Mainagasheva E. V. Poezdka potomkov sakhalinskikh ainov na rodinu predkov (po sledam odnoi komandirovki) [The journey of the descendants of the Sakhalin Ainu people to their ancestral home (following in the footsteps of a previous business trip)]. *Vestnik Sahalinskogo muzeya. Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey* [Herald of the Sakhalin Museum. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin regional Museum of local lore], 2012, no. 19, pp. 293—296. (In Russ.).

PMA. Polevye materialy avtora [The author's field materials]. *Ekspeditsiya v Ekspeditsiya v Sahalinskuyu oblast'* [Expedition to the Sakhalin region], 2024, June. (In Russ.).

PMA. Polevye materialy avtora [The author's field materials]. *Expedition to the Kamchatka territory* [Ekspeditsiya v Kamchatskiy kray], 2024, August. (In Russ.).

Roon T. P. V labirinte istorii i politiki: sovetskie issledovaniia sakhalinskikh ainov [In the labyrinth of history and politics: Soviet studies of the Sakhalin Ainu (1946—1949)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2000, no. 4, pp. 132—139. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150010838-1.

Skott Dzh. S. Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Iugo-Vostochnoi Azii [The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Moscow: New publishing house, 2017. 568 p. (In Russ.).

Stefan D. Kurilskie ostrova. Russko-iaponskii rubezh na Tikhom okeane [The Kuril Islands. The Russian-Japanese frontier on the Pacific Ocean]. *Kraevedcheskiy byulleten'. Yuzhno-Sahalinsk: Obshchestvo izucheniya Sahalina i Kuril'skih ostrovov Kraevedcheskii biulleten* [Local history bulletin. The Society for the Study of Sakhalin and the Kuril Islands], 1990, no. 1, pp. 112—147. (In Russ.).

Turaev V. A. Etnicheskaia istoriia ainov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v kontekste rossiisko-iaponskikh territorialnykh razmezhevanii [Ethnic History of the Ainu of Sakhalin and the Kuril Islands in the Context of Russian-Japanese Territorial Delimitation]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2018, no. 2(100), pp. 213—227. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00028.

Chekunkova E. S. Chapter 10. “Ekspeditsiia v Parlament Iaponii”: vklad Kaiano Sigeru v sokhranenie istoricheskoi pamiati ob ainakh kak korennom narode Iaponii [“Expedition to the Parliament of Japan”: Kayano Shigeru's contribution to preserving the historical memory of the Ainu as an indigenous people of Japan]. *Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov* [Four centuries of exploration of the lands of the Ainu]. Edited by V. V. Shchepkin. The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Art-Express, 2022, pp. 245—259. (In Russ.).

Chekunkova E.S. Novoe iaponskoe zakonodatelstvo v otnoshenii ainov: problema sootvetstviia mezhdunarodnym standartam v sfere prav korennykh narodov [Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies], 2022, no. 3, pp. 69—83. (In Russ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83.

Shubina O. A. Kolleksiia isikari-ainov v fondakh Britanskogo muzeia [The Ishikari-Ainu collection in the collections of the British Museum]. *Vestnik Sahalinskogo muzeya. Yuzhno-Sahalinsk: Sahalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey* [Herald of the Sakhalin Museum. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin regional Museum of local lore], 1997, no. 4, pp. 134—139. (In Russ.).

Yampolskii V. Tragediia ainov — tragediia rossiiskogo Dalnego Vostoka [The Ainu tragedy is the tragedy of the Russian Far East]. *Kamchatskoe vremia* [Kamchatka time]. URL: http://kamtime.ru/old/archive/08_12_2004/13.shtml (accessed: 28.12.2024). (In Russ.).

Morris-Suzuki, Tessa. *Creating the frontier: border, identity and history in Japan's Far North*. East Asian History, 1994, no. 7, pp. 1—25.

Поступила в редакцию: 11.01.2025
Принята к публикации: 24.03.2025

Received: Jan 11, 2025
Accepted: Mar 24, 2025

«Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности»

Для цитирования: Круглый стол «Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 100—124. DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.12.001.

ROUND TABLE

“China and the world on the threshold of 2025: challenges and opportunities”

For citation: China and the world on the threshold of 2025: challenges and opportunities. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 100—124. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.12.001.

Совет молодых ученых Института Китая и современной Азии РАН 29 января 2025 г. провел круглый стол на тему: «Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности». В круглом столе приняли участие:

- А.Ч. Мокрецкий**, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;
- А.В. Волошина**, н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;
- И.С. Виноградов**, к.и.н., с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;
- Е.С. Бурова**, с.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;
- С.И. Болонова**, м.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;
- Е.А. Козлова**, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН;
- Е.С. Меньшикова**, аспирант ИСАА МГУ;
- Т.М. Мамахатов**, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;
- А.Г. Зуева**, м.н.с. Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;
- А.А. Ковалева**, аспирант ИСАА МГУ;
- В.И. Жириков**, аспирант ИСАА МГУ;
- Дун Чжэнь**, аспирант ИСАА МГУ;
- Ван Ичунь**, аспирант МГУ-ППИ (г. Шэньчжэнь).

Политика и вопросы безопасности в глобальном и региональном измерениях

А.Ч. Мокрецкий. Наступил 2025 г., прошла четверть XXI в., которую можно охарактеризовать как время фундаментальных вызовов и невероятных возможностей. В России в 1930-е гг. великий русский философ и мыслитель И.А. Ильин писал, что «современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный и национальный». В Китае говорят о том же: человечество переживает «**столетние изменения**». «Мы живем в усложняющемся и хаотичном мире» (一个变乱交织的世界) или «в период самых больших потрясений и максимальной незащищенности за 30 с небольшим лет после окончания Холодной войны» (термин 动荡不安).

В КНР 27—28 декабря 2023 г. состоялось **центральное рабочее совещание по иностранным делам**. На нем были подведены итоги 10-летней деятельности китайской самобытной дипломатии великой державы в новую эпоху, а также обозначены цели и задачи на следующие годы, образно названные «**новым походом**». Китайская дипломатия вступает в новый этап, когда можно действовать еще более активно (一个可以更有作为的新阶段). Для этого необходимо решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития; формировать новую структуру отношений между Китаем и миром; создавать еще более благоприятные условия и твердый стратегический стержень для всестороннего строительства сильного государства с китайским типом модернизации и национального возрождения и т. д.

В ходе совещания обсуждались вопросы **мировой многополярности и экономической глобализации**. За 2024 г. на различных научных площадках китайские эксперты обогатили два термина устойчивыми и красочными определениями: равноправная и упорядоченная мировая многополяризация (平等有序的世界多极化) и всеобъемлющая и инклюзивная экономическая глобализация (普惠包容的经济全球化). **Формирование сообщества единой судьбы человечества** называется «ядерной» идеей доктрины Си Цзиньпина о дипломатии, а также подчеркивается тезис о связи «нового похода» китайской дипломатии с **китайским типом модернизации**.

Несколько слов скажем о том, как китайские СМИ и аналитические центры оценили 2024 г. и что ожидают в 2025 г. Агентство Синьхуа и Центральное радио и телевидение Китая (CMG) перечислили 10 ключевых событий 2024 г., в том числе «дипломатию главы государства»; изменение политической ситуации в некоторых странах Европы; развитие искусственного интеллекта; сотрудничество в рамках «Большого БРИКС» и ускоренный рост стран Глобального Юга; украинский кризис и противостояние России и Запада; вооруженный мятеж и свержение власти Б. Асада в Сирии; израильско-палестинский конфликт и рост эскалации на Ближнем Востоке; президентские выборы в США и риск столкновения «двух Америк»; триумфальное участие китайских спортсменов на Парижской Олимпиаде и др.

В начале 2025 г. вышел обзорный научный прогноз в виде «Синей книги по рискам в области безопасности для Китая за рубежом», сделанный экспертами

Народного университета КНР, Институтом исследования проблем безопасности Китая за рубежом и консалтинговой фирмой Чжунхайань (расположенной в Пекине).

В заключение затронем лишь три «фундаментальных» выступления МИД КНР Ван И на «домашних» и международных форумах: в период «двух сессий» (7 марта 2024 г.), на форуме будущего в рамках ГА ООН (23 сентября 2024 г.) и конференции «Международная обстановка в 2024 г. и китайская дипломатия», организованной Китайской академией международных проблем (17 декабря 2024 г.).

На очередной полторачасовой встрече с отечественными и зарубежными журналистами на полях «двух сессий» Ван И ответил на 21 вопрос глобальной и региональной повестки, резюмируя итоги деятельности китайской дипломатии в 2023 г. и озвучивая перспективы 2024 г.

На форуме будущего в рамках ГА ООН Китай объявил, что в целях создания «прекрасного сада» на планете Земля председатель КНР Си Цзиньпин последовательно выдвинул строительство сообщества единой судьбы человечества, высококачественное развитие «Одного пояса, одного пути», три глобальные инициативы (развития, безопасности и цивилизации). Ван И подчеркнул, что *современный Китай решительно идет путем китайской модернизации и всесторонне продвигает великое дело строительства могущественного государства и возрождения нации, что, в свою очередь, предоставляет новые шансы для международного мира и развития.*

На научной конференции «Международная обстановка в 2024 г. и китайская дипломатия» Ван И отметил, что **Пекин в своих взаимоотношениях с миром достиг трех ключевых «консенсусов» (дословно важного динамического прогресса и перемен 重要的趋势性进展和变化)**: во-первых, основные концептуальные инициативы, выдвинутые председателем Си Цзиньпином, все чаще приветствуются и поддерживаются международным сообществом; во-вторых, решение различных глобальных проблем, «горячих точек» и сложных вопросов не обходится без прямого участия Пекина и неотделимо от него; в-третьих, мировое значение модернизации по китайскому образцу становится все более очевидным, все больше стран понимает успешность пути развития КНР и соглашается с ним.

Таким образом, китайская дипломатия становится активнее, уходя от внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов. При этом она не всемогуща: события происходят по непредсказуемым сценариям (ситуация в Сирии в декабре 2024 г. и т. д.), встречая сопротивление в ходе сопряжения инициатив развития с другими государствами мира.

А.В. Волошина. В Вашингтоне 20 января с.г. состоялась инаугурация 47 президента США Д. Трампа. Кандидаты на ключевые должности постепенно занимают свои места в новой администрации — костяк новой команды составляют китайские «ястребы», отстаивающие идею скорейшей стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и Украине, переноса стратегического внимания США на Китай как на главного соперника и активной поддержки Тайваня.

Приход республиканской команды в Белый дом ставит множество вызовов перед китайским руководством в деле управления тайваньским вопросом на ближайшие годы.

В период первого президентского срока (2017—2021 гг.) Д. Трамп пошел на нарушение многих табу, существовавших в американской политике по тайваньскому вопросу. При нем на небывалый с 1979 г. уровень вышли совокупная стоимость пакетов продаж (около 18,3 млрд долл.) и их качественное наполнение (большие системы конвенциональных вооружений с наступательным потенциалом, способные наносить удары по территории материкового Китая). Также произошла эскалация уровня контактов с островом — еще до вступления в должность президента, в декабре 2016 г., Д. Трамп принял телефонный звонок тогдашнего главы тайваньской администрации Цай Инвэнь. При нем же впервые с 1979 г. остров посетили чиновники с министерским портфелем и уровня заместителей министров. А 9 января 2021 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео признал все ограничения на контакты с Тайванем недействительными.

Не встречая сопротивления со стороны администрации Д. Трампа, Конгресс принимал и отправлял на подпись президенту значимые законопроекты, снимавшие ограничения на «официальные контакты» с Тайбэем, нацеленные на укрепление оборонного сотрудничества и помощь в расширении «международного пространства» Тайваня: закон «О поездках на Тайвань», закон «Об инициативе по поддержке Азии» (2018 г.) и закон «Об инициативе по международной защите и поддержке союзников Тайваня» (2019 г.).

Сегодня Д. Трамп в преддверии переговоров с Китаем по поводу торговли и тарифов старается занимать демонстративно прагматичную позицию по тайваньскому вопросу, избегая провокационных шагов и заявлений. Вразрез с инцидентом 2016 г., после выборов он не стал общаться напрямую с главой тайваньской администрации Лай Циндэ, а в декабрьском интервью NBC в отличие от Джо Байдена отказался конкретизировать, намерен ли Вашингтон защищать остров в случае нападения Китая. Также представители со стороны Тайваня не присутствовали на церемонии инаугурации Д. Трампа в ротонде Капитолия по причине «нехватки места».

Однако заявления Д. Трампа, многих чиновников его нынешней администрации и однопартийцев дают понять, что курс, направленный на активную поддержку острова, будет продолжен. Как подчеркнул республиканец Майкл Джонсон, спикер Палаты представителей Конгресса США, 5 декабря 2024 г. в телефонном разговоре с Лай Циндэ, «безопасность Тайваня — основа Индо-Тихоокеанской стратегии США». В рамках курса новой администрации по отношению к острову можно ожидать резкого наращивания продаж вооружений, что видится средством как повышения обороноспособности острова, так и решения проблемы дефицита торгового баланса США (Тайвань занимает 6 место среди внешнеторговых партнеров США, с которыми у Вашингтона имеется наибольший торговый дефицит по состоянию на 2024 г.). Потенциальным источником напряженности в китайско-американских отношениях могут стать возврат администрации Д. Трампа к практике высокопоставленных двусторонних визитов с островом, а также какие бы то ни было изменения в официальных формули-

ровках США по тайваньскому вопросу (среди членов его команды есть призывы, в частности, отказаться от формулировки о «неподдержке независимости Тайваня»). Далеко не очевидно, какую позицию займет эта администрация в отношении принимаемых Конгрессом законопроектов, если в них будут содержаться какие-либо провокационные для Пекина формулировки относительно Тайваня.

Таким образом, в следующие четыре года Пекин столкнется с большими рисками и неопределенностью в развитии ситуации в зоне Тайваньского пролива, усугубляемой тем, что у власти на острове сейчас также находится менее «предсказуемый» политик от ДПП Лай Циндэ. В качестве более вероятного варианта развития событий на период до конца 2028 г. автор видит продолжение Пекином попыток стабилизации отношений с США при отстаивании своих интересов по тайваньскому вопросу, политики «кнута и пряника», сочетающей меры военного, дипломатического, экономического давления на власти ДПП при активизации диалога КПК с тайваньской оппозицией. При этом, если противоречия в Тайваньском проливе продолжают эскалировать, Пекин может расширить арсенал давления на остров с помощью деятельности в «серой зоне» такой интенсивности, которая не дала бы достаточного стимула странам Запада для принятия скоординированного жесткого ответа. Возможными вариантами могут стать рутинизация и проведение возле Тайваня затяжных масштабных военных учений, активизация деятельности морской полиции в Тайваньском проливе и вокруг острова для получения большего контроля над этими водами.

И.С. Виноградов. Территориальный спор в ЮКМ остается крайне острой проблемой в современных международных отношениях, став вызовом региональному порядку, основанному на Конвенции ООН по морскому праву.

Геостратегическое значение ЮКМ крайне велико — это кратчайший путь из Индийского океана в Тихий, важнейшая артерия мировой экономики, на которую приходится более трети мировой торговли. Отсюда вытекают риски в случае блокирования узких мест в ЮКМ, прежде всего Малаккского пролива. Данная проблема всегда остро воспринималась в КНР, так как позволяет экономически «придушить» Китай в случае прямого военного столкновения. С военной точки зрения, контроль над судоходством в ЮКМ позволяет сковывать переброску военных кораблей противника между Индийским и Тихим океанами. Отсюда вытекает стратегическая необходимость великих держав контролировать режим судоходства в ЮКМ.

Предметами споров в ЮКМ являются суверенитет над островами архипелага Спратли (Наньша), на который претендуют КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Тайвань; риф Скарборо — оспаривают КНР и Филиппины; Парасельские острова (Сиша) — объект спора между КНР, Тайванем и Вьетнамом. Сопутствующим предметом споров является проблема наложения и разграничения исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа.

Китайские претензии на воды ЮКМ самые большие, которые КНР обозначает в виде U-образной линии, включающей примерно 80 % акватории ЮКМ.

Неопределенный статус принадлежности островов после Второй мировой войны привел к тому, что прибрежные государства стали заниматься samozахватом островов, заявляя о своих исторических правах.

В итоге на сегодняшний день Вьетнам занимает наибольшее количество островов и рифов на Спратли — 29 объектов; Филиппины контролируют 9; Китай — 7, Малайзия — 5 и Тайвань — 1. КНР также контролирует все острова Сиша и отмель Скарборо.

Вплоть до 2010-х гг. территориальный спор носил региональный характер и стороны пытались найти пути к компромиссу.

В 2002 г. был принят промежуточный документ — Декларация о поведении сторон в ЮКМ. Она провозгласила ряд мер доверия и обязала стороны решать свои споры исключительно мирным путем, не прибегая к силе или угрозам ее применения. В настоящее время КНР и АСЕАН продолжают непростую работу над Кодексом поведения сторон в ЮКМ, хотя в силу антиномичности интересов они сосредоточились не на разрешении самого спора как такового, а на выработке мер по недопущению конфликтной ситуации в спорных районах.

Новая эскалация напряженности началась в 2010-х гг. В это время США активизировали политику «возвращения в Азию», резко нарастив дипломатические контакты со странами АСЕАН и укрепив военное сотрудничество с главными оппонентами Пекина по территориальным спорам — Филиппинами и Вьетнамом, активизировали операции по свободе судоходства в ЮКМ.

Ответом на это стала резкая активизация военной деятельности КНР в ЮКМ. В 2012 г. КНР осуществила захват отмели Скарборо в ИЭЗ Филиппин, что позволило Пекину еще больше расширить свое присутствие в восточной части ЮКМ.

С 2013 г. Китай проводит беспрецедентные мелиоративные работы по расширению территории контролируемых им островов в ЮКМ, в разы увеличив их естественную площадь.

Пекин так или иначе милитаризовал все контролируемые им 7 островов в архипелаге Спратли и значительную часть Парасельских островов. На островах создана необходимая военная инфраструктура, включая РЛС, зенитно-ракетные комплексы, вертолетные площадки, казармы, глубоководные порты, кроме того, построены три аэродрома на Спратли и два на Парасельских островах.

В это же время остров Хайнань становится ядром китайского военного присутствия в ЮКМ. Здесь расположена база ВМС Юйлинь, включающая в себя причалы и доки для авианосцев, подземную базу для подлодок. Весь военно-морской комплекс защищен противокорабельными и зенитными ракетными батареями и ВВС.

Таким образом, Пекин создал своего рода морской укрепрайон в ЮКМ. Все это достаточно трудно нейтрализовать и во время потенциального конфликта в ЮКМ или в Тайваньском проливе дает Китаю определенные преимущества, в том числе в превентивном ракетном ударе.

На современном этапе для отстаивания заявленного суверенитета в ЮКМ Пекин эффективно применяет тактику «серой зоны» — небоевого силового вы-

теснения нарушителей территориальных вод с помощью кораблей береговой охраны при поддержке народного морского ополчения.

Еще до недавнего времени ситуация развивалась вялотекущим образом с взаимными обвинениями при неуклонном росте военного присутствия КНР. Вьетнам и Филиппины также по примеру КНР в последние годы стали заниматься активным расширением и милитаризацией контролируемых островов, хотя и в значительно меньших масштабах, однако серьезных обострений не было.

Ключевым событием стал американский поворот Филиппин при новом президенте Фердинанде Маркосе-младшем с конца 2022 г. Филиппины сознательно перешли к курсу на провоцирование КНР в спорных водах, тем самым отстаивая свои территориальные претензии. Манила и Вашингтон значительно расширили договор о взаимной обороне 1951 г. Теперь обязательства по взаимной обороне будут распространяться при вооруженном нападении на любую страну «где-либо в ЮКМ», включая нападения на береговую охрану.

Филиппины стали активно привлекать новых партнеров (прежде всего Японию и Австралию) для поддержки их претензий в ЮКМ и совместного патрулирования спорных вод.

В целом Маркосу уже удалось сплотить неформальный союз для защиты прав на острова и акватории ЮКМ, при этом подвергая Филиппины военной угрозе в случае прямой конфронтации.

Конфронтационная политика руководства Филиппин вызывает крайне негативную реакцию КНР и может послужить опасным фактором войны в регионе. Пекин с 2023 г. гораздо жестче оказывает давление на филиппинские гарнизоны в ЮКМ, всячески препятствуя их снабжению. Таким образом, возникает ситуация, при которой гипотетический инцидент с береговой охраной Филиппин со смертельным случаем может рассматриваться как повод для вступления в силу договора о безопасности с США, что делает ситуацию в ЮКМ непредсказуемой и взрывоопасной.

Е.С. Бурова. АСЕАН представляет собой один из самых динамично развивающихся регионов мира с большим экономическим потенциалом. На долю АСЕАН приходится 3,2 % мирового валового внутреннего продукта, 11,4 % глобальной торговли и 8,5 % населения планеты, а среднегодовые темпы роста существенно превышают средние показатели по миру¹. Однако в настоящее время регион сталкивается с целым рядом проблем. Это и хрупкое восстановление, включая экономические и финансовые сложности, неустойчивость цепочек добавленной стоимости, традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, воздействие изменений климата и стихийных бедствий.

В 2022—2023 гг. в экономической жизни стран ЮВА отмечено замедление темпов роста, что во многом вызвано резким снижением спроса на мировых рынках, экспорт сократился на 8 % по региону². Сокращение международных за-

¹ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH-TH-ID-SG-VN-MY> (дата обращения: 20.03.2025).

² ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения: 20.03.2025).

казов вызвало снижение индексов деловой активности и промышленного производства. Индекс PMI в 2022—2023 гг. показал заметную волатильность и демонстрировал положительные показатели выше 50 п. лишь в Камбодже и на Филиппинах. Одновременно замедлился рост внутреннего спроса, что вызвано отложенным постковидным эффектом. Инфляция держится на умеренном уровне. На рынке труда региона Таиланд, Малайзия, Вьетнам демонстрируют снижение занятости, тогда как Камбоджа и Филиппины расширяют рабочие места ввиду роста деловой активности и промышленного производства.

Страны АСЕАН сталкиваются с вызовами, связанными с повышением эффективности и производительности своих экономик. В связи с этим внутрирегиональный раздел продукции, более свободное движения товаров и услуг, квалифицированной рабочей силы и капитала становятся важнейшим инструментом для достижения намеченных целей. Заметную роль в этом процессе играют цепочки добавленной стоимости (ЦДС), которые выступают в качестве стимулятора производственных и торговых связей в регионе. Активное участие в ЦДС и продвижение в более высокотехнологичные и наукоемкие производства по-прежнему является стратегической целью АСЕАН.

В регионе интеграционной инициативой владеет Китай, делая ставку на максимальное вовлечение региональных партнеров в ЦДС с участием китайских компаний и банков, повышение зависимости от китайского рынка и поставок, рост взаимной торговли, что способствует увеличению масштабов торговли в национальных валютах. Экономике стран региона сильно зависят от Китая в плане промежуточных ресурсов и прямых иностранных инвестиций, что заставляет их проявлять осторожность в отношении угрозы их отношениям с Пекином.

Усиливающаяся напряженность между США и КНР нарушает сложившуюся в регионе систему экономических связей, поскольку Вашингтон стремится исключить Пекин из определенных передовых технологий и создать цепочки поставок, которые не зависят от Китая.

Встраивание в международные ЦДС по-прежнему остается важным источником экономического роста и технологического развития, и его принципиально важно использовать России. Процесс переформатирования и укрепления ЦДС открывает возможность для России нарастить сотрудничество с АСЕАН в условиях обострения геополитической напряженности. Одним из элементов этих цепочек могут стать и российские предприятия в тех секторах, где российские товары конкурентоспособны или имеют мало аналогов.

Значимость сотрудничества России со странами АСЕАН только выросла после разворота российской экономики на Восток. Налицо возобладание позитивного тренда во взаимной торговле с этим регионом. В первом квартале 2024 г. наблюдался ее рост на 33 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года¹. Наши торговые отношения сейчас не сбалансированы и носят профицитный для России характер. Это лишний раз подчеркивает потенциал рынка ЮВА, который использован далеко не в полной мере. Его реализация в настоящий момент ограничена проблемами в логистике и взаиморасчетах.

¹ ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения: 20.03.2025).

Однако анализ динамики и структуры товарных потоков показывает, что они в большей степени находятся в зависимости от мировой конъюнктуры и тенденций внутреннего развития, нежели санкционного давления. Как показывают исследования, экономические санкции значимы в краткосрочной перспективе, но неэффективны в долгосрочной перспективе, поскольку затронутая страна обычно адаптируется к новой ситуации, ищет возможные пути обхода санкций.

Ряд товарной номенклатуры расширился под воздействием возрастающего спроса и роста тех или иных отраслей вопреки логистическим и финансовым сложностям. Лишь отдельные отрасли, которые в большей степени вовлечены в участие в глобальных производственно-сбытовых цепочках, сильнее подвержены воздействию санкций.

С.И. Болонова. Таиланд выступает заметным игроком в Юго-Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе в целом, учитывая его договорный статус союзника США, вторую по величине экономику ЮВА и традиционную роль дипломатического балансира между интересами крупных держав в регионе. Таиланд как ключевой игрок АСЕАН оказывает решающее влияние на региональные события в ЮВА, а также выступает в роли центра современного сотрудничества в области безопасности, о чем свидетельствует проведение ряда совместных военных учений.

Как правило, внутренние детерминанты определяют внешнюю политику любой страны. В случае Таиланда эта тенденция особенно остра и заметна, потому что она в преимущественно буддийском королевстве с 70-миллионным населением и местоположением в естественном центре ЮВА традиционно устанавливала баланс между колониальными интересами внешних игроков и глобальными конфликтами.

Последние два десятилетия страна переживала волнения и потрясения: пять завершённых выборов, два военных переворота, ряд судебных процессов на фоне уличных протестов. Вследствие названной внутривластной нестабильности Таиланд остается неустроенным, несбалансированным и готовым вступить в очередной раунд конфронтации в обозримом политическом будущем.

Вследствие названных факторов внешняя политика Таиланда была вынуждена более склоняться к Китаю. Тем не менее когда США сбалансировали свои национальные интересы и демократические ценности, Таиланд своевременно «перекалибровался» и стал позиционировать себя ближе к западным демократиям, при этом не отталкивая КНР.

Три внутренних фактора политической жизни Таиланда: власть военных, монархия и бюрократия — в противостоянии с прогрессивными оппонентами из политических партий и гражданскими лицами, требующими демократии, определяют ближайшую перспективу. Если не будут проведены реформы традиционных институтов для удовлетворения народных демократических требований и ожиданий XXI в., Таиланд рискует скатиться к долгосрочной автократии и экономической стагнации.

Еще одним важным фактором является личность премьер-министра, поскольку она в значительной степени определяет внутреннюю политику Таилан-

да. Что касается последних политических событий, то отстранение последнего премьер-министра Сеттху Тхависина расценивается как неудача, потому что пришлось перезапустить весь аппарат правительства и начатые дипломатические инициативы. Администрация нового премьер-министра, госпожи Пхетхонгтхан Чинават, в значительной степени обесценила год работы и прогресса под руководством Тхависина.

По оценкам экспертов, Чинават — человек в политике относительно новый и неопытный. Вместо того чтобы обратить внимание на реальные глобальные проблемы, премьер-министр делает акцент на использовании мягкой силы Таиланда. Здесь речь идет о брендинге Таиланда на международном уровне: распространение тайской еды, культурного наследия, проведение различных фестивалей. Это имеет задатки отличной кампании по распространению туризма, но не является заменой реальной внешней политики.

Тонкое балансирование Таиланда на геополитическом фоне между США и КНР следует рассматривать, учитывая и другие державы в регионе, такие как Япония и Австралия. Неверно определять внешнюю политику Таиланда в бинарных терминах между США и Китаем.

Часто внешнюю политику Таиланда характеризуют как адаптивную, «бамбуковую» дипломатию. Однако некоторые эксперты полагают, что по мере смены правительств с различными идеологиями: от военных до гражданских, от прогрессивных до консервативных, — так называемая гибкость превратилась в навязчивую идею фикс и явное оправдание откровенного оппортунизма. Приоритетность этой гибкости затмила любую видимую суть во внешней политике Таиланда.

Вследствие сказанного не удивительно, что тайская политика остается туманной и нестабильной. Военные и консервативные элиты по-прежнему находятся у власти, но вынуждены прибегать к конституционным механизмам и полагаться на внепарламентскую помощь: решения Конституционного Суда, избирательной комиссии, Национальной антикоррупционной комиссии. Коалиция, или треугольник «военные, монархия, бюрократия», которая по-прежнему правит бал, будет подвергаться все более растущему давлению со стороны электората, требующего политического представительства и развития страны в XXI в. Соответственно, стратегическая роль Таиланда в регионе будет во многом определяться его внутривнутриполитическими маневрами.

За последние три десятилетия внутривнутриполитической нестабильности Таиланд часто расценивали как лидера ЮВА, недостаточно реализующего свой потенциал. Дипломатическое влияние страны не было соизмеримо с ее размером или статусом одной из основательниц АСЕАН. С другой стороны, на фоне усиливающегося соперничества между глобальными державами стратегические игры Таиланда скорее всего будут продолжаться до тех пор, пока США продвигают свою «ценностную» повестку. Китай является постоянной переменной во внешнеполитической жизни Таиланда. Пекин гораздо эффективнее работает с авторитарными режимами, извлекая из них больше выгоды.

Таиланд, как и некоторые соседи по региону, всегда будет искать свое автономное пространство, учитывая баланс сил великих держав. При этом королев-

ство обладает необходимым весом для оказания влияния на решение вопросов, вызывающих региональные озабоченности. Но это мало что значит без политической согласованности и стабильности.

Е.А. Козлова. В условиях глобальной конкуренции за влияние Китай активно использует инструменты мягкой силы для укрепления своих позиций в Центральной Азии (ЦА) после небольшого затишья в ходе пандемии. Традиционно символом китайской мягкой силы считаются Институты Конфуция (ИК), продвигающие язык и культуру страны. Тем не менее на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что инструменты КНР ограничиваются только ИК: в регионе активно развивается система академий «Хуавэй», открываются «мастерские Лу Баня», проникает и «стадионная дипломатия» КНР, реализуются совместные научные проекты, в том числе в сфере медицины. Отдельным направлением являются гуманитарные инициативы, реализуемые под эгидой проекта «Пояс и путь».

Несмотря на многообразие инициатив, китайская культурная дипломатия сталкивается с рядом сложностей. В первую очередь, это связано с отсутствием четкого идеологического посыла. Безусловно, за время пребывания у власти председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул ряд концептов (например, «общество единой судьбы» и др.), которые активно используются во внешней политике страны, однако остаются размытыми концепциями, что затрудняет их восприятие как альтернативы западным моделям.

Китайские медиа также активно продвигают нарративы о «братстве» и исторических связях с ЦА, но эти лозунги лишены конкретной идеологической основы. Кроме того, упоминания «вековой дружбы» игнорируют сложное прошлое, например геноцид джунгар в XVIII веке. В этом смысле сравнения с Россией (языковая близость) или Турцией (культурно-религиозные связи) лишь подчеркивают абстрактность китайского дискурса. При этом важно отметить, что китайские эксперты понимают опасность упора на исторические связи, поскольку наблюдают за формированием антироссийского дискурса о так называемой деколонизации и призывают с осторожностью использовать нарративы об общем историческом прошлом Китая со странами ЦА.

КНР позиционирует целевую аудиторию своей мягкой силы, в первую очередь, как элиты государств, на которые она направлена. Тем не менее остается без внимания такая важная социальная группа, как молодежь, готовящаяся занять место элит через 15–20 лет. На данный момент влияние политики КНР на молодых людей региона за редким исключением не выходит за рамки культурно-образовательных проектов, которые не реализовались на должном уровне. Важно при этом отметить, что регион ЦА по оценкам международных организаций занимает одно из самых высоких мест по уровню потенциала человеческого капитала.

Наконец, китайская мягкая сила гиперцентрализована: почти все проекты контролируются государством или связанными с ним структурами. Частные фонды (которых не так уж и мало), в отличие от американских или европейских, действуют преимущественно внутри КНР, что ограничивает их влияние за рубе-

жом. Это создает, в свою очередь, зависимость от политической конъюнктуры, а во-вторых, жесткая привязка к государственной повестке делает китайские инициативы уязвимыми для восприятия как инструмента давления, а не культурного обмена.

В заключение необходимо отметить, что если по последнему тезису о гиперцентрализации на данный момент ожидать изменений не представляется возможным (в частности, в программных заявлениях о переходе к дискурсивной силе, напротив, провозглашается дальнейшее укрепление роли государства), то в отношении других «слабых мест» в китайской политике есть основания предполагать своеобразную «работу над ошибками», на основании той, что была проделана руководством КНР после ряда неудач с внедрением классических инструментов мягкой силы. Как показывает нарастающая дипломатическая активность Пекина в регионе, Центральная Азия по-прежнему остается приоритетом, от которого КНР не собирается отказываться.

Е.С. Меньшикова. Африка южнее Сахары (АЮС) становится ключевым геополитическим пространством для реализации внешнеполитических стратегий западных и восточных государств. Модель международного сотрудничества с данным регионом трансформируется от равноправного экономического партнерства к модели «донор—реципиент». Страны Востока особенно активно развивают экономические отношения, включая расширение торговых потоков и реализацию инфраструктурных инициатив.

Китай как ключевой участник на африканском континенте демонстрирует высокую активность в АЮС, что оказывает существенное влияние на динамику экономического развития в этом регионе.

В рамках исследования проанализировано влияние Китая на страны Африки южнее Сахары с точки зрения «дискурсивной силы», обеспечивающей продвижение китайских стандартов в различных областях.

Пекин, сотрудничая с африканскими странами, использует общее историческое колониальное прошлое, а также заявляет об общности идей (например, «общество единой судьбы Китая и Африки») и о единстве «китайской и африканской мечты». При взаимодействии с АЮС Пекин делает акцент на общих исторических корнях, взаимозависимости развивающихся стран, а также на схожести идеологических нарративов.

Китайская внешнеполитическая стратегия в отношении этого региона основывается на принципах равенства, взаимовыгодного сотрудничества и на невмешательстве во внутренние дела суверенных государств.

Китай активно укрепляет свое присутствие в Африке, в том числе в рамках развития инфраструктурных проектов. КНР в АЮС не только имеет доступ к природным ресурсам, но и осуществляет через континент поставки своих товаров, гуманитарных грузов, (в том числе через продвижение китайской инициативы «Один пояс, один путь»). Если раньше Африка была «поставщиком ресурсов» в рамках сотрудничества с КНР, то теперь стала «потребителем высокотехнологичной продукции» с китайского рынка. Кроме того, Китай в АЮС реализует

«Цифровой Шелковый путь» с современными технологиями, «Зеленый Шелковый путь» в целях усиления экологической повестки.

Китай также активно предоставляет финансовую помощь в виде кредитов и займов странам АЮС. В условиях невозможности африканскими странами погасить задолженность Китай действует по схеме «ресурсы в обмен на развитие инфраструктуры», что позволяет ему укреплять позиции на континенте.

КНР развивает образовательные и научные учреждения, распространяет китайские технологии, например «Мастерские Лу Баня», которые направлены на подготовку квалифицированных специалистов. В настоящее время в Африке открыто 11 «Мастерских Лу Баня».

Кроме того, в рамках принятого Китаем и африканскими странами «Плана действий на 2025—2027 годы» Пекин будет развивать «Взаимное обучение цивилизаций», или обмен опытом в сфере управления. В частности, КНР планирует создавать центры по изучению Китая и Африки, приглашать на обучение африканских политиков. Также в планах — построить китайско-африканский центр сотрудничества в области цифровых технологий: на его базе Пекин собирается продвигать в Африке проекты по развитию цифровой инфраструктуры. Китай построит инженерные школы, создаст региональные центры цифрового образования в целях продвижения программы «Культурного Шелкового пути».

Наиболее актуальным в последнее время стало развитие цифровых технологий. Китай в АЮС продвигает «Цифровой шелковый путь», заявляет, что продолжит сотрудничество в цифровой сфере с африканскими странами и будет помогать им в построении «Цифровой Африки». Компании Huawei и ZTE разрабатывают телекоммуникационное оборудование, а также предоставляют услуги по созданию мобильных сетей связи и интернет-инфраструктуры в АЮС.

Таким образом, Китай реализует идеологический дискурс в отношении стран АЮС, в основе которого общность исторического колониального опыта и «китайская и африканская мечта». Инфраструктурные проекты в странах АЮС способствуют распространению китайских технологических и образовательных стандартов, что затрудняет внедрение альтернативных моделей развития в этом регионе. В этом ключе целесообразно обратить внимание на усилении российских механизмов, в том числе посредством «дискурсивной силы».

Китай в (де)глобализирующемся мире: вопросы экономики

Т.М. Мамахатов. С приходом к власти в Афганистане нового правительства движения «Талибан» (организация признана террористической и запрещена в России) становится актуальным расширение уже традиционного китайско-пакистанского сотрудничества и на эту страну. Китай на сегодня занимает наиболее выгодную позицию в отношениях с новым правительством Афганистана, тем самым имея наиболее благоприятные позиции по взаимодействию и сотрудничеству с талибами в регионе. Совсем недавно президент Пакистана Асиф Али Зардари совершил пятидневную поездку в Китай. Целью переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Ли Цяном были торгово-экономические от-

ношения и развитие экономического коридора, идущего из Кашгара, северо-западного региона Китая, к Индийскому океану, и обеспечение безопасности¹. Маршрут также включает в себя ранее недоступные территории Афганистана.

Новая власть в стране делает возможным строительство «китайско-афганско-пакистанского экономического коридора» между Китаем, Афганистаном и Пакистаном. Даже старое афганское правительство всегда поддерживало и активно участвовало в создании китайской инициативы «Пояса и Пути». С тех пор как Китай и Афганистан подписали Меморандум о взаимопонимании ОПОП в 2016 г., поддержка и инвестиции Китая в значительной степени способствовали экономическому развитию и социальному строительству Афганистана. После прихода к власти талибов в 2021 г. они публично заявили о своей поддержке инициативы ОПОП и надежде присоединиться к строительству «китайско-пакистанского экономического коридора».

Если говорить о привлекательности проекта, то «Один пояс, один путь» должен обеспечить Афганистану развитие и процветание, включив эту страну в продолжение китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), важного элемента инициативы. Этот проект позволил бы построить и развить инфраструктуру страны, завершить такие проекты, как например «Амударья».

Контролирующее Афганистан движение «Талибан» договорилось с Китаем и Пакистаном о включении Кабула в китайскую инициативу «Один пояс, один путь», что позволит стране, находящейся под санкциями ООН и США, привлечь миллиардные инвестиции на финансирование инфраструктурных проектов².

Еще в мае 2023 г. правительства Китая и Пакистана договорились вместе работать над восстановлением Афганистана, в том числе при помощи включения страны в Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Он включает в себя несколько инфраструктурных проектов, которые Пекин реализует в Пакистане, стоимостью в 60 млрд долл. Пакистанские власти называют КПЭК передовым проектом в рамках «Одного пояса, одного пути».

Во встрече в Исламбаде участвовал также глава МИД Афганистана Амир Хан Муттаки. Китайские и пакистанские чиновники уже ранее обсуждали расширение КПЭК и включение в проект Афганистана, и правительство талибов выразило готовность принять в нем участие.

КНР является одним из главных инвесторов в экономику страны. Пекин инвестировал в добычу полезных ископаемых в Афганистане еще в 2007 г., когда китайские компании Jiangxi Copper и концерн Metallurgical Corporation of China получили права на разработку медного месторождения Айнак, но несмотря на то, что Китай выиграл тендер по Айнаку, все последующие годы реализация проекта всячески тормозилась в связи с бюрократическими проволочками, возникающими со стороны тогдашнего правительства страны.

¹ Визит президента Пакистана в Китай. URL: https://www.ng.ru/courier/2025-02-09/12_9188_pakistan.html (дата обращения: 10.02.2025).

² Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь». URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a794727385326031> (дата обращения: 15.05.2023).

Кроме того, в начале прошлого года талибы заключили контракт сроком на 25 лет с китайской компанией Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas на добычу нефти в бассейне реки Амударья. Предполагаются ежегодные инвестиции в размере 150 млн долл. в год, через три года сумма должна достигнуть 540 млн долл.¹

Инвестиции Китая в стране направляются в основном в добычу полезных ископаемых. Это комплексное взаимовыгодное сотрудничество и помощь развитию экономики страны. КНР крайне заинтересована в дальнейшем повышении уровня безопасности в стране и укрепления стабильности, чему способствует снижение бедности и безработицы, в том числе и через создание рабочих мест, что, в свою очередь, будет оказывать позитивное воздействие на инвестиционный климат и последующее развитие.

Китайцы активно развивают торговые и логистические отношения. Помимо добычи целого ряда редкоземельных металлов Китай заинтересован в проекте «Один пояс, один путь» и, в частности, уже есть действующий маршрут из КНР в Пакистан через Афганистан. Так, 10 февраля 2025 г. со станции Туаньцзесунь города Чунцин в город Хайратон Афганистана отправился грузовой поезд, что ознаменовало запуск первого прямого железнодорожного маршрута, соединяющего юго-запад Китая с Афганистаном².

Поезд, перевозящий 55 контейнеров с коммуникационным оборудованием, произведенным китайским телекоммуникационным гигантом ZTE, пересечет госграницу на КПП Хоргос в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и достигнет места назначения в Хайратоне через территории Казахстана и Узбекистана. Весь путь займет всего 2 недели.

А.Г. Зуева. Внешнеполитические связи Республики Корея (РК) и КНР с 2022 г. переживали период спада по ряду причин. С приходом к власти президента Юн Сок Еля Сеул сконцентрировал усилия на укреплении американо-южнокорейских отношений. Внешнеполитическая стратегия Южной Кореи и ее активное участие в военно-политических инициативах, возглавляемых Вашингтоном привели к тому, что антикитайские настроения росли в обществе на протяжении последних трех лет.

Действительно, данная тенденция имела место и до 2022 г., однако нарастающее соперничество между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе, проблемы в межкорейском диалоге повлияли на отношения Пекина и Сеула. Кроме этого, руководство РК ставило перед собой амбициозную задачу по сокращению экономической зависимости от Китая. Для Южной Кореи КНР являлся главным торговым партнером на протяжении более 12 лет.

¹ Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана. URL: <https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavoiv-dipmissii-afganistana> (дата обращения: 15.05.2024).

² Первый поезд из Китая в Афганистан. URL: <https://1hut.ru/economic/2025/02/iz-kitaia-v-afganistan-zapushen-priamoi-gryzovoi-j-d-marshryt-cherez-kazahstan-i-uzbekistan/> (дата обращения: 10.02.2025).

С тех пор как Южная Корея и Китай установили дипломатические отношения в 1992 г., годовой объем торговли между двумя странами, согласно статистике Корейской торговой ассоциации, вырос с 6 млрд долл. до чуть более чем 300 млрд долл. в 2022 г.

Несмотря на попытки южнокорейского руководства сократить экономическую зависимость от Китая, КНР остается главным торговым партнером Республики Корея. По итогам 2024 г. стоимостный объем экспорта в Китай составил 133 млрд долл., увеличившись на 6,5 % по сравнению с объемами южнокорейского экспорта в 2023 г. Что касается импорта товаров из Китая, то он, как и годом ранее, превышает размеры экспорта и составляет 139,8 млрд долл.¹ Сложившийся дефицит торгового баланса в пользу КНР является в том числе результатом внешнеэкономической политики РК по наращиванию объемов экспорта в США, особенно товаров, попадающих в категории, связанные с американским законом по борьбе с инфляцией, таких как автомобили и аккумуляторы. В случае с Китаем большую часть торгового объема занимают полупроводники и микросхемы. Именно падением спроса на высокотехнологичную продукцию южнокорейские эксперты объясняли сокращение экспорта в Китай.

Кроме этого, значительно сократились объемы южнокорейских инвестиций в Китай, одновременно с этим продолжался их рост в экономику в США. В 2023 г. ПИИ Южной Кореи в Китай составили 1,9 млрд долл., в то время как ПИИ в США² выросли примерно на 180 % по сравнению с 2022 г. и составили 27,7 млрд долл.

Ситуация начала меняться в 2024 г., когда Сеул и Пекин несмотря на значительные расхождения во взглядах на безопасность в мире и в регионе активизировали двусторонние контакты. Наиболее благоприятной сферой для развития связей в настоящий момент представляется торговля, сотрудничество малых и средних предприятий (МСП) и туризм. Положительным событием на данном направлении стала отмена виз для граждан Южной Кореи при поездках в Китай до 31 декабря 2025 г. После введения этой меры туристическая отрасль КНР ожидает значительного роста турпотока из Республики Корея. Тем не менее, несмотря на оживление экономического сотрудничества, будущее двусторонних отношений Пекина и Сеула во многом зависит от южнокорейского внешнеполитического курса и позиции администрации Д. Трампа по Китаю и Корейскому полуострову.

Что касается торгово-экономических связей РК и КНР, то наиболее неблагоприятным сценарием для них станет введение новых торговых барьеров со стороны США. В настоящий момент Пекин и Сеул все еще заинтересованы в развитии экономического сотрудничества. После завершения политического кризиса в Республике Корея у китайско-южнокорейских связей появится шанс вернуться к активному двустороннему сотрудничеству на экономическом направлении.

¹ Trade statistic. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do# (дата обращения: 22.02.2025).

² Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/>(дата обращения: 22.02.2025).

А.А. Ковалева. Холодная война с ее биполярной системой международных отношений, подразумевающей разделение сфер влияния между двумя государствами — СССР и США, и прокси-войнами, происходившими в разных частях мира с 1946 по 1991 г., закончилась четверть века назад. Однако в СМИ и экспертной научной литературе все чаще говорят о повторении Холодной войны, одним из симптомов которой называют развязанную президентом США Д. Трампом в 2018 г. торговую войну. Актуальность сравнения, как и обсуждение вступления международных политических и экономических отношений в фазу Холодной войны, усилил факт повторного избрания Трампа на должность президента США в 2024 г. и его инаугурация в начале 2025 г.

Сравнение холодной и торговой войн, безусловно, не совсем корректно, поскольку первая подразумевает напряжение во всех сферах международных отношений, тогда как торговая война — симптом ухудшения в первую очередь экономических отношений двух стран, в данном случае США и КНР.

Д. Трампа часто сравнивают с Р. Рейганом, однако это сравнение довольно поверхностно и не выдерживает критики. В частности, нельзя ставить знак равенства между рейганомикой и трампомикой, в целом, экономическая политика двух президентов имеет мало общего. При этом торговая война — политический лозунг компании Д. Трампа, способный изменить всю систему внешней политики США. Р. Рейган, напротив, не развязывал Холодную войну, а лишь продолжил дело своих предшественников в международных отношениях.

Ухудшение экономических отношений КНР и США происходит в сложных условиях: Китай накопил достаточно большой американский долг. При этом США обвиняют Китай в несправедливой торговле, которая привела к дефициту торгового баланса между этими странами, что означает симбиоз двух государств, который еще называют Кимерикой.

На наш взгляд, мы можем говорить о триполярной или многополярной системе международных отношений. Использование экспертами метафоры Холодная война — признак продолжающегося напряжения между крупнейшими мировыми экономиками, что после прихода к власти Трампа означает охлаждение в отношениях КНР и США и потенциальный выход торговой войны за рамки исключительного экономического или торгового противостояния. В результате этого противостояния экономики США и КНР теряют позиции, а их торговые партнеры увеличивают свое влияние за счет перераспределения торговых потоков.

В.И. Жириков. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество выдержало заметные изменения после событий 2014 г., когда введение первого пакета западных санкций в марте и последующее выступление Президента РФ В.В. Путина в мае на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Шанхае обозначили новый этап в развитии двусторонних отношений.

1. Трансформация объемов и направлений китайских ПИИ в Россию после 2014 г.

Анализ динамики прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Китая в Россию за период 2014—2023 гг. демонстрирует значительные изменения как в объе-

мах, так и в географической структуре инвестиционных потоков. Для понимания масштаба произошедших изменений рассмотрим динамику объемов китайских ПИИ в российскую экономику (табл. 1).

Таблица 1. Динамика притоков китайских ПИИ в Россию (2014—2023 гг.)

Год	Объем притока ПИИ (млн долл.)	Темп прироста (%)
2014	633,56	-38,0
2015	2960,86	367,3
2016	1293,07	-56,3
2017	1548,42	19,7
2018	725,24	-53,2
2019	-379,23	-152,3
2020	570,32	250,4
2021	-1072,3	-288,0
2022	146,45	113,7
2023	312,64	113,5

Источник: составлено автором по данным¹.

2. Секторальные сдвиги в структуре инвестиционного сотрудничества (анализ ключевых отраслей)

Таблица 2. Динамика отраслевой структуры накопленных китайских ПИИ в России по секторам экономики, 2014—2023 гг. (млн долл.)

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*	2021*	2022*	2023*
Добыча полезных ископаемых	796,0	5587,6	6181,9	6591,5	6672,9	5434,6	5650,4	5820,6	6052,3	6215,3
Сельское, лесное хозяйство	2099,7	2462,9	3006,7	2701,7	3028,6	2831,7	2945,8	3052,4	3186,5	3256,4
Обрабатывающие производства	2747,8	3112,6	1156,6	1574,1	1759,6	1620,8	1685,6	1725,4	1798,2	1842,5
Недвижимость	566,4	371,4	371,6	403,5	393,1	312,7	325,2	338,2	352,7	368,4
Лизинг и коммерческие услуги	979,1	1315,3	1116,4	924,0	898,6	871,6	906,5	942,7	980,4	1019,6
Строительство	274,9	313,0	238,2	297,7	297,8	234,0	243,4	253,1	263,2	273,7
Оптово-розничная торговля	374,8	423,3	405,9	483,7	429,0	367,4	382,1	397,4	413,3	429,8
Финансовая деятельность	762,4	231,0	314,3	495,1	411,8	585,8	645,2	725,6	828,4	892,3

¹ Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / К.В. Бабаев, А.В. Кортунов, И.Е. Денисов и др.; Российский совет по международным делам (РСМД); Институт Китая и современной Азии РАН; Институт международных исследований Фуданьского университета. М.: НП РСМД, 2023. 204 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*	2021*	2022*	2023*
Энергетика (производство и распределение)	36,5	107,8	64,6	28,0	16,8	22,5	23,4	24,3	25,3	26,3
Логистические услуги	23,1	25,6	32,0	79,1	80,3	67,9	70,6	73,4	76,3	79,4
Научные исследования и технологии	9,7	36,5	51,6	151,5	142,6	358,9	412,3	456,8	492,4	527,6
Информационные технологии	15,9	18,1	18,3	111,4	54,1	82,0	85,3	88,7	92,2	95,9

Источник: составлено автором по данным¹.

Результаты

Трансформация отраслевой структуры китайских прямых инвестиций в российскую экономику, наблюдаемая в период после 2014 г., была обусловлена, прежде всего, ухудшением геополитических отношений Российской Федерации с западными странами, сопровождавшимся введением антироссийских санкций. Это повлияло на желание Москвы укрепить экономическое сотрудничество с Пекином, особенно в стратегически значимых секторах, таких как энергетика и военно-промышленный комплекс. В свою очередь, рост китайской экономики стимулировал увеличение спроса КНР на импорт энергоресурсов и сырья из России. Например, в период с 2014 по 2022 гг. объем российского экспорта нефти в Китай увеличился в 6,7 раза, достигнув 86,2 млн т по сравнению с 12,8 млн т в 2014 г.

Кроме того, Пекин стремился минимизировать политические риски, связанные с инвестированием в российскую экономику, путем установления прочных связей с влиятельными представителями российского бизнеса. В качестве примера можно привести компании «Новатэк» и «СИБУР», на которые пришлось 33 % всех китайских ПИИ в Россию в период с 2011 по 2024 гг., что составило 8,7 млрд долл.

Однако несмотря на активизацию сотрудничества в сырьевых отраслях и готовность Китая, ПИИ в высокотехнологичные секторы российской экономики оставались ограниченными. Это объяснялось высокой уязвимостью этих отраслей к западным санкциям, ограниченным доступом к передовым технологиям и институциональными барьерами в РФ. В результате доля обрабатывающей промышленности в структуре китайских ПИИ сократилась с 30 % в 2014 г. до 12,2 % по состоянию на IV квартал 2024 г.

Таким образом, наблюдаемая трансформация отражает как изменения в геополитической конъюнктуре, так и структурные особенности экономического взаимодействия между двумя странами.

¹ Сенюк Н.Ю. Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР / Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Strategic research, 2023. С. 305—317.

Дун Чжэнья. В докладе рассматриваются три ключевых блока: сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс, один путь»; существующие проблемы сопряжения и перспективы кооперации.

1. Сотрудничество ЕАЭС и ОПОП

Сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Один пояс, один путь» — процесс постепенного углубления и расширения, охватывающий несколько этапов: от первоначальных контактов до реализации конкретных проектов.

Предварительные контакты и формирование консенсуса. В мае 2015 г. РФ и КНР подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, что ознаменовало официальное установление отношений сотрудничества между двумя сторонами.

Создание механизма сотрудничества. В 2018 г. Китай и страны — члены ЕАЭС совместно подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое обеспечивает институциональные гарантии двустороннего сотрудничества.

Переход к этапу осуществления. В феврале 2023 г. ЕАЭС и КНР подписали дорожную карту, направленную на укрепление торгово-экономического сотрудничества.

Стратегическое сотрудничество достигло значительных результатов в таких областях, как транспорт, энергетика, инфраструктурное строительство, оно не только способствует региональному экономическому развитию, но и вносит позитивный вклад в безопасность и процветание Евразии.

2. Проблемы, стоящие перед ЕАЭС и ОПОП

Существующие проблемы сопряжения можно отнести к трем группам: трудности, возникающие внутри Евразийского экономического союза; вмешательство стран Запада, в том числе США, и возникающее недопонимание со стороны экспертного сообщества РФ и КНР.

Развитие ЕАЭС сдерживается тремя факторами: экономическими диспропорциями, однородностью промышленности, инфраструктурными трудностями.

Возглавляемые США западные страны вмешиваются в экономическое сотрудничество в области сопряжения ЕАЭС и ОПОП, продвигая во всем мире процессы декитаизации и дерусификации. Так, 9 января 2025 г. правительство Армении поддержало законодательную инициативу прозападных сил, официально запустив процесс вступления в ЕС.

Согласно китайскому взгляду, в России сохраняются опасения в отношении ОПОП. Хотя высшее руководство РФ высоко оценивает китайскую инициативу, среди российской элиты, в том числе в академических кругах до сих пор существуют глубоко укоренившиеся сомнения. Аналогичная проблема существует и в Китае: как среди элиты, так и в экспертном сообществе.

3. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и ОПОП

Укрепление сотрудничества Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь» может начинаться с политических, экономических и культурных аспектов. В частности, создание механизмов многосторонней коо-

перации путем укрепления политического взаимодоверия; углубление экономического сотрудничества, особенно в области инфраструктуры, торговли и инвестиций; повышение гуманитарных обменов и кооперации в области культуры, образования и туризма.

Ван Ичунь. «Низкая высота» — экономическая система, которая формируется в пространстве на высоте от 1000 до 3000 м вокруг различных видов пилотируемых и беспилотных самолетов, а также связанных с ними услуг и технологий. В последние годы рост китайской экономики обусловлен бурным развитием технологий, таких как беспилотники, eVTOL (электрический самолет с вертикальным взлетом и посадкой), городское воздушное сообщение и т. д. Применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) широко распространено: они являются важным направлением технологических инноваций, ведущим пунктом роста будущих городов и новым стимулом экономического развития.

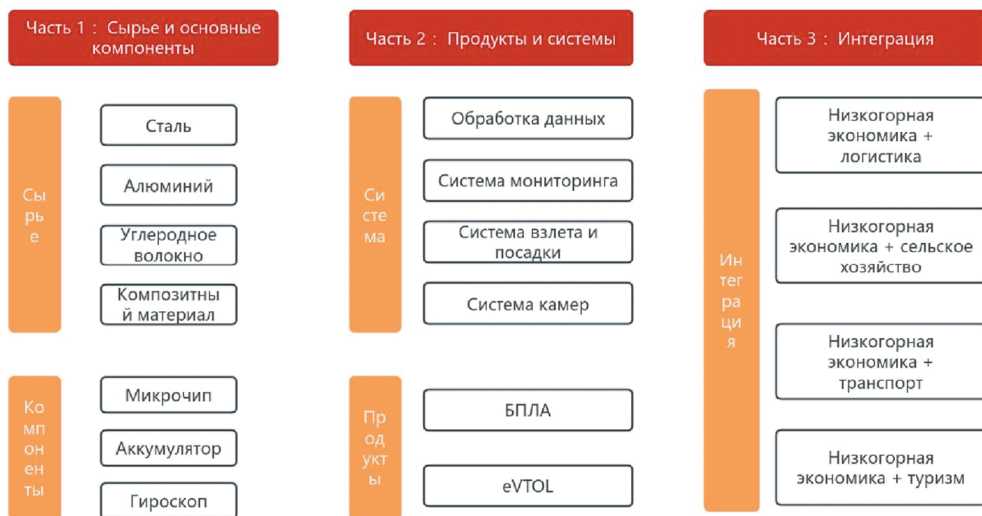

Рис. 1. Базовая промышленная структура «низкой экономики»

К «низковисотной» экономике относятся производство сырья и основных компонентов, а также продукты и системы для низких высот. Первая группа (производство сырья и т. д.) включает в себя материалы и компоненты (микросхемы, аккумуляторы и пр.) от стадии исследований и разработок до производства различных видов промышленного программного обеспечения, стали, алюминиевых сплавов и т. д.

Вторая группа представлена БПЛА, eVTOL, другими «низковисотными» (или маловисотными) аппаратами, а также системами взлета и посадки, обнаружения и управления. В частности, беспилотники широко используются в туризме, логистике, сельском хозяйстве и других направлениях. При этом использование БПЛА повышает производственную эффективность, в том числе за счет избегания последними дорожных заторов (см. рис. 1).

КНР проводит политику, направленную на поддержку развития «низковьсотной» экономики. В Китае зарегистрировано около 20 000 компаний, занимающихся производством БПЛА. По прогнозам Министерства финансов КНР, объем китайского рынка низковьсотных летательных аппаратов в 2025 г. достигнет 800 млрд долл. Развитие цифровой экономики также способствовало применению и развитию беспилотников.

Вместе с тем на пути развития экономики «низковьсотных полетов» стоит еще много проблем. Во-первых, правительство оказывает давление на регулирование в области безопасности, без строгого управления беспилотники могут легко стать причиной ДТП и других несчастных случаев. Во-вторых, в Китае в настоящее время недостаточно развита инфраструктура: площадки, пункты взлета и посадки, средства связи и навигации, необходимые для полетов БПЛА. Технология «низковьсотной» экономики еще недостаточно развита, а существующие технологии не удовлетворяют все рынки спроса.

Библиографический список

Аватков В.А. Уйгурский фактор в политическом взаимодействии Турции и Китая // В.А. Аватков, Е.С. Меньшикова // Свободная мысль. 2023. № 5(1701). С. 114.

Бурова Е.С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 108—115. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-108-115.

Бурова Е.С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Том 5. № 4 (61). С. 59—70. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-059-070.

Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 26—35.

Волошина А.В. Анализ различий в политике в отношении Тайваня республиканской и демократической администраций США в период с 2017 года // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 12.

Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11. С. 47—57.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. Москва: МГИМО МИД России, 2022. 24 с.

Зуева А.Г. Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 96—105. DOI: 10.31857/S013128120024220-3.

Кулаева О.В., Козлова Е.А. Развитие рынков труда в государствах Центрально-Азиатского региона: вызовы и возможности // Евразийские исследования. 2024. № 2(2). С. 75—88.

Мамахатов Т.М. Текущее состояние сотрудничества КНР с Афганистаном и его значение для ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 232—240.

Меньшикова Е.С. «Сообщество единой судьбы человечества» во внешней политике КНР // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности / Сборник статей в 2 Т. / под общ. ред. Т.В. Кашириной, С.А. Агуреева. Состав редколлегии: В.А. Аватков, И.О. Анисимов, А.Е. Базыкин, Е.Е. Гуляева, М.А. Лебедева, А.С. Сафонов, А.Г. Суязова, К.А. Феофанов, П.Ю. Цветов, Р.Н. Шангараев. Том 1. М.: Российское общество политологов, 2021. С. 500.

Мокрецкий А.Ч. Китайская внешняя политика и дипломатия в период пандемии // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022: Сборник статей работы международной научной конференции молодых востоковедов, Москва, 25—26 ноября 2021 года. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. С. 23—31. DOI: 10.48647/ISSA.2022.26.44.027.

Перминова А.А. КНР и государства Центральной Азии / А.А. Перминова, Е.А. Козлова / Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023. Москва: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. С. 338—346.

Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / К.В. Бабаев, А.В. Кортуннов, И.Е. Денисов и др.; Российский совет по международным делам (РСМД); Институт Китая и современной Азии РАН; Институт международных исследований Фуданьского университета. М.: НП РСМД, 2023. 204 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

Сенюк Н.Ю. Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Strategic research, 2023. С. 305—317.

王飞 [*Ван Фэй*]. 竞争, 颠覆与重构: 西方在中亚“去俄殖民化”的记忆政治 [Конкуренция, подрыв и реконструкция: политика памяти Запада о «деколонизации» России в Центральной Азии]. 新疆大学学报 (哲学社会科学版) [Журнал Синьцзянского университета (философия и общественные науки)]. 2024. Т. 52. № 6. С. 58—67. DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2024.06.008. (На Кит.).

Li Kui Wai. Would the “May—Trump” Alliance Like the “Fletcher—Reagan” Alliance in Pursuit of Supply-Side Economics? Comment on Global Economic Development, *E-axes*, February 19, 2017.

Mamakhatov T.M., Mallah Ja.M. The Role of the Sco Countries in Ensuring China’s Energy Security. *RUDN Journal of Economics*. 2021. Vol. 29. No. 4. Pp. 653—663.

Morgan Iwan. Make America Great Again: Ronald Reagan and Donald Trump: From Campaign Trail to World Stage. In: *The Trump Presidency*, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-96325-9_4.

Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/> (дата обращения: 22.02.2025).

The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 22.02.2025).

Whan-Woo Yi. Rough road ahead for Korea's travel balance over China's visa-free policy // *The Korea Times*. November 9, 2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2024/11/602_385839.html (дата обращения: 02.02.2025).

Youvan Douglas. Trump in the Shadow of Reagan: A 1981 Perspective on the Future President, 2025. 10.13140/RG.2.2.10448.21763.

References

Avatkov V.A. Uygurskiy faktor v politicheskom vzaimodeystvii Turcii i Kitaya [The Uighur factor in the political interaction between Turkey and China]. V. A. Avatkov, E. S. Men'shikova. *Svobodnaya mysl'* [Independent thought], 2023, no. 5(1701), p. 114. (In Russ.).

Burova E.S. Novyi mirovoy poryadok: vzglyad iz Singapura [The New World Order: a view from Singapore]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2024, no. 1, pp. 108—115. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-108-115

Burova E.S. Ocenka dvustoronney trgovli RFASEAN pod vliyaniem sankciy [Assessment of bilateral trade of the Russian Federation and ASEAN under the influence of sanctions]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current development issues], 2023, vol. 5, no. 4 (61), pp. 59—70. (In Russ.). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-059-070

Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Ot myagkoy sily k diskursivnoy sile: novye ideologemy vneshney politiki KNR [From soft power to discursive power: new ideologies of China's Foreign Policy]. Moscow: MGIMO MID Rossii, 2022. 24 p. (In Russ.).

Kulaeva O.V., Kozlova E.A. Razvitiye rynkov truda v gosudarstvakh Central'no-Aziatskogo regiona: vyzovy i vozmozhnosti [Development of labor markets in the Central Asian region: challenges and opportunities]. *Evroziyskie issledovaniya* [Eurasian Research], 2024, no. 2 (2), pp. 75–88. (In Russ.).

Li Kui Wai. Would the “May–Trump” Alliance Like the “Fletcher–Reagan” Alliance in Pursuit of Supply-Side Economics? Comment on Global Economic Development, E-axes, February 19, 2017.

Mamakhatov T.M., Mallah Ja.M. The role of the SCO countries in ensuring China's energy security. *RUDN Journal of Economics*, 2021, vol. 29, no. 4, pp. 653–663. (In Russ.).

Mamahatov T.M. Tekushchee sostoyanie sotrudnichestva KNR s Afganistanom i ego znachenie dlya SHOS [The current state of China's cooperation with Afghanistan and its significance for the SCO]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2024, vol. 29, no. 29, pp. 232–240. (In Russ.).

Men'shikova E.S. “Soobshchestvo edinoj sud'by chelovechestva” vo vneshnej politike KNR [“The Community of the common destiny of mankind” in the Foreign policy of the People's Republic of China]. Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti [Actual problems of international relations, international law and security]. *Sbornik statej* [Collection of articles]. In 2 vol., general edition by Kashirinoj T.V., Agureeva S.A., editorial board: Avatkov V.A., Anisimov I.O., Bazykin A.E., Gulyaeva E.E., Lebedeva M.A., Safonov A.S., Suyazova A.G., Feofanov K.A., Cvetov P.Yu., Shangaraev R.N., vol. I. Moscow, Rossijskoe obshchestvo politologov, 2021. P. 500. (In Russ.).

Mokretskii A.CH. Kitajskaya vneshnyaya politika i diplomatiya v period pandemii [Chinese foreign policy and diplomacy during the pandemic]. *Vostochnaya Aziya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [East Asia: Past, Present, Future], 2022. Collection of articles of the International scientific conference of Young Orientalists, Moscow, November 25–26, 2021. Moscow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 23–31. (In Russ.). DOI 10.48647/ICCA.2022.26.44.027. EDN DJOEPY.

Morgan Iwan. Make America Great Again: Ronald Reagan and Donald Trump: From Campaign Trail to World Stage, 2019. 10.1007/978-3-319-96325-9_4.

Perminova A.A. KNR i gosudarstva Central'noj Azii [China and the Central Asian States], A. A. Perminova, E. A. Kozlova. *Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura* [The People's Republic of China: politics, economy, culture]. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 338–346. (In Russ.). EDN RYYOZI.

Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2023: doklad No. 87 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2023: Report No. 87]. K.V. Babaev, A.V. Kortunov, I.E. Denisov et al.; Russian Council on International Affairs (RIAC); Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences; Institute of International Studies of Fudan University. Moscow: NP RIAC, 2023. 204 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (accessed: 03.03.2025).

Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/> (accessed: 22.02.2025).

Senyuk N.Yu. Vliyanie globalizacii i vneshnepoliticheskogo faktora na pryamyje inostrannye investicii KNR [The impact of globalization and the foreign policy factor on China's foreign direct investment]. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ocenki, diskussii, prognozy* [The development model of modern China: assessments, discussions, forecasts]. Moscow: Strategic research, 2023, pp. 305–317. (In Russ.).

The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 22.02.2025).

Vinogradov I.S. Otnosheniya M'yanmy i Kitaya. Strategicheskie interesy i instrumenty vliyaniya Pekina [Relations between Myanmar and China. Beijing's strategic interests and instruments of influence]. *Aziya i Afrika Segodnya* [Asia and Africa Today], 2023, no. 5, pp. 26–35. (In Russ.).

Voloshina A.V. Analiz razlichij v politike v otnoshenii Tajvanya respublikanskoj i demokraticheskoj administracij SShA v period s 2017 goda [Analysis of differences in policy towards Taiwan between the Republican and Democratic administrations of the United States since 2017]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st century], 2024, no. 12. (In Russ.).

Voloshina A.V. Vybory na Tajvane 2024 goda: posledstviya dlya regional'noj stabil'nosti [Taiwan's 2024 elections: Implications for regional stability]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture], 2024, no. 11, pp. 47–57. (In Russ.).

王飞. 竞争、颠覆与重构：西方在中亚“去俄殖民化”的记忆政治 [Wang Fei. Competition, Disruption, and Reconstruction: The Politics of Western Memory of Russia's “Decolonization” in Central Asia]. *新疆大学学报(哲学社会科学版)* [Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Sciences)], 2024, no. 52, no 6, pp. 58–67. (In Chinese). DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2024.06.008

Whan-Woo Yi. Rough road ahead for Korea's travel balance over China's visa-free policy. *The Korea Times*. November 09, 2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2024/11/602_385839.html (accessed: 02.02.2025).

Youvan Douglas. Trump in the Shadow of Reagan: A 1981 Perspective on the Future President, 2025. 10.13140/RG.2.2.10448.21763.

Zueva A.G. Sovremennye vyzovy ekonomicheskogo sotrudnichestva RK i SShA [Modern challenges of economic cooperation between Republic of Korea and the USA]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2023, no. 1, pp. 96–105. (In Russ.). DOI 10.31857/S013128120024220-3. EDN CPSPGX.

Поступила в редакцию: 26.02.2025
Принята к публикации: 26.03.2025

Received: Feb 26, 2025
Accepted: Mar 26, 2025